

Исторические очерки Полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв.¹⁾.

При первомъ образованіи полкового управлениі въ Малороссії въ 1649 г., Лубенщина была раздѣлена между двумя полками: сотни Лубенская, Сенчанская, Лохвицкая, Глинская, Роменская и Константиновская вошли въ составъ Миргородского полка, а сотни—Оржицкая, Яблуновская, Пирятинская, Чернусская, Городисская и Куренская—въ составъ полка Крапивянского. Лубны не могли быть назначены въ это время полковымъ центромъ, вѣроятно, по какимъ-нибудь частнымъ причинамъ, въ родѣ того, что можетъ быть Джеджелью, первому Крапивянскому полковнику, удобнѣе былъ для жительства городокъ Крапивна, чѣмъ Лубны, какъ позже полковнику Андрею Марковичу, фактически перенесшему центръ полкового управлениія изъ Лубенъ въ Роменъ, послѣдній былъ удобнѣе по его личнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ, въ полов. XVII в. Лубны были уже настоящимъ городомъ, въ которомъ имѣлся магистратъ, съ войтомъ, бурмистрами и «мѣйскимъ» писаремъ, и который былъ настолько населенъ, что изъ одного его городского населенія состоялась особая Лубенская сотня²⁾). Поэтому уже въ 1658 г. въ Лубнахъ образуется полковой центръ, при чемъ въ полковой Лубенской округѣ входять названные раньше двѣнадцать сотенъ. Впослѣдствіи границы полка нѣсколько измѣнились, когда включены были въ составъ Лубенского полка вновь образованная сотни—Чигриндубровская (или Жовнинская) Горошинская, Лукомская, Снѣтинская, Хмѣловская и Смѣлянская.

¹⁾ Предисловіемъ къ настоящимъ очеркамъ можетъ служить наша статья: *Лубенщина и князья Вышневецкіе*, напечатанная въ № 1, 2 и 3 «Кiev. Стар.» за 1896 г.

²⁾ Реестра В. Запор., изд. Бодянскимъ, стр. 268.

Урядъ Лубенского полковничества занимали въ XVII в. слѣдующія лица:

Швець Павелъ (1658). **Засядко Яковъ** (1659, 1660). **Шамлицкій Степанъ** (1660, 1661, 1663). **Пырскій Андрей** (1662, 1663). **Вербицкій Игнатъ Яковлевичъ** (1663). **Гамалъя Григорій Михайловичъ** (1665, 1668, 1669, 1687 — 88). **Щербакъ Богданъ Васильевичъ** (1666, 1667). **Плісъ Филиппъ** (1669). **Нестеренко Андрей Корнѣевичъ** (1672). **Михайло Степановъ** (1672). **Сербинъ Иванъ Федоровичъ** (1672, 1675, 1676). **Илляшенко Максимъ** (1676 — 1687). **Головченко Якимъ** (ок. 1688). **Свѣчка Леонтій Назаровичъ** (1688—1699). Въ этомъ спискѣ Лубенскихъ полковниковъ прежде всего нужно отде́лить мѣстныхъ людей отъ чужихъ, получившихъ Лубенское полковничество помимо воли и желанія полчанъ. Къ числу мѣстныхъ людей принадлежали первые пять полковниковъ и затѣмъ—Плісъ, Илляшенко и Свѣчка.—Гамалъя, Щербакъ, Нестеренко, Сербинъ и Головченко были люди чужие полку.

Для ближайшаго ознакомленія съ тѣми людьми, которые руководили общественными дѣлами въ лѣвобережной Малороссіи вслѣдъ за изгнаніемъ отсюда поляковъ, любопытно опредѣлить, чѣмъ были за люди эти полковники и изъ какой среды были выбраны они на полковничій урядъ?—Прежде всего скажемъ о первыхъ пяти изъ нихъ, которые, такъ сказать, установили полковничью власть въ Лубенщинѣ. Всѣ они прежде всего были люди неграмотные, что, какъ видно, не мѣшало имъ главенствовать надъ населеніемъ цѣлой полковой области, равнявшейся теперешнимъ нѣсколькимъ уѣзда мъ. Отчего же это происходило?—Нужно думать, что вслѣдствіе отсутствія грамотныхъ людей, т. е., что въ тогдашней Лубенщинѣ вовсе не имѣлось элемента, хотя бы приближавшагося къ тому, что мы называемъ теперь интелигенціей. Элементъ этотъ вообще былъ слабъ въ южной (степной) лѣвобережной Малороссіи во все продолженіе XVII в. Въ первой половинѣ этого вѣка онъ восполнялся отчасти правобережною «шляхтою»¹⁾, занимавшою разнаго рода служебныя положенія въ панскихъ маєтностяхъ, при чемъ случалось, что въ одномъ мѣстечкѣ одновре-

¹⁾ Можно думать, что, кроме католиковъ, въ средѣ ея былъ и мѣстный элементъ—тогдашніе уніаты.

менно находилось по четыре такихъ «пана» (К. Ст., 1896 г., № 2, стр. 225). «Паны» эти, вѣроятно, были поляки, и они-то составляли въ южной тогдашней Малороссіи такъ называемый высшій слой общества. Но поляки вслѣдь за первыми побѣдами Хмельницкаго изчезли изъ Малороссіи и въ какой-нибудь Лубенщинѣ первые ряды въ обществѣ заняли зажиточные горожане-торговцы (собственно *мѣщане*, отъ слова «мѣсто»—въ смыслѣ торгового центра), отличавшіеся отъ общей массы сельскаго населенія лишь болѣе цѣнною одеждой да нѣкоторымъ большими пристройкамиъ своихъ жилищъ. При такомъ положеніи дѣль бывалый человѣкъ, хотя бы и изъ чужеземцевъ, являлся находкою, при чемъ для примѣра можно указать на сосѣднюю съ Лубенщиною Миргородщину, где въ теченіе девяти лѣтъ (1659—1668) изъ первого времени послѣ изгнанія поляковъ, мы видимъ трехъ полковниковъ изъ чужеземцевъ: Павла Апостола (1659), Демьяна Постоленка (1664—1666) и Григорія Апостола (1668). Въ Лубенщинѣ для занятія полковничаго уряда чужихъ бывалыхъ людей не нашлось и потому приходилось ставить ихъ изъ мѣстныхъ людей. Вотъ мы и видимъ, что въ первые пять лѣтъ послѣ образования Лубенского полка полковничій въ немъ урядъ занимаютъ пять человѣкъ изъ мѣстного люда и всѣ пять—неграмотныхъ: Швецъ, Засядко, Шамлицкій, Пирскій, Вербицкій. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ слѣдовъ, которые бы указывали, что тотъ или другой изъ нихъ чѣмъ-нибудь да выдѣлялся изъ массы, къ которой они принадлежали и съ которою они, значитъ, совершенно сливались....

О Швецѣ единственное упоминаніе находимъ у Величка (I, 328), который, разсказывая о разореніи въ 1659 г. Лубенъ Ромодановскимъ, говоритъ что когда послѣдній, ограбивъ Миргородъ, направился къ Лубнамъ, то «полковникъ Павло Швецъ зо всѣми лубенцями своими о такихъ къ себѣ частяхъ провѣдавши а иле будучи партизантами Выговскаго,—зъ имѣніями своими, якъ могъ забравшимися, війшли прочь въ Лубень и вроznъ, куда очи, розволоклися, самое въ Лубняхъ покинувши убожество....» Затѣмъ изъ того же разсказа видимъ, что плохо пришлось Лубенскому «убожеству», когда полковникъ оставилъ Лубны: «спалилъ ихъ Ромодановскій до щенту, кроме единой св. Троицкой церкви....» Думать нужно, что послѣ этого лубенцы пожелали замѣнить Швеца другимъ, которымъ оказался Засядко. Пробывъ на полковничествѣ годъ или немного больше, Засядко долженъ

быть уступить урядъ этотъ слова другому, конечно вслѣдствіе той же своей малопригодности—нести такой важный урядъ. Малопригодность Засядка къ полковничеству хорошо видна изъ того факта, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ полковничества Засядка занималъ подчиненный сотнику урядъ — Лубенского городового атамана (1675 — 77)¹⁾. Засядка замѣнилъ Шамлицкій, который былъ поставленъ полковникомъ изъ городовыхъ атамановъ, изъ чего, между прочимъ, ясно видно, что персоналъ тогдашней лубенской полковой старшины (обозный судья, писарь, есаулы, хорунжіе) былъ настолько бѣденъ, что въ немъ не нашлось годного къ полковничеству человѣка.... Пробывъ на полковничествѣ года два, Шамлицкій былъ смѣненъ. Объ этомъ полковникѣ сохранилось интересное свѣдѣніе, что когда послѣ смѣщенія Выговскаго поставленъ былъ гетманомъ Юрій Хмельницкій,— отъ которого Малороссія никакихъ улучшений въ своемъ устроеніи ожидать не могла,—то лубенцы, смущаясь ничтожествомъ новаго властителя, не хотѣли приставать къ нему: «а Лубенскій полковникъ Шамлицкій и ево полку начальные люди и козаки, и чернь шатаются и говорятъ— что де будеть силенъ, того де и мы...»²⁾ На основаніи сего свѣдѣнія можно думать, что Шамлицкій никакого значенія въ полку не имѣлъ, вполнѣ подчиняясь шатанію толпы... Шамлицкій былъ замѣненъ Пырскимъ, вѣроятно сыномъ Федора Пырскаго, состоявшаго при полякахъ въ числѣ Лубенскаго «товариства войска Запорожскаго» (Кiev. Стар. 1896, № 2, стр. 223). Пырскій пробылъ на полковничествѣ тоже года два и былъ смѣщенъ уже не полчанами, а Сомкомъ, который въ это время (1663 г.) очень старался о составленіи себѣ партіи, на которую могъ бы опереться при исканіи гетманства. Смѣщеніе Пырскаго Сомкомъ опять таки указываетъ, что и этотъ полковникъ никакимъ значеніемъ среди своихъ полчанъ не пользовался. На мѣсто Пырскаго Сомко устроилъ полковникомъ снова Шамлицкаго³⁾. Но когда Брюховецкій, неожиданно для Малороссіи, былъ поставленъ гетманомъ, то и Сомко и Шамлицкій «сначала заключены были въ оковы», а потомъ казнены въ Борзѣ 18 сентября⁴⁾. Полковникомъ

¹⁾ Книга актовъ Мгарск. м—ри. Въ 1659 г. о Засядкѣ говорится, какъ о «старомъ запорожскомъ козакѣ». Акты ю. з. Россіи, VIII, 202.

²⁾ Памятники, изд. Kiev. Арх. Ком., IV, отд. 8-е, стр. 69.

³⁾ Акты Ю. З. Р., VII, 358.

⁴⁾ Черниг. Губ. Вѣд. 1858 г., № 25.

быль поставленъ Игнать Яковлевичъ Вербицкій, пробывшій на этомъ урядѣ года два, что было рѣдкимъ фактомъ при Брюховецкомъ, который, ставъ гетманомъ, смѣнилъ почти всѣхъ полковниковъ изъ мѣстныхъ людей, замѣнивъ ихъ своими людьми, взятыми изъ «голоты». Вербицкій однакожъ удержался и оставался полковникомъ повидимому до смерти. Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Савватій, постригся монахомъ въ Мгарскомъ монастырѣ и былъ одно время его намѣстникомъ. Записывая въ 1699 году на эту обитель свое имѣніе, Савватій разсказываетъ, между прочимъ, и о семье资料 of his father: «я, іеромонахъ Савватій Вербицкій, законникъ и постриженецъ м—ря Мгарского, вѣдомо чиню нынѣшнимъ и будущимъ на потимъ, а особливо брату моему рожоному меншому Ивану Вербицкому..., моимъ доброволнимъ записомъ, ижъ я, будучи четвертымъ поссесоромъ добръ лежачихъ родителскихъ, небожчика Игнатія Вербицкаго, родича милого моего, и небожчки Параскевіи Вербицкой, милой матки моей, межи братами моими родными, небожчиками Андreeемъ и Мойсеемъ Вербицкими и симъ Иваномъ, въ чомъ-либо то братъ мой меншій Иванъ¹), безъ битности моей въ сихъ краяхъ, бымъ мешкаль на Москвѣ, при смерти матки нашей небожчице Вербицкой, по хотѣнію своему, тестаментъ казавши писати, зъ гребль Березотоцкой и грунтовъ, до ней належачихъ, найменшой части не казаль на мене и брата моего небожчика Андрея положити, албо написати, и ку тому надѣючися вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ обители святой Мгарской (быти?), где волоси голови моей положивши, габѣть иноческій законній принялемъ, прето до той св. обители часть гребли Березотоцкой на рѣцѣ Сулѣ, гдѣ рѣка Удай въ Сулу рѣку упадаетъ, и на рѣцѣ Березоточѣ найдуючай ся, на мене, яко наследника, и на небожчика Андрея Вербицкого, брата моего родного, другую часть той же греблѣ належачай и спадающей, вѣчными часи легую и записую»...²).

Послѣ Вербицкаго Лубенскимъ полковникомъ поставленъ быль правобережный человѣкъ Григорій Гамалъя. Это быль типъ шатавшихся тогда по Украинѣ расторопныхъ людей, которые предлагали

¹⁾ Повидимому, этотъ Иванъ Вербицкій въ 1670 г. быль полковникомъ одного изъ охотницкихъ полковъ и держалъ ружу Дорошенка. Акты Ю. и З. Р., IX, 185.

²⁾ Акты Мгарского м—ря, л. 186.

свои воинскія услуги тому, отъ кого могли ожидать большихъ вы-
годъ. Гамалѣя былъ выходецъ изъ Подоліи, при чемъ первое его
появленіе на лѣвомъ берегу онъ, въ своемъ родословіи, относить ко
времени Б. Хмельницкаго, при которомъ онъ будто бы получилъ
уже и с. Хоружевку (см. это село въ Роменской сотнѣ); вѣрно ли это
извѣстіе—не знаемъ, но потомки Гамалѣи въ к. XVIII в. рассказы-
вали, что они происходять «отъ древняго польскаго шляхетнаго рода
Высоцкихъ», жившаго де въ Летичевскомъ повѣтѣ, при чемъ объ-
ясняли, что Гамалѣями Высоцкіе стали прозываться послѣ того, когда
Григорій Высоцкій былъ посланъ Б. Хмельницкимъ къ турецкому
султану, при чемъ послѣдній де, увидѣвъ гетманскаго посланца, отли-
чавшагося громаднымъ ростомъ, назвалъ его Гамалѣемъ «что, по
увѣренію знающихъ турецкій языкъ, знати великого возрастомъ». Въ
этомъ преданіи, во всякомъ случаѣ, есть частица правды, состоящая
въ томъ, что Гамалѣя былъ посылаемъ въ Цареградъ, но только
Брюховецкимъ¹⁾). Но посылка его туда Б. Хмельницкимъ—сомнительна,
хотя несомнѣнно, что Гамалѣя былъ человѣкъ, очень расторопный и
ловкий... Эта расторопность и дала ему возможность получить Пи-
рятинское сотничество уже въ 1663 г. А когда сталъ гетманомъ
искатель приключеній Брюховецкій, то Гамалѣя сразу былъ имъ
оцѣненъ и возведенъ на урядъ Лубенскаго полковничества. Первымъ
дѣломъ новаго полковника былъ походъ противъ гетманскаго сопер-
ника Тетери, находившагося съ поляками въ Корсунѣ, откуда Гамалѣя
и прогналъ его въ Польшу²⁾). Послѣ этого Брюховецкій бралъ Гамалѣю
съ собой въ Москву, гдѣ онъ былъ пожалованъ дворянствомъ и двумя
селами (Хоружевкою и Хицями). Но эта милость продолжалась не
долго. Вернувшись изъ Москвы позже своихъ полковниковъ, Брю-
ховецкій услыхалъ дома, что Гамалѣя сносится съ его соперникомъ
Дорошенкомъ и принялъ мѣры, чтобы такой расторопный полковникъ
не перешелъ къ этому сопернику. Поэтому, когда Гамалѣя побѣхалъ
въ Гадячъ къ возвратившемуся изъ Москвы, съ молодою женою, гет-
ману, «зъ належитымъ» привѣтствиемъ его малженства и повороту
зъ Москвы, то былъ «вдячне» принять гетманомъ, который «черезъ

¹⁾ О происхожд. Гамалѣи см. дѣло о родѣ Гамалѣевъ въ Черниг. двор. архивѣ,
а о посольствѣ въ Турцію—Самовид, 51.

²⁾ Величко, II, 88.

тотъ день гулялъ съ нимъ коварно, а у вечеръ оковати его велѣвши и за варту отдавши, держалъ болше року въ Гадячомъ подъ крѣпкою сторожею, маючи подобно на него подзоръ о нѣякую листовную зъ Дорошенкомъ корреспонденцію¹⁾). На мѣсто Гамалѣи Брюховецкій тогда же назначилъ Лубенскимъ полковникомъ генерального эсаула Щербака;²⁾ это былъ старый козакъ, принимавшій, повидимому, ближайшее участіе уже въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками, въ числѣ его полковниковъ³⁾). Пробылъ Щербакъ полковникомъ, повидимому, до смерти Брюховецкаго, хотя въ тоже время и съ Гамалѣемъ Брюховецкій примирился, такъ какъ, по свидѣтельству Самовидца, въ 1668 г., Гамалѣяѣздила отъ Брюховецкаго посланцомъ къ султану въ Цареградъ для переговоровъ о принятіи лѣвобережной Украины подъ его протекцію. Это было время, когда Брюховецкій задумалъ отложитьсь отъ Москвы. Затѣянная имъ смута кончилась его смертью.— Послѣ Брюховецкаго явилось два претендента на булаву, Дорошенко и Многогрѣшный, и Малороссія—заволновалась; заволновалась и Лубенщина. Едва ли не въ этотъ моментъ Щербакъ замѣненъ быль другимъ лицомъ. Преемникомъ его, повидимому, хотѣлъ стать тотъ же Гамалѣя, но такъ какъ онъ присталъ къ Дорошенку, а лубенцы были на сторонѣ Многогрѣшного, то вмѣсто Щербака выбранъ быль полковникомъ Филиппъ Плисъ⁴⁾). Многогрѣшный жаловался запорожцамъ, что «безбожный и добра не любящій» Гамалѣя прельщенъ Дорошенкомъ — дружбою и старшинствомъ себѣ врученымъ; старшинство заключалось въ томъ, что Гамалѣя сдѣланъ быль полковникомъ одного изъ «охотныхъ» полковъ, при чемъ Дорошенко поручилъ ему занять Роменъ, повидимому, съ цѣллю повліять отсюда на Лубенскихъ полчанъ и, если можно, переманить ихъ на сторону Дорошенка⁵⁾). Но лубенцы негодовали на Гамалѣю за то, что онъ, будучи у Дорошенка въ Корсунѣ на урядѣ, «присягалъ турскому салтану и салтанскій кафтанъ (присланный къ Дорошенку)

¹⁾ Величко, II, 96.

²⁾ Акты Ю. З. Р., VI, 127.

³⁾ Т. ж., VIII, 283. Здѣсь онъ названъ полковникомъ (Новгородсѣверскимъ?) Богданомъ Щебоченкомъ, но документъ писанъ великокороссомъ и потому произвѣше искажено.

⁴⁾ Акты Ю. З. Р., VIII, 202.

⁵⁾ Т. ж., 80, 176 и 202.

и листъ цѣловалъ».... Дорошенко однакожъ не терялъ надежды воздѣйствовать на Лубенщину черезъ Гамалѣю и поручилъ послѣднему приблизиться къ Лубнамъ, занявши Миргородъ, и отсюда повести интригу. Спустя нѣкоторое время Лубенщина дѣйствительно подчинилась Гамалѣю, такъ какъ Дорошенко называется послѣдняго полковникомъ Лубенскимъ¹). Повидимому, Дорошенко возлагалъ на Гамалѣю большія надежды въ дѣлѣ подчиненія своей власти лѣвобережной Малороссіи, такъ какъ вслѣдъ засимъ поручилъ ему начальство надъ тремя полками—Лубенскимъ, Миргородскимъ и Полтавскимъ—и, въ соединеніи съ татарами, послалъ его занять Роменщину. Сюда и направился противъ него Многогрѣшный, памѣреваясь уничтожить послѣднихъ на лѣвомъ берегу партизановъ Дорошенка. Это Многогрѣшному удалось, какъ кажется, потому только, что лубенцы въ это время уже убѣдились въ крайнемъ легкомысліи Дорошенка, наѣявшагося подчинить лѣвобережную Малороссію, оставаясь за Днѣпромъ²). Приставшая къ Многогрѣшному Лубенщина, повидимому, снова признала своимъ полковникомъ Плиса, хотя и Гамалѣя продолжалъ именоваться Лубенскимъ полковникомъ³). Засимъ Дорошенко выслалъ на лѣвый берегъ своего наказнаго Якова Лизогуба, который обратился къ Лубенцамъ съ длиннымъ посланіемъ, подписаннымъ сторонниками Дорошенка, въ томъ числѣ и «полковникомъ Лубенскимъ» Гамалѣю. Перезывая на свою сторону лубенцевъ, партизаны Дорошенка выхвалили заслуги послѣдняго, заключавшіяся въ томъ, что этотъ гетманъ «обоихъ сторонъ Днѣпра всѣхъ украиныхъ жителей и войско Запорожское въ совершенное и пожелаемое братолюбіе и единство приволь было, такъ что *всѧ о томъ единство тѣшились*... Что, однакожъ затѣмъ снова начало приходить разрозненіе городовъ и все то идеть отъ врага лукаваго, не желающаго добра «народу украиному». Не надобно, продолжаетъ посланіе, спускаться на то никому, что чужестранные народы нашихъ лакомыхъ на уряды людей утѣшаются старѣшинствами войсковыми и многой милости обѣщаніемъ къ себѣ привлекаютъ: все то па народъ нашъ — одно тайное лукавство.... Пусть монархъ московскій, король польскій, яко монархи христіан-

¹) Т. ж., VIII, 245 и IX, 70.

²) Акты Ю. З. Россіи, IX, 70—81.

³) Т. ж., 124, 126.

скіе, будуть себѣ здоровы, а вамъ съ нами для чего роздитися? Оба эти монарха стараются обѣ успокоеніи своихъ государствъ; о томъ же нужно и намъ стараться, и мы должны единокупно радѣть обѣ укрѣщеніи своихъ вольностей и о спокойствіи отчизны. Тутъ-то намъ и является добрымъ «приводцемъ» гетманъ Петро Дорошенко, который не о чемъ иномъ заботится, какъ о только, чтобы никогда раздвоена и разрознена не была Украина¹⁾.... Такъ писалъ Лизогубъ лубенцамъ, повидимому, придавая склоненію ихъ на свою сторону особое значеніе, при чёмъ можно добавить, что лубенцы, какъ и вся Украина, желали и сами указываемаго «единства», но не надѣялись на его осуществленіе при руководствѣ Дорошенка, который вѣль это дѣло безъ всякой энергіи. Лубенцы разсуждали при этомъ практически, что нельзѧ ожидать успѣха въ дѣлѣ объединенія народа «Украиннаго», когда Дорошенко уклоняется отъ личнаго руководительства этимъ дѣломъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ во всякомъ случаѣ народнаго самосознанія было гораздо больше, чѣмъ на правомъ, и гдѣ слѣдовательно поестественному и нужно было пребывать тому, кто такъ много говорилъ о своемъ желаніи соединить оба берега Днѣпра. По этому лубенцы не пристали къ Дорошенку, хотя и къ противнику его относились «такъ и сякъ»²⁾. Почему Лубенцы имѣли такое значеніе въ глазахъ Дорошенка, это обстоятельство должно быть, повидимому, объяснено тѣмъ, что Лубенциной очень интересовался Гамалля, а послѣднимъ, въ свою очередь, очень интересовался Дорошенко, видя въ этомъ полковникѣ способнѣйшаго своего адепта въ лѣвобережной Украинѣ. Но когда здѣсь одержалъ верхъ Многогрѣшный, то въ Лубнахъ полковникомъ поставленъ былъ Иванъ Сербинъ³⁾. Повидимому, это былъ выходецъ изъ Сербіи, прибывшій въ Малороссію съ отрядомъ сербовъ («сербянъ») при Выговскомъ, который и воспользовался ими въ своей борьбѣ съ Пушкаремъ. Въ 1658 г. Сербинъ называется уже Браиловскимъ полковникомъ⁴⁾. Получивъ полковничій перначъ изъ рукъ Многогрѣшнаго, Сербинъ, желая оправдать довѣrie гетмана, ревниво оберегалъ побережье Днѣпра въ

¹⁾ Т. ж., IX, 181—185.

²⁾ Т. ж., 188.

³⁾ Т. ж., 264.

⁴⁾ Т. ж., IV, 91—159.

своемъ полку оть вторженія Дорошенка и Ю. Хмельницкаго¹⁾. Сербинъ продержался полковникомъ до 1672 г., когда былъ смѣненъ въ числѣ другихъ «старыхъ» полковниковъ, которыхъ Многогрѣшный замѣнилъ преимущественно своею роднею и «иншими конфидентами»²⁾. На мѣсто Сербина былъ назначенъ гетманскій зять Нестеренко, но пробылъ онъ не долго на урядѣ, такъ какъ осенью того же года Многогрѣшный былъ низложенъ. На мѣсто Нестеренка назначенъ былъ—низложившею гетмана старшиною—какой-то Михайло Степановъ³⁾. Можетъ быть это былъ Михаилъ Кіашка, человѣкъ бездомный, готовый служить гдѣ выгоднѣе и бывшій передъ симъ полковникомъ Миргородскимъ. Послѣ низложенія Многогрѣшнаго Миргородскому полковникомъ видится Иванъ Дубяга, который м. б. былъ поставленъ изъ людей мѣстныхъ, вслѣдствіе чего Кіашкѣ нужно было здѣсь уступить и взять другой, сосѣдній полковничій урядъ. Впрочемъ, это лишь наша догадка. Полковничество этого Михаила продолжалось недолго, всего нѣсколько мѣсяціевъ, такъ какъ на статьяхъ Самойловича Лубенскимъ полковникомъ видится снова Иванъ Сербинъ. Есть извѣстіе, что Сербинъ въ это время сталъ зятемъ извѣстнаго Сѣрка⁴⁾, почему быть можетъ, что Самойловичъ при поставленіи Сербина, имѣлъ въ виду задобрить тестя, имѣвшаго такое значеніе на Запорожье.—На сей разъ Сербинъ оставался полковникомъ, по-видимому, не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ онъ упоминается полковникомъ еще и въ 1676 г.⁵⁾. Не раньше 1677 г. Сербина замѣнилъ Роменскій сотникъ Максимъ Илляшенко. Это былъ козакъ родомъ изъ с. Коровинецъ и козакъ настолько богатый, что на одной изъ его дочерей былъ женатъ родной племянникъ гетмана Самойловича, будущій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого свойства Илляшенко сначала поставленъ былъ Роменскимъ сотникомъ, а потомъ и Лубенскимъ полковникомъ. На послѣдніемъ урядѣ онъ пробылъ до конца гетманства Самойловича. Мы имѣли подъ руками бумаги Илляшенковыхъ наслѣдниковъ, спо-

¹⁾ Т. ж., IX, 263.

²⁾ Т. ж., 688.

³⁾ Т. ж., IX, 850.

⁴⁾ Т. ж., IX, 898.

⁵⁾, Въ актѣ 1676 г. мы видимъ лубенского полковника Ивана Федоровича. Несомнѣнно это и былъ Сербинъ. Акты Мгарск. м.-ри, л. 96.

рившихъ о наслѣдствѣ полковника; изъ этихъ бумагъ прежде всего видно, что Илляшенко оставалась полковникомъ болѣе десяти лѣтъ, маєтностей не нажилъ... Это былъ во всякомъ случаѣ рѣдкій при-мѣръ, чтобы близкій свойственникъ гетмана, располагающей при томъ огромною властью, ничего не нажилъ и ничего не выпросилъ... Низ-ложень былъ Илляшенко, вмѣстѣ со своимъ патрономъ,—на Коломакѣ. Однакожъ Илляшенко былъ настолько популярренъ въ «войскѣ», что Мазепа, преслѣдуя его зятя Михайла Самойловича, Илляшенка на-шель нужнымъ наградить маєтностью и далъ ему въ 1689 г. родное его село Коровинцы, пояснивъ въ универсалѣ, что награждается бывшій Лубенскій полковникъ за его службу подъ Чигириномъ, т. е. за службу 1672 г.¹⁾.

На мѣсто Илляшенка поставленъ былъ тамъ же, на Коломакѣ, уже извѣстный намъ Григорій Гамалѣя, который, находясь въ это время при гетманѣ въ числѣ «значного товариства войскового», при-нималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ старшины противъ Самойло-вича.—Оставшись сторонникомъ Дорошенка и послѣ утвержденія на гетманствѣ Многогрѣшнаго, Гамалѣя долженъ былъ покинуть лѣво-бережную Украину и затѣмъ находился при Дорошенкѣ до 1675 г., при чёмъ пользовался у послѣдняго такимъ значеніемъ, что бывалъ и наказнымъ его²⁾. Только въ 1675 г. Гамалѣя оставилъ этого сво-его патрона, убѣдившись конечно въ полной безуспѣшности всѣхъ его начинаній, и снова вернулся на лѣвый берегъ, гдѣ у него оста-вались связи отъ прежняго тутъ пребыванія. На этотъ разъ Гамалѣя привелъ сюда съ собою и младшаго брата Андрея³⁾. Мы уже ви-дѣли, что въ поїздку Гамалѣя съ Брюховецкимъ въ Москву, ему были пожалованы два села Хоружевка и Хитци (на Сулѣ). Нѣть свѣдѣній о томъ—осуществлялъ ли Гамалѣя право свое на эти маєт-ности, такъ какъ вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Москвы онъ былъ лишенъ полковничества, а затѣмъ перешелъ на правый берегъ Днѣпра къ Дорошенку. Кажется, что Хитцями Гамалѣя вовсѣ не владѣль, а Хоружевкою сталъ владѣть уже при Мазепѣ. На лѣвомъ берегу Га-

¹⁾ Свѣдѣнія о потомствѣ Илляшенка и портретъ этого полковника, сохранившійся у его потомковъ—Полетикъ, см. въ Кіев. Стар. 1891 г., № 1.

²⁾ Акты Ю. З. Р., IX, 185, 611. X, 65, 123, 493, 516 и т. д. Въ 1674 г. Гамалѣя одно время былъ и наказнымъ Дорошенка (стр. 660—662).

³⁾ Акты Ю. З. Р., XII, 349, 403.

малъя оселился, повидимому, въ Лохвицѣ, купивъ тутъ и поблизу нѣсколько грунтовъ. Здѣсь онъ ждалъ случая опять попасть въ старшину и дождался... Получивъ на Коломакѣ полковничество, потому что Мазепѣ нужно было отблагодарить старого полковника за его помощь въ низложеніи Самойловича, Гамалъя однакожъ не долго оставался на этомъ урядѣ. Вѣроятнѣе всего, что Мазепа не нашелъ въ немъ достаточной покорности и угодливости своимъ хотѣніямъ, при чёмъ Гамалѣю тѣмъ легче было лишить уряда, что онъ не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей съ влиятельною старшиною. Однакожъ и послѣ отставки Мазепы ласкалъ Гамалѣю, видя, значитъ, въ немъ человѣка, имѣвшаго голосъ въ обществѣ; такъ, въ январѣ 1689 г., гетманъ утвердилъ за нимъ с. Хоружевку и «вновь даль» с. Бодакву и мельницы на Хрулевской греблѣ, а въ мартѣ 1690 г. отдалъ и сельцо Хрули съ людьми, тяглыми¹⁾.

Умеръ Гамалѣя въ 1702 г., при чёмъ смерть его была отмѣчена и Павломъ Полуботкомъ: «Гамаль Гришко умеръ» (1702 г.)—записано въ лѣтописныхъ замѣткахъ послѣдняго²⁾. «Памятаючи, жебъ смертная квота звенаца отъ свѣта его не розлучила», Гамалѣя еще въ 1694 г. написалъ свое завѣщаніе, при чёмъ относительно «тѣла», просилъ свою жену, чтобы оно было «поховано» при храмѣ Рождества Богородицы (въ Лохвицѣ), добавивъ—«що тежъ она, малжонка моя, будетъ вѣдати, якъ за душу мою до св. мѣстъ и церквей Лохвицкихъ легацію отдать». Будучи бездѣтенъ, Гамалѣя все свое имѣніе завѣщалъ женѣ. «Аще якъ много есть набытковъ, которыхъ презъ килка десять лѣтъ зъ милою мою малжонкою нажили, всѣ ей до шафованія подаю... Тутъ же докладаю, кгдѣ дастъ Богъ моей малжонцѣ, по смерти моей, килка часий вѣка сего прожити, въ тотъ часъ, на кончинѣ своей, мѣтъ тестаментомъ ствердити, кому що подлугъ волѣ своей, а наибѣрѣй тому, кто еи будетъ шановати, легацію чинити позволяю». Полученнымъ вдовою имѣнія были настолько цѣнны, что за нею стали ухаживать свои и чужие, съ цѣлью заслужить это наслѣдство. Прежде всѣхъ этой цѣли, казалось, достигъ Мгарскій игуменъ Филаретъ Кощаковскій, такъ какъ первое свое завѣщаніе старая полковница написала въ пользу «Мгарской обители»,

¹⁾ Копії универсаловъ въ б.—кѣ Михайловскаго монастыря, въ книгѣ Коніи, № 86 и слѣд.

²⁾ Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіев. Стар., I, 4

отдаливші при этомъ отъ наслѣдства всѣхъ своихъ «кровныхъ». Но когда Кощаковскій умеръ, то къ вдовѣ снова обратились ея «кровные», вѣроятно, убѣждая старуху, что Мгарская обитель и безъ того богата и что Гамалѣевское наслѣдство слѣдуетъ отдать Гамалѣю же. Ближайшимъ «кровнымъ» старой полковницы въ это время былъ Михаилъ Андреевичъ Гамалѣя, родной племянникъ Григорія Гамалѣи и бывшій Лохвицкій сотникъ; но это уже былъ старикъ, жившій въ Лохвицѣ на покой; лично онъ могъ уже и не интересоваться наслѣдствомъ дяди, но у него было много сыновей, которымъ оно очень годилось. Своимъ наслѣдникомъ изъ «кровныхъ» вдова выбрала Ивана Михайловича Гамалѣю; но монахи не дремали, и на этотъ разъ уже не Мгарская обитель, а «Михайловскіе отцы», т. е. Кіевскій Михайловскій м-ръ. Избранный въ 1711 г. игуменомъ этого м-ря Іоанникій Сенютовичъ тогда же обратился съ письмомъ къ вдовѣ, совѣтуя ей сдѣлать «легацію» въ пользу Михайловскаго м-ря. Въ ноябрѣ 1711 г. Гамалѣиха отвѣчала, не отвергая возможности исполнить просьбу игумена, но указывала на неудобство момента для составленія такой легаціи: «сего времени не можетъ сіе стати; когда жъ ѿ моего убожества,—все не на версѣ зостаетъ, а то ради неспокойного теперъ поводячагося часу.... Мушу зъ моимъ убожествомъ не на явцѣ держатися»¹⁾.... Этими словами полковница хотѣла сказать, что въ то тревожное время, когда правительство заканчивало счеты съ сторонниками Мазепы, неудобно было вести рѣчь о маєтностяхъ, права на которыхъ утверждались универсалами этого самаго гетмана... Сенютовичъ подождалъ пока Мазепинское дѣло было призабыто и снова сталъ убѣждать Гамалѣиху отдать мужнини маєтности Михайловскому м-рю, не смотря на то, что онъ, Сенютовичъ, въ то время былъ уже «Печерскимъ» архимандритомъ.—Хлопоталъ онъ о Михайловскомъ м-рѣ, конечно, находя, что Лавра уже достаточно богата... На этотъ разъ Сенютовичъ повелъ дѣло такъ, что самъ гетманъ явился его помощникомъ. Гамалѣиха получила «рейментарское писаніе» Скоропадского, указывавшее вдовѣ на большую полезность отдачи маєтностей монастырю, чѣмъ родичамъ; тоже совѣтовалъ старухѣ и митрополитъ Кроковскій. Вдова сдалась на такие «благоразумныя разсужденія высокоповажныхъ особъ» и большую часть имѣній записала

¹⁾) «Копія» въ б-кѣ Михайл. м-рія, л. 103.

Михайловскому монастырю, оставивъ, впрочемъ, часть и Ивану Гамалѣ, какъ это видно изъ завѣщанія, по которому часть водяныхъ мельницъ при с. Хруляхъ, въ сотнѣ Сенчанской, на р. Сулѣ, село Хрули съ людьми, съ дворцемъ (т. е. усадьбою) и со всѣми полями и х. Ведкаловка, подъ Коноваломъ, завѣщаны Михайловскому монастырю; другая часть Хрулевскихъ мельницъ, «садъ подъ Христиновою и слободка съ людьми тамъ же поселенная—завѣщаны «внуку» Ивану Михайловичу Гамалѣ. Завѣщаніе писано въ Печерской лаврѣ, какъ это видно по свидѣтелямъ, подписавшимъ завѣщаніе: іеромонахъ Модестъ Ильницкій, намѣстникъ Печерскій, іеромонахъ Евстратій», архіерей, схимонахъ Феодоръ, митрополитъ Сибирскій, и наконецъ, Лохвицкій сотникъ Степанъ Пестичъ, подписавшій завѣщаніе безъ указанія Лохвицкаго уряда, которому было бы явлено это завѣщаніе, изъ чего видно, что подпись Пестича явилась уже послѣ. Кромѣ того на завѣщаніи имѣется такая приписка: «вкладъ благодѣтелей похваляя и прошенію отцевъ Михайловскихъ довлетворя, руку мою подписахъ Іоасафъ Krakовскій, митрополитъ Київскій»¹). Такимъ образомъ, благодаря Сенютовичу «Михайловскіе отцы» получили цѣнный вкладъ въ свою имущественную сокровищницу. Всльдъ за симъ старая полковница умерла (1714 г.), но ея наслѣдники долго еще не могли успокоиться, упустивъ изъ рукъ такое богатство. Интересно, что черезъ сорокъ лть послѣ смерти вдовы полковника тотъ же Иванъ Михайловичъ все еще надѣялся на возможность вернуть дѣдовскія маєтности; въ 1754 г. онъ передалъ право свое на отысканіе этого наслѣдства (по «улиточной записи») сыновьямъ своимъ Ивану и Андрею, которые и подали въ 1759 г. прошеніе гетману Разумовскому, гдѣ, разсказавъ всѣ пройски монаховъ, просили объ уничтоженіи посмертной воли своей прабабы. Но, разумѣется, поздно уже было обѣ этомъ хлопотать²)...

Преемникомъ Гамалѣи былъ Головченко, прежній Черкасскій полковникъ (1669 г.), перешедшій потомъ, послѣ разоренія Чигирина, на лѣвый берегъ и служившій здѣсь у Самойловича «дворяниномъ»³). Лубенскимъ полковникомъ Головченко не пробылъ и года. На мѣсто

¹) Завѣщанія Григорія Гамалѣи и жены его Марки Васильевны взяты нами изъ книги «Кошикъ актовъ», наход. въ б-кѣ Михайловск. м-ри.

²) Бумаги Київ. Центр. Арх., перед. изъ Київ. Губ. Правл.

³) Акты Ю. З. Р., IX, 182 и XIII, 682 и слѣд.

его былъ назначенъ **Лукьянъ Свѣчка**, который въ первый разъ встречается въ 1672 г., въ числѣ лицъ подписавшихъ «статьи» Самойловича, гдѣ онъ значится—«Левко Свѣчка, судья». Затѣмъ, лѣтъ черезъ десять видимъ его уже въ числѣ полковыхъ есауловъ; изъ есауловъ же въ 1688 г. Свѣчка поставленъ былъ полковникомъ... Такой необычный для тогдашняго времени скачокъ трудно объяснить, если только тутъ не имѣла мѣста симонія: Свѣчка былъ человѣкъ денежный, а Мазепа любилъ деньги. Пробывъ на полковничествѣ до своей смерти въ 1699 г., Свѣчка за десять лѣтъ нажилъ обширныя земельныя маestности, захвативъ десятки верстъ земель въ настоящемъ Пирятинскомъ уѣздѣ. Свѣчка первый положилъ въ Лубенскомъ полку начало захвату старшиною общественныхъ земель. А дѣлалъ Свѣчка это, напр., такимъ образомъ: когда въ 1689 г. удалось ему возвратить въ составъ Пирятинской сотни часть земель Лубенского полка, захваченныхъ Переяславскимъ полковникомъ Полуботкомъ, то за хлопоты поестественному дѣлу Свѣчка получилъ отъ Пирятинскихъ сотнянъ цѣнную благодарность, состоявшую изъ части этой же возвращенной земли. Въ написанномъ по этому случаю актѣ читаемъ: «Мы, Петръ Барщевскій, протопопъ Пирятинскій, Андрей Гладкій, сотникъ, и друг. чины пирятинской сотни, прійдя съ поклономъ къ своему полковнику Леонтию Свѣчкѣ, чтобы поблагодарить его за хлопоты, благодаря которымъ онъ отстоялъ степь за Сухою Оржицею... И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковнику, что вольно ему взять себѣ *какую хотеть* степь для сѣнокашенія и онъ, полковникъ, не желая ничего брать даромъ, далъ 200 талеровъ за Сухую Оржицу, начавъ отъ шляху, который идетъ на с. Коломійцы, у вершины Сух. Оржицы съ принадлежащими къ ней *пологами*¹⁾ и за селище Малютинское, гдѣ онъ имѣеть право и людей поселить...»²⁾). По одному этому акту Свѣчка пріобрѣталь десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы въ предѣлахъ теперешняго Пирятинского уѣзда, которыхъ тогда почти вовсе не были еще заселены. Раньше передъ этимъ Свѣчка получилъ отъ Мазепы универсаль на два села—Давыдовку и Деймановку и на два хутора Коломійцы и Короваи. Обезпечивъ себя двумя актами, въ которыхъ граница пріобрѣтенныхъ земель не могли быть указаны по ихъ неизвѣстности, Свѣчка

¹⁾ «Пологами» въ западн. части Полт. губ. называются живія побережья рѣкъ, то что въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи зовутъ «оболоньми», «подолами».

²⁾ См. Кіевск. Стар. 1882 г., іюнь.

стать селить на этихъ земляхъ слободы, изъ которыхъ возникли за-тѣмъ села—Малютинцы, Городище, Коровай, Каевка и разные хутора. Наживъ такія богатства, Свѣчка, по замѣчанію Мазепы, пересталъ ревновать о службѣ. Когда въ 1696 г. гетманъ послалъ его освобождать Голту в отъ татарскаго нападенія, то въ отвѣтъ получилъ отъ Лубенского полковника донесеніе объ «оборотахъ» непріятеля «по чужимъ повѣстямъ». Укоряя Свѣчку за такое его не «рыцарское» поведеніе, Мазепа сдѣлалъ на служебномъ къ нему обѣ этомъ письмѣ слѣдуюшую любопытную приписку: «Знати, же велми, ваша милость, памѧтасиъ евангельское слово и тому прилежно послѣдуеніе: «идѣ же есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша». Домышилься мы, же много, в. м-ть, животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровище; а при нихъ и душу свою уважуещъ такъ мочно, же не хочется вашей м-ти и на такую пылкую монаршую ву оборонѣ отчизны или службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки передъ нами въ той мѣрѣ вынаходить. А такъ мы вашей м-ти учевнялемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ за нашимъ до Лубенъ прибытемъ устережемо и додержимъ в. м-ти въ щѣности, тилко по правдѣ ознайми, гдѣ що зложено, а иди, в. м-ть, безъ сумнителства туда, гдѣ указъ нашъ гетманскій повелѣваетъ»¹⁾). Изъ этой приписки видно, что Мазепѣ хорошо было известно о значительномъ накопленіи у Лубенского полковника «сокровищъ», которыми однажды скупой полковникъ, какъ видно, не дѣлился съ гетманомъ и тѣмъ вызывалъ гетманскіе упреки... Умеръ Леонтій Свѣчка въ 1699 г., распредѣливъ свои имѣнія по завѣщанію между тремя сыновьями, при чемъ старшему Василію назначилъ: «хуторъ надъ р. Оржицею, прозвываемый Городище, со всѣми угодьями ажъ внизъ Корниевки, людей въ Корниевцѣ и Городищѣ новоосажденныхъ и с. Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были люди въ с. Малютинцахъ осаженные и с. Давыдовка. Третьему сыну Ивану отецъ завѣщалъ хуторъ въ с. Коровайхъ съ людьми въ немъ осаженными и с. Денисовку. Наконецъ, невыданнымъ замужъ дочерями, «дѣвчатамъ Любѣ и Ганнусъ» и женѣ Домникѣ Свѣчка завѣщалъ разную движимость. По смерти отца старшіе два его сына, Василій и Лукьянъ, (младшій Иванъ—умеръ), продолжали увеличивать свои земельныя богатства, причемъ Лукьянъ особенно прославился своими насилиями среди Пи-

¹⁾ Акты Запад. Россіи, V, 278.

рятинскихъ сотнанъ. Объ этихъ насилияхъ не разъ будемъ упоминать при описании отдельныхъ поселеній. Такими же насилиями известна была и внукъ полковника—Иванъ Васильевичъ Свѣчка, отъ которого особенно страдали козаки с. Антоновки, доставшейся на часть Ивана. Этотъ Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и его имѣнія перешли къ его двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была за Николаемъ Юрковичемъ, а другая за Ильей Александровичемъ. Бездѣтнымъ умеръ и Лукашъ Свѣчка, и его наследство перешло къ двумъ его зятямъ—Якову Гамалѣ и Андрею Вакуловичу. Мужское потомство Свѣчекъ пошло отъ Степана Васильевича Свѣчки, у внука которого Петра Алексѣевича, въ к. XVIII в., было болѣе 4000 крест. въ сс. Городицѣ, Коровахъ, Корниевкѣ, Петровкѣ, Каевкѣ, Селякахъ и разныхъ хуторахъ.

Окончивъ съ полковниками XVII в., переходимъ къ небольшому ряду полковниковъ XVIII в. Этими полковниками были: Зеленскій Дмитрій, (1708), Савичъ Василій, (1710—1714), Марковичъ Андрей, (1714—1727), Апостоль Петръ Даниловичъ, (1728—1757), Куллябка Иванъ Петровичъ, (1757—1770) и Максимовичъ Степанъ Петровичъ, (1770—1781). Зеленскій назначенъ былъ полковникомъ, повидимому, вслѣдъ за смертью Свѣчки, но свѣдѣній о немъ почти не сохранилось. Вероятно, это былъ выходецъ съ праваго берега. Днѣпра, такъ какъ никакого родства на лѣвомъ берегу у него не видно. Здѣсь онъ только женился на дочери Федора Иванонича Сулимы (сына казненнаго въ 1635 г. Запорожскаго гетмана), на двухъ другихъ дочеряхъ котораго были женаты—гетманъ Семенъ Самойловичъ и Дмитрій Максимовичъ, будущій генер. есаулъ¹⁾. Зеленскій былъ настолько отличенъ Мазепою, что получиль полковничество, не занимая передъ тѣмъ никакого уряда, а вероятно лишь находясь въ числѣ гетманскихъ «дворянъ». Чѣмъ заслужилъ такое отличие Зеленскій—не знаемъ; можетъ быть умѣніемъ угодить, но не богатствомъ, котораго у него не было. Мазепа настолько отличалъ Зеленскаго, что наградилъ его богатыми маєтностями, давъ ему въ Лубенскомъ же полку м. Константиновъ, съ окружавшими его землями, на которыхъ частью уже были поселенія (В. Будки, Курманы), а частью селились слободы самъ Зеленскій. Отдача въ «державу» сотенного городка, какимъ былъ Константиновъ, тоже указывается на

¹⁾ Мотыжинскій Арх., 9, 10.

особую пріязнь Мазепы къ Зеленскому. Кромѣ того, Зеленскій, по-видимому, самолично отдѣлилъ себѣ въ ранговое пользованіе Буромлю, Александровку и Луку. Но всѣ сіи блага фортуны погибли, когда въ 1708 г. Зеленскій пошелъ за Мазепою въ его шведскую авантюру; въ этой авантюре Зеленскій гдѣ-то и изчезъ. Жена его однажды была захвачена и приговорена къ ссылкѣ, но оставалась въ Глауховѣ еще и въ 1712 г., когда Скоропадскій писалъ ей Головкину, что «жена Зеленского для настоящей болѣзни, дряхлости и убожества, же никакихъ не имѣть пожитковъ, нѣ людей, нѣ коней, на чомъ бы ей и зачитьѣ бѣхать къ Москвѣ, также до указу царскаго величества тутъ оставлена...»¹⁾). Ницца вдовы Зеленского объясняется тѣмъ, что всѣ мужчины маestности были тогда же отобраны и отданы, въ 1711 г., Скоропадскимъ Головкину, при чёмъ изъ этого одного факта видно, какъ цѣнны были имѣнія Зеленскаго.

Пресмѣникъ Зеленскому назначенъ былъ только въ 1710 г. въ лицѣ Василія Савича; это былъ сынъ старого Лубенскаго обознаго Саввы Кириллова, прозвище котораго не сохранилось. Этого Савву на Лубенскомъ обозничествѣ видимъ уже въ 1672 г., а въ 1675 г. Савва Кирилловъ одновременно занималъ уряды обознаго и судьи,— случай только разъ намъ и встрѣтившися и могущій быть объясненнымъ только бѣдностью того мѣстнаго персонала, изъ котораго набиралась полковая старшина. Савва Кирилловъ былъ женатъ на какой-то Татьянѣ Гиркаловнѣ, которая послѣ его смерти вышла вторично замужъ за Андрея Яковлеву, (прозвище котораго тоже не сохранилось), занимавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ XVII в. полковые уряды судьи и обознаго. Андрей Яковлевъ дѣтей не имѣлъ и имѣнія свои оставилъ частью брату Артему Яковлеву, а частью вдовѣ. Наслѣдство вотчина дало возможность и Василію Савичу поправить свое благосостояніе, такъ какъ у отца его никакихъ маestностей не было, а вотчина оставила с. Хорошки.—Василія Савича въ первый разъ встрѣчаешь въ 1699 г. на урядѣ полковаго есаула, а въ 1702 г. онъ былъ полковымъ сотникомъ. Сотникомъ Савичъ оставался, по-видимому, и въ 1708 г., когда по случаю измѣнъ Зеленскаго Лубенскій полкъ остался безъ полковника. Въ это время Савичъ успѣлъ чѣмъ то отличиться и въ 1710 г. назначенъ былъ полковникомъ.

¹⁾ Источники Маморос. истор., собр. Д. Вант.-Ком., II. 269.

На этомъ урядѣ онъ пробылъ всего четыре года, наживъ за это время два села, Ходолѣвку и Карпиловку, и огромную степь—Стро-качи. Карпиловка дана была Савичу по универсалу 15 мая 1714 г.—«п. Василій Савичъ, полковн. Луб-ій, купивши млины на греблѣ Карпиловской и прочіе грунта, по небожчику Семашку¹⁾ позосталіе, просилъ насъ о надане селца Карпиловки, яко къ тимъ грунтамъ прилеглого», что гетманомъ и было исполнено, при чёмъ Карпиловка отдана была «въ зуполное владеніе», съ позволеніемъ «людей тамошнихъ тяглыхъ до належитого себѣ употребляти послушенства и повинности». Этотъ универсалъ данъ былъ Савичу незадолго до его отставки, послѣдовавшей будто бы по желанію самого Савича, какъ говорится въ универсалѣ того же 1714 г., которымъ на място Савича назначался шуринъ Скоропадскаго—Марковичъ. «Лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья, а на място его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагерь нашъ, при чёмъ и полковая старшина съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагре нашемъ».... Можно догадываться, что болѣзнь Савича здесь явилась лишь потому, что място его потребовалось для человѣка очень близкаго къ гетману; а можетъ быть за Савичемъ были и какие-нибудь грѣхи, дававшіе Скоропадскому возможность потребовать отъ него отставки. Засимъ Савичъ скоро и умеръ, оставивъ вдову съ двумя малолѣтними сыновьями Петромъ и Василіемъ. Достатки у вдовы были хорошие: три села и огромная степь, въ это время лишь заселявшаяся. Сыновья полковника въ 1735 г. были уже бунчуковыми товарищами, но еще неженатыми. Старшему сыну мать задумала было выскочатъ дочь Семена Лизогуба (зятя гетмана Скоропадскаго), но послѣднему сватовство это показалось маложелательнымъ, и онъ, черезъ близкихъ людей, передалъ полковницѣ, что дочь его еще молода, почему о сватовствѣ ея трудно еще и говорить. Однакожъ, вмѣстѣ съ такимъ отвѣтомъ, Лизогубъ поручалъ одному изъ своихъ зятей—собратъ вѣрныхъ свѣдѣнія о достаткахъ сыновей полковника и о томъ — какую часть отдѣлила мать *младшему сыну* Василію, при чёмъ Лизогубъ добавлялъ, что относительно этого меньшаго Савича можно еще по-

¹⁾ Уласъ Семашко—сотникъ Пирятинскій въ 1684—87 гг.

думать, но что во всякомъ случаѣ нужно подождать года-полтора, да и то при условіи, если матъ подѣлить своихъ сыновей, чтобы можно было судить, что именно достанется младшему Савичу. Очень оскорбилась старая полковница, услыхавъ такой отвѣтъ. Во первыхъ, обиделась она, что Лизогубъ почему то пренебрегаетъ старшимъ ея сыномъ. «Усмотрѣль ли Лизогубъ за нимъ какой подзоръ, спрашивала Савичка, или услыхалъ отъ кого какое-нибудь худое о немъ объясненіе? Оба сына ея, говорила полковница, «безподзорны» и оба «въ чести своей обрѣтаются». При чемъ также нельзя упрекнуть старшаго сына и въ «престарѣлости», такъ какъ онъ только одинъ годомъ старше младшаго. Относительно раздѣла полковница передавала Лизогубу, что сыновья ея—«единоотечніе и матерніе» и что такъ какъ другихъ сыновей, кроме этихъ двухъ, у нея нѣть, то всѣ маestности будуть подѣлены между ими двумя поровну. Поэтому нечего и спрашивать—какая часть имѣній будетъ отдѣлена на младшаго, тѣмъ болѣе, что «во всякихъ и большихъ домахъ» сыновьями неженатыми выдѣль не производится («не бывають отѣновани»), а при томъ случается, что и женатому сыну приходится «терпѣть», если живъ отецъ и матъ, а особенно, если приходится жить съ ними вмѣстѣ. Да къ тому же это новый былъ бы «образецъ» въ Малороссіи, если бы неженатые сыновья, живущіе при родителяхъ, надѣялись маestностями, чтобъ было бы въ явную обиду родителямъ).—Передавая Лизогубу этотъ любопытный свой отвѣтъ, полковница еще добавляла, что она при этомъ никакъ ненамѣренъ, «противно общеноародному обычаю», женить младшаго сына раньше старшаго. Въ заключеніе Савичка писала своему родичу, что если онъ увидеть, что Лизогубъ «такого пріятельства завести не намѣренъ», то пусть онъ поѣдетъ къ другому Лизогубу, Якову, въ то время генеральному обозному, и посоветаетъ его вторую дочь, если старшая уже сговорена за Турковскаго¹⁾). Не знаемъ—чѣмъ кончилось это сватовство, обстоятельства котораго сохранили для насъ любопытныя черты семейнаго быта въ старой Малороссіи. Старшій братъ Петру не считался желательнымъ женихомъ можетъ быть по тому, что изъ него и тогда уже нельзя было ожидать хорошаго «хозяина» за ту наклонность къ расточенію отцовскаго наслѣдства, которая позже выразилась тѣмъ, что все это на-

¹⁾ Сулл. Арх., 75—77.

съдство было братьями Савичами продано известному придворному бандуристу Григорию Любичку. Сначала Савичи продали ему Хоронки и Пулинцы за 1500 р., а въ 1753 г. предали и Худолевку съ Строкачами за 2600 р. Послѣ этого оба Савича гдѣ-то изчезают. Кромѣ сыновей у полковника Савича было дѣвять дочери Евдокія и Парасковья. Старшая была замужемъ за сыномъ полковника Михайла Миклашевскаго, Иваномъ, который пожилъъ зъ женой съ годъ, отправился въ известный Гилянскій походъ. Вернувшись послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтнаго отсутствія, Миклашевскій увидѣлъ, что «честь дома его была нарушена». Оказалось, что Евдокія родила одно дитя безъ бытности мужа, а другое—вслѣдъ за его возвращеніемъ. Такой «падежъ» молодой жены «пришелъ во всенародное известіе», и Миклашевскій отославъ ее къ матери, столь было хлопотать о разводѣ, но его не добился. По смерти Миклашевскаго, ок. 1740 г., вдова его вышла вторично замужъ за Стародубскаго полковаго писара Петрункевича¹⁾. Другая дочь Савича Парасковья вышла замужъ въ 1729 г. за Семена Ивановича Сулиму, тогда сотника Барышевскаго, а вслѣдствіи—Переславскаго полковника²⁾.

Преемникъ Савича былъ Андрей Марковичъ. Происхожденіе его разписано подробно въ другомъ мѣстѣ³⁾; тамъ мы видѣли уже, при какихъ обстоятельствахъ Марковичъ получилъ Лубенское полковничество. Въ универсалѣ было сказано, что этотъ урядъ дается ему «по монаршему благоволенію», а въ слѣдующемъ, 1715 г. Марковичъ получитъ еще и особую царскую грамоту, утверждавшую за нимъ полковничество. Царская грамота съ одной стороны, а съ другой близкое свойство съ гетманомъ и дружба съ сестро-гетманшею, сильно вліяніе на мужа, дѣлали положеніе Марковича исключительнымъ. Онъ имѣлъ и пользовался. Прежде всего Марковичъ самовольно замѣнилъ полковой городъ Лубны—Ромномъ, где ему жить было удобнѣе по близости къ Глухову и къ маѣтностямъ, расположеннымъ въ Нѣжинскомъ и Стародубскомъ полкахъ. Затѣмъ, Марковичъ фактически прекратилъ всякую дѣятельность полковой старшини.

¹⁾ Подробнѣе—Опис. Стар. Малор., I, 98 и слѣд.

²⁾ Сулим. Арх., 57. Къ этой же книгѣ приложенъ и фототипный портретъ Парасковы Васильевны, подлинникъ которой принадлежитъ А. А. Войцеховичу и находится въ с. Сулимовкѣ, Переясл. у.

³⁾ Опис. Стар. Малор., II, 419—422.

Кромъ того, Марковичъ позволялъ себѣ, какъ увидимъ ниже, раздачу
маетностей своимъ благопріятелямъ изъ полковой старшины, противъ
каковой раздачи гетманъ Скоропадскій, повидимому, и не думалъ
возражать... Словомъ, Марковичъ правилъ полкомъ съ большими са-
моволіемъ, чѣмъ Галаганъ и М. Милорадовичъ, которые почти не
признавали гетманской власти.... Потерпѣвъ четыре года такой про-
изволъ, полковая старшина рѣшилась было протестовать противъ на-
силия своего полковника, «но когда Марковичъ о томъ провѣдалъ и
объявилъ гетману, заразъ помянутую старшину, вмѣнившіи за бунтов-
щиковъ, съ походу отъ службы завернено и предано за крѣпкій ка-
раулъ Федору Протасьеву, потомъ нещаднобито клями и уряды та-
коожъ и маетности у нихъ поотбирано, съ крайнимъ прочаго имѣнія
разореніемъ¹». Это извѣстіе указываетъ—до чего безправно могъ
распоряжаться Марковичъ въ своемъ полку при Скоропадскомъ; но
тѣ же отношенія Марковича къ полчанамъ продолжались и по смерти
зятя, такъ какъ наказнымъ (временнымъ) гетманомъ сталъ Полубо-
токъ, на дочери которого женатъ былъ старшій сынъ полковника
Марковича. О продолжавшихся насилияхъ послѣдняго сохранилось,
напр., такое извѣстіе: козакъ Лукомской сотни Кость Шишенко, въ
концѣ 1722 г., жаловался Полуботку, что за украденного младшімъ
его братомъ ягненка, Марковичъ «заграбилъ» у него, Кости, *полтораста овецъ* и лѣсь его срубилъ, а и. судья (Андрей Жуковскій)
взялъ воловъ—7, коровъ—7, «клячъ» (лошадей рабочихъ)—5, коней
верховыхъ—2, денегъ—10 талеровъ, и сотникъ Лукомскій (Кодинецъ,
изъ «служителей» Марковича) взялъ копъ 10 (денегъ) и лѣсь сру-
билъ²). Получивъ эту жалобу въ тревожное время, когда подобная
жалобы только подтверждала донесенія царю Вельяминова—о пол-
номъ безправіи народа, Полуботокъ тѣмъ не менѣе понималъ, что
судъ надъ подобными Марковичу старшинами—невозможенъ, уже по-
тому что и суда такого въ Малороссіи не было, чтобы могъ судить
полковника... Поэтому Полуботокъ, въ отвѣтъ на жалобу Шишенка,
могъ только послать Марковичу «листъ», чтобы тотъ *приказалъ* все
заграбленное у Шишенка возвратить послѣднему и «во всѣмъ, безъ
большой турбациіи, успокоить послѣдняго. Разумѣется этотъ «листъ»

¹⁾ Русск. Арх. 1864 г., стр. 494.

²⁾ Днієвной журналъ (діаріушъ) генер. канцеляріи, рукопись.

могъ воздѣйствовать на Марковича только изъ боязни, что другая такая жалоба будетъ направлена въ грозную коллегію Вельяминова. Не одними, впрочемъ, насилиями надъ полчанами обращалъ на себя вниманіе Марковичъ; служебное свое положеніе онъ тоже устраивалъ виѣ всакихъ войсковыхъ обычаевъ. Такъ, мы видимъ, что когда въ нач. 1721 г., Андрей Марковичъ назначенъ былъ командиромъ посланного въ Ладогу на работы отряда, то на время его отсутствія, наказнымъ полковникомъ, вопреки старымъ козацкимъ обычаямъ, быть гетманомъ назначенъ не кто либо изъ полковой старшины, а двадцатипятилѣтній сынъ полковника, Яковъ, за которымъ и службъ еще никакихъ не было. Фактъ этотъ, попиравшій старые порядки ради гетманского свойства, возбудилъ всю старшину въ Малороссіи противъ Марковичей. Еще болѣе удивилась гетманщина, когда такой случай повторился уже по смерти Скоропадскаго: въ 1723 г. Андрей Марковичъ пошелъ, по царскому указу, въ Дербентскій походъ, а «правленіе полка» снова поручено было тому же Якову Марковичу. Такое распоряженіе и на сей разъ исходило отъ гетмана (наказнаго), но этимъ гетманомъ былъ тестъ молодого Марковича, приславшій вмѣсть съ порученіемъ «правленія полка» и наставленіе зятю—какъ вести себя, въ виду, конечно, того же неудовольствія Лубенской полковой старшины, которое необходимо должно было проявиться и на сей разъ послѣ такого необычнаго и пристрастнаго со стороны Полуботка распоряженія. На сей разъ такое распоряженіе вызвало протестъ уже и со стороны старшины первостепенной. Протестъ былъ заявленъ впрочемъ только по отбытии Полуботка, лѣтомъ 1723 г., въ Петербургъ, когда всѣ малороссійские полки, по особому царскому указу, выступили подъ начальствомъ кн. Голицына въ походъ къ Буцкому Броду. На этомъ походѣ, генеральная старшина (Жураковскій и Лизогубъ,) ѿхавшая къ Голицыну въ Ахтырку, встрѣтила у Коломака, полковниковъ (Апостола, Галагана, Милорадовича) и остановилась, чтобы посовѣтоваться—о чёмъ нужно просить Голицына въ виду разныхъ тягостныхъ распоряженій Вельяминова. Собравшись въ палатѣ у Апостола, старшина, совѣтуясь о «нуждахъ общенародныхъ», между прочимъ разсуждала и о «какихъ то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссіи», а также о неудовольствіяхъ, возникшихъ въ Лубенскомъ полку между полчанами и наказнымъ полковникомъ Як. Марковичемъ, за то, что послѣдній нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ

окованныхъ на арматы...¹⁾ Подъ именемъ «новокрещенныхъ жидовъ» здѣсь разумѣются Марковичи, такъ какъ отецъ Лубенского полковника Маркъ Аврамовъ, по еще живому тогда преданію, былъ выкрещенный евреи.—Старшина негодовала противъ полковника Марковича, который своими прописками умѣлъ добиваться исключительного положенія.... А когда послѣ этихъ разговоровъ Жураковскій съ Лизогубомъ прибыли въ Ахтырку и здѣсь, представляя Голицыну разныя свои ходатайства, между прочимъ упомянули и о Яковѣ Марковичѣ, «который завѣдываетъ полкомъ какъ бы отцовскимъ имѣніемъ», то Голицынъ вполнѣ согласился съ неправильностью такого распоряженія, добавивъ, что дѣйствительно было бы странно, если бы, напр., Ахтырский полковникъ куда нибудь уѣзжалъ, урядъ свой поручилъ бы сыну, минуя полковую старшину... Но кн. Голицынъ былъ слишкомъ мягкий человѣкъ, чтобы отмѣнить неправильное распоряженіе Полуботка и поручить Лубенское «наказничество» кому либо изъ Лубенской полковой старшины. Мягкость Голицына была такова, что когда черезъ нѣсколько дней послѣ разговоровъ съ Жураковскимъ и Лизогубомъ, къ нему, Голицыну, обратился заслуженный Сенецкій сотникъ Краштѣфовичъ съ жалобою на своего наказнаго полковника (т. е. Як. Марковича) «за посаженіе его на армату», то Голицынъ въ отвѣтѣ—только посовѣтовалъ помириться («казаль помиритись»). Словомъ и протестъ первостепенной старшины не имѣлъ никакихъ результатовъ, тѣмъ болѣе что и «наказный полковникъ» не дремалъ и съ свойственnoю ему ловкостью скоро обошелъ тогдашняго «главнаго командира» всѣхъ малороссийскихъ полковъ, т. е. того же Голицына. Прибывъ вслѣдъ за генер. старшиной въ Ахтырку, Марковичъ умудрился немедленно получить отъ Голицына приглашеніе къ обѣду, при чёмъ успѣлъ поговорить съ нимъ наединѣ о «своей нуждѣ», а Голицынъ, прощааясь съ нимъ, «милостиво его отпустилъ»²⁾). Безконтрольно правилъ Як. Марковичъ полкомъ до возвращенія отца въ январѣ 1725 г. Въ это время онъ отбылъ грозную ревизію малорусской старшины, произведенную, въ к. 1723 г. и нач. 1724 г., Румянцевымъ по царскому указу. Не смотря на множество лицъ, обиженныхъ Маркови-

¹⁾ Такъ записано въ офиціальномъ журналь генер. канцеляріи. См. Рус. Архивъ 1880 г., I, 191.

²⁾ См. Дневникъ Як. Марковича, изд. Киевской Стар., т. I, 40—41.

чемъ, молодой «наказный» умѣлъ обойти и Румянцева, который уѣхалъ вполнѣ къ нему расположенный. Затѣмъ, когда смерть Петра В. нѣсколько умалила то напраженное состояніе Малороссіи, которое послѣдовало вслѣдъ за учрежденіемъ въ ней Вельяминовской коллегіи, Андрей Марковичъ уже спокойно продолжалъ править полкомъ, а слѣдовательно и наживаться. Но съ паденіемъ Толстыхъ (по интригамъ Меншикова) обстоятельства перемѣнились. Въ маѣ 1727 г. отставлена была Толстой, зять гетманши Скоропадской; егъ Нѣжинскаго полковничества, а въ іюнѣ стали въ Глуховѣ поговаривать и объ отставкѣ Андрея Марковича. Дѣйствительно, прѣѣхавшій въ Глуховъ изъ Петербурга, осенью 1727 г., Наумовъ привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до посыпи въ Глуховъ сенатора Наумова, ѿхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшинъ къ избранію Апостола въ гетманы¹⁾. Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ Меншиковымъ, случайно вспомнившимъ о братѣ гетманши Скоропадской, попавшей въ немилость временщика только за свойство съ Толстыми. При назначеніи Наумова министромъ въ Малороссію, для него составили въ иностранной коллегіи особую инструкцію, которую предварительно представили на просмотръ Меншикова и его свѣтлости—«въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей; дополнять вѣльть: хромъ ~~жидозъ~~, добавивъ, что шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него въ полку его тягости, — такъ лучше его отставить»²⁾. Такъ случайно рѣшена была отставка Марковича, о «тягостяхъ» котораго въ полку Меншиковъ, какъ видно, хорошо зналъ и прежде. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ хотѣлъ сдѣлать любезность предназначенному въ гетманы Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была известна и въ Москвѣ. Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: «отлучить отъ полка полковника Лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ». Къ этому указу Наумовъ добавилъ и свое распоряженіе—«дабы всякъ

¹⁾ Архивъ правит. Сената, Баранова, I, № 2352 и 2460.

²⁾ Соловьевъ, XIX, 131.

на Марковича жалобы за обиды; имъ оказанныя, замосить, не посягай и не закрывай¹⁾). Жалобниковъ явилось множество, во главѣ ихъ стояла Лубенская старшина, подавшая Наумову пространное перечисленіе своихъ обидъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ открыть бывшъ Лубенскій полкъ, гласила жалоба старшины, изъ чинъ полковничій выбиралась вольными голосами люди достойные: изъ своихъ полчанъ и никогда не бывало отъ нихъ народу отягощенній; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадского произведенъ въ чинъ Лубенского полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшихъ временъ никѣмъ неслыханный, но и за державы падской (но и во время владычества царя Константина) и за жидовскаго тогданшаго арендаторства едва ли творились таکовыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него, Марковича, въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился». Засимъ Лубенская старшина, чтобы не быть голословною, перечислила тѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ полчанамъ, при чемъ наиболѣе характерныя были слѣдующія: когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ заводить себѣ хутора, мельницы и фольварки, то не довольствуясь на чинъ полковника опредѣленными и другими прежде того чина отъ гетмана Скоропадского полученнымми маєтностями, при нуждалъ всего полку, козаковъ и крестьянъ, исполнять свои частныя работы—татить плотины (при устройствѣ водяныхъ мельницъ), возить дерево на постройки, пахать землю, косить сѣно, жать хлѣбъ... А грунты, на которыхъ Марковичъ заводилъ мельницы, хутора и фольварки—все чужіе, при чемъ хотя изъ нихъ и считаются купленными, но—или насильною куплею или подложными способами, а многие и просто были отняты у крестьянъ.—Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно поручалъ, тоже для продажи, свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самыхъ лучшихъ.—За малые и большие проступки полчанъ Марковичъ обижалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занять бывъ своими домашними дѣлами и разсыпьдами по хуторамъ и маєтностямъ.—На мѣсто отлучавшихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными

¹⁾ Дневникъ Як. Марковича, над. Кіевск. Ст., II, 17.

своихъ слугъ и тѣ слуги многія обиды чинили людамъ отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.—Недовольствуясь маestностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде полученными отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ на послѣднее универсалъ, какъ на село, а Засулье—не село, но Роменскіе фольварки. Да сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку Мойсеевской, Нарожьемъ и Кулажинцами, безъ университета гетманского и безъ грамоты монаршой.

Въ жалобѣ полковой старшинѣ сообщались общія черты насилий Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Изъ ихъ перечня приводимъ нѣкоторыя. Полковаго обознаго Павла Мартоса—во многихъ обидахъ отнятіемъ грунтовъ и прочимъ ему починенныхъ.—Города Лубенъ обывателей—за напрасное отнятіе поля ихъ прозвыаемаго *Близкіе Пологи*.—Евдокія Троцкой, Семена Максимовича, сотника Чорнусскаго, и прочихъ мельниковъ о самовольномъ построеніи млина на греблѣ Куренской, безъ соизволенія ихъ, и объ обидѣ немалой отъ того имъ учинившейся и о работахъ на его, Марковича, по принужденію чиненныхъ.—Города Ромна съ предиѣстя Засулья козаковъ, что онъ, Марковичъ подложно выправилъ грамоту монаршую на оное Засулье, написавши оное селомъ, а то Засулье есть часть города, изстари къ г. Ромну надлежало, и поработилъ ихъ 170 человѣкъ наравнѣ съ послполитыми, и тѣми (Засульскими козаками) въ свое мѣсто разныя работы производилъ, канавы рѣзаль, гребли ссыпаль, мельницы строилъ, и такими работами многія починилъ имъ обиды....¹⁾).

¹⁾ Кроме множества жалобъ, съ указаніемъ на отдельные случаи насилий Марковича, были еще поданы «полковой Лубенской старшинѣ сотниковъ, атаманѣ и знати. войскового того полку товариства двѣ человѣтніе о многихъ его, Марковичевыхъ, въ полку Лубенскомъ показанныхъ обидахъ и здирствахъ въ прошеніемъ, чтобы, по прежнимъ войсковымъ правамъ, повсѣдѣно было выбирать изъ полковниковъ воинскими голосами, и въ приложении на него Марковича 32-хъ пунктовъ, въ которыхъ выражено: 1) О бранії на ярмаркахъ излишнихъ и небивалихъ въ людей вантковъ. 2) О установленномъ зборѣ на особу свою въ казановъ (винокуренныхъ). 3) Изъ изящанъ и послполитихъ людей—деситини ччолиной. 4) О отгощеніи въ причинахъ тѣхъ винокуреннигу отъ него зборовъ за битія коллеги на всю Малую Россію блишонъ, что маestностямъ его величества указомъ одставлено. 5) О взиманіомъ на его, Марковича, въ сотнѣ Чигириндубровской покуховномъ збору звергъ указаного. 6) О наждадіи горѣлокъ. 7) О забраню порцій и рацій въ маestностей своихъ, консистентамъ назначеніихъ, на дворовой свой обикодъ. 8) О забраню въ маestностей своихъ на себе

Какъ видимъ, Марковичъ, пользуясь съ одной стороны полнымъ благорасположеніемъ гетмана, а съ другой стороны—умѣніемъ задобрывать влиятельныхъ людей, могъ безнаказанно чинить всяческія насилия надъ своими полчанами. Тринадцать лѣтъ Марковичъ своимъ полкомъ, повидимому, не опасаясь надзора даже такихъ лицъ какъ Вельяминовъ, пока случайное обстоятельство не заставило Меншикова вспомнить о еврейскомъ происхождѣніи Марковича и это обстоятельство лишило наконецъ послѣдняго продолжать тѣ насилия, къ которымъ, повидимому, Лубенскій полкъ сталъ было привыкать, нигдѣ не находя защиты...

Указъ верховнаго совѣта гласилъ о слѣдствіи и, повидимому, Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что поставленный, осенью

четвертихъ грошей. 9) О забраню въ маestность Марковичеву Овдукушле зъ полку Лубенского, въ прошломъ 1720 г., провіантового боромна. 10) О забраню на себѣ церковныхъ кухонныхъ изъ скарбу войскового 539 р. денегъ. 11) О лакиданю на козаковъ и послопитихъ людей ратушныхъ соли—пражива и другихъ вымысловъ. 12) О займанію гребель себѣ козаками и послопитими—всѣмъ полкомъ. 13) О порубцѣ чужихъ многихъ лѣсовъ. 14) О построеніи хуторахъ и млинахъ на чужихъ грунтахъ, насилию отъятыхъ. 15) О лакиданю воловъ своихъ кущамъ въ Гданскъ для продажи. 16) О запрещеніи полчанамъ продажи табаку поколби не продался его, Марковичемъ, табакъ. 17) О употребленіи сторожовъ полковыхъ къ приватнѣмъ своимъ посылкамъ. 18) Объ отправленіи въ Сулакъ, при своихъ запасахъ, козаковъ, которые досегъ не возвратилися. 19) О принужденіи во взятіи поступкихъ отъ меншиновъ писемъ на грѣбѣ Роменскую, Лубенскую и иронію. 20) О употребленіи ремеслениковъ къ приватной своей работѣ бесплатно. 21) О найманію почты для его приватнѣхъ посылокъ. 22) О взяткахъ великихъ имѣній у полчанъ. 23) О отнятю грунтовъ и о взяткахъ чрезъ Якова сына и слугъ его, Марковичевыхъ, которые въ небитность его въ полку и въ сотняхъ оставлены были на урадахъ. 24) О накладаніе на маestности Марковичеви мордѣ и радиѣ съ потацкою и въ обидо людокю. 25) О посыпѣ въ Москву для продажи своихъ овецъ въ иристави—козаковъ. 26) О завладѣніи неслучине въ городѣ Ромнѣ Засудли, фольварковъ Роменскихъ, по подступномъ чолобитю. 27) О неуплаченю денегъ покухонныхъ, собою забранныхъ. 28) О строеніи козаками, которое опредѣлены были для роботи къ крѣпости Печорской, ему, Марковичу, коло двора своего провалли и на болотѣ ставу, которое тими же рѣзали козаками. 29) О строеніи въ людскихъ лѣсовъ стаенъ для воловъ кормнихъ Марковичевыхъ, которыхъ дошли козаки. 30) О придаваню козаковъ до стадъ Марковичевитъ зъ оружиемъ. 31) О стойцѣ по 5 человѣкъ козаковъ въ хуторахъ отправованной, которая козаки доили и стригли овецъ Марковичевыхъ. 32) О завладѣніи Яковомъ Марковичемъ въ сотнѣ Ширатинской иеналежне селомъ Перервинцами по универсалу отца своего и о построеніи сотнѣ Лукомской на чужой землѣ козаками Горошинскими хутора и о осажденю слободы и о принужденіи козаковъ сотеннихъ себѣ оратъ». (Арх. Генер. Кашалори, по Черниг. описи № 3938).

1727 г., новый гетманъ радъ былъ слушаю отмстить сестрѣ Марковича, гетманшѣ Скоропадской, за отнятіе богатыхъ имѣній у зятя его Горленка¹). Но Марковичи, и отецъ-полковникъ и старшій сынъ его Яковъ, были люди очень ловкіе... Два мѣсяца, осенью 1727 г., хлопотали они—съ какой бы стороны подойти къ Наумову и, наконецъ, повидимому, склонили министра на свою сторону. Въ дневникѣ Як. Марковича 18 ноября записано: «Сегодня у министра учинилось опредѣленіе—чоловитныхъ на родителяхъ съ другиихъ полковъ, кромѣ Лубенскаго, не принимать...». Слѣдуетъ думать, что въ этомъ снисхожденіи имѣло значеніе и случившееся за мѣсяцъ передъ тѣмъ паденіе Меншикова. Послѣ этого события Марковичи рѣшилиѣ ходить въ Москву и лично тамъ хлопотать объ избавленіи отъ слѣдствія и суда... Болѣе года хлопотали Марковичи въ Москвѣ, поднося разными вліятельными лицамъ «червонцы въ письмахъ», и наконецъ въ мартѣ 1729 г. состоялось рѣшеніе иностранной коллегіи, въ которомъ относительно насилия Марковича было сказано: «О тягостяхъ полчанамъ, чинившихся въ работахъ и взяткахъ, буде оно было, а по сказкамъ старшинскими прежде запретительного указа²), тою ради сіе оставляется». Затѣмъ по шести пунктамъ (о взятыхъ церковныхъ деньгахъ, о кунцахъ, гонявшихъ воловъ въ Данцигъ и проч.) найдено было нужнымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствії. По одному только обстоятельству Марковичъ и понесъ уронъ: рѣшено было отобрать отъ него Засулье, какъ «находившееся въ вѣдомствѣ Роменской городовой старшины». Въ дополненіе къ этому рѣшенію Марковичу дали еще и урядъ—генерального подскарбія, связанный съ полученіемъ «ранговыхъ» маєтностей. Освободившись отъ суда, Марковичи наконецъ покинули (въ маѣ 1727 г.) Москву. Между тѣмъ вѣсть о такомъ удачномъ для Марковича исходѣ суда дошла и до Малороссіи; несправедливость рѣшенія, по которому за свои насилия Марковичъ былъ не оправданъ, а просто отъ суда освобожденъ посредствомъ канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у Лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Негодовать

²⁾ См. Русск. Апр. 1875 г., I, 255.

²⁾ Дневн. Як. Марковича, под. Кіевск. Стар., II, 295. Подъ запретительнымъ указомъ здѣсь, повидимому, слѣдуетъ разумѣть, указъ 1722 г. объ учрежденіи Вельмишновской коллегіи.

и Апостолъ. Въ Малороссії распространілись слухи, что гетманъ похваляется собравши Лубенскій полкъ, встрѣтить Марковича на дорогѣ изъ Москвы въ Малороссію и — «не допуская до Глухова, — уходиша» (т. е. убить). Вѣсть эта встрѣтила возвращающихся Марковичей, а въ Болховѣ ихъ настигъ нарочно посланный изъ дому слуга съ этимъ извѣстіемъ, при чёмъ добавилъ, что кроме того «обозный Лубенск. Мартосъ, согласился съ значковыми того полку, — якимъ либо образомъ убить родителя», какъ записано въ Дневникѣ Як. Марковича (I, 303).— Всѣ эти похвалки кончились ничѣмъ и Андрей Марковичъ продолжалъ послѣ этого жить и наживаться до своей смерти въ 1747 г., при чёмъ послѣдніе семь лѣтъ онъ прожилъ въ Гадацкой слободѣ Погарщинъ, послѣ отставки съ «чиномъ» генер. обознаго¹⁾.

Преемникомъ Марковича по Лубенскому полковничеству былъ второй сынъ гетмана Петра Апостолъ, извѣстный тѣмъ, что случайно получилъ такое образованіе, какого никто изъ современной ему старшинъ не имѣть. Случай заключался въ слѣдующемъ. По сообщенію Антоновскаго, одного изъ малорусскихъ историковъ к. XVIII в., Петръ Апостолъ въ молодости «взять быль ко двору императорскому и находился при князѣ Меншиковѣ²⁾». Другихъ подробностей при этомъ не сообщается, то ихъ можно почти безошибочно восполнить, зная обстоятельства жизни Апостола-гетмана. Повидимому, Петръ Апостолъ взять быль въ Петербургъ въ качествѣ заложника, когда правительство заканчивая счеты по Мазепинскому дѣлу, написло нужнымъ принять некоторую осторожность и по отношению къ Миргородскому полковнику Данилу Апостолу. Послѣдній, какъ извѣстно, принималъ горячее участіе въ мечтаніяхъ Мазепы и безъ раздумья пошелъ за послѣднимъ въ его шведскую авантюру, но шаткость послѣдней Апостолъ же и увидѣлъ една ли не раньше другихъ своихъ собратовъ. Пошелъ Апостолъ за Мазепою изъ Батурина 21 октября, а чрезъ мѣсяцъ 21 ноября, онъ уже просилъ новоизбранного гетмана Скоропадскаго о представительствѣ предъ царемъ за свой уходъ съ Мазепою, будто бы «усиловнѣ» забравшимъ его съ собою, почему Апостолъ и не могъ де «противиться его измѣнѣ»³⁾. Въ то же время Апостолъ и Мазепу

¹⁾ Перечень нажитыхъ имѣній и распределеніе ихъ между наследниками Андрея Марковича см. Киевск. Ст. 1884 г., № 1, «Марковичи».

²⁾ См. Киевск. Ст. 1895 г., июль—августъ, стр. 100 и слѣд.

³⁾ Т. ж., 102.

убѣдилъ—отпустить его къ царю для переговоровъ о помилованіи согрѣшившихъ—и полковника и гетмана... Оставивъ при такихъ обстоятельствахъ Мазепу, Апостолъ повинился предъ царемъ въ свою будто бы невольномъ уходѣ къ шведамъ и затѣмъ ревностно служить царю полковничью службу до пораженія Карла XII подъ Полтавой. А когда шведы изъ Малороссіи были изгнаны и когда правительство стало судить Мазепинихъ сторонниковъ, Апостолъ настолько уже былъ обѣленъ своей службой послѣ оставленія Мазепы, что у правительства не осталось освятительныхъ причинъ для привлеченія его къ суду и оно ограничилось лишь одною предосторожностью—взятьемъ полковничьяго сына въ заложники... Такъ объясняемъ мы извѣстіе Антоновскаго о ваятіи Петра Апостола «ко двору монаршему» и о порученіи его въ надзоръ Меншикову. Долго ли оставался юный Апостолъ заложникомъ мы не знаемъ, но можно думать, что онъ провелъ при Меншиковѣ всю свою юность, потому что вернулся онъ въ Малороссію съ основательнымъ знаніемъ трехъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, какъ это видно изъ сохранившагося его дневника¹⁾). Можно догадываться, что своимъ образованіемъ Петръ Апостолъ всесѣло обязанъ Меншикову, который воспитывая въ это время своего сына, приблизилъ къ послѣднему въ качествѣ товарища, для большей охоты этого сына къ учению, юнаго заложника. Освобожденъ отъ заложничества Петръ Апостолъ могъ быть послѣ того, какъ въ к. 1723 г. былъ вызванъ въ Петербургъ его отецъ вмѣстѣ съ другою старшиною, замѣшанною въ дѣлѣ Полуботка.—Относительно этой старшины какъ извѣстно состоялось въ февралѣ 1725 г. рѣшеніе, по которому арестованная старшина была освобождена, при чемъ большинству ея назначено было жить въ Петербургѣ; къ этому большинству принадлежалъ и Миргородскій полковникъ Апостолъ. Семья его оставалась въ Малороссіи. Тамъ жилъ и Петръ Апостолъ, въ это время уже женатый. Между тѣмъ жившій въ Петербургѣ уже болѣе двухъ лѣтъ старый Апостолъ, соскучившись по родинѣ и семье, началъ хлопотать у всесильнаго Меншикова о своемъ отпускѣ домой. Для большаго успѣха въ этихъ хлопотахъ старый Апостолъ выписалъ къ себѣ въ Петербургъ сына Петра, ко-

¹⁾ Киевск. Стар. 1894 г., ноябрь, стр. 301 и 1895 г., июль—августъ, стр. 100—155.

торый, повидимому, долженъ былъ оставаться въ столицѣ вмѣсто отца, когда послѣднему дозволенъ будетъ отѣздъ на родину. Все это дѣжалось съ вѣдома и по разрѣшенію Меншикова. Сохранившійся за это время дневникъ Петра Апостола показываетъ, что онъ былъ своимъ человѣкомъ у временщика. Вѣроятно, это обстоятельство имѣло вліяніе и на успѣхъ въ хлопотахъ стараго Апостола о возвращеніи на родину, куда онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ 1726 г.

Удержаній въ Москвѣ, вмѣсто отца, Петръ Апостолъ оставался при «дворѣ» Меншикова до его изденія, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ. Въ январѣ 1728 г. онъ перѣѣхалъ въ Москву, куда черезъ мѣсяцъ прибылъ, къ готовившейся коронаціи, и его отецъ, незадолго передъ тѣмъ поставленный въ гетманы. Повидимому, въ это время и решено было хлопотать у юнаго императора о назначеніи Петра Апостола Лубенскимъ полковникомъ. Намѣреніе исполнилось скоро и прочно, какъ видно изъ дневника Марковича, записавшаго, что 7 апрѣля го- сударь обѣдалъ у гетмана, гдѣ пожаловалъ сына гетманскаго Петра Апостола въ полковники Лубенскіе, «къ чому заговоризвѣнъ иѣкоторий камерь-юнкеръ Алепли, бывшій въ кухнестрахъ при покойномъ го- сподару Волоскомъ»¹⁾ (II, 209, 221). Однакожъ и послѣ этого назначеніе правительство не нашло возможнымъ отпустить Петра Апостола въ Малороссію и онъ оставался въ Петербургѣ до лѣта 1730 г., когда, уже въ царствованіе императрицы Анны, ему позволено было наво- нецъ уѣхать въ Малороссію и вступить въ управление Лубенскимъ полкомъ.

Женатъ былъ Петръ Апостолъ на смолянкѣ Храповицкой, которую высватали ему конечно тоже смоляне Корсаки, на одной изъ которыхъ женатъ былъ старшій сынъ гетмана Иванъ. Семнадцать лѣтъ правилъ Петръ Апостолъ Лубенскимъ полкомъ и за все это время мы не встрѣтили ни одной на моза заслобы въ томъ множествѣ Малорусскихъ архивныхъ бумагъ, которая намъ пришлось пересмотрѣть десятками лѣтъ. Слѣдуетъ полагать, что это не одна случайность и что А-ла по личному своему характеру былъ нестяжателенъ и довольствовался тѣмъ, что отецъ ему оставилъ, владѣя кроме того еще и рапсовыми имѣнностями. Личность А-ла известна намъ только по его дневнику,

¹⁾ Объ этомъ Алепли, землякъ Апостоловъ по Молдавіи, см. въ Дневнике Петра Апостола. К. Ст. 1895 г., № 7—8.

писанному слишком отрывочно и дающему материал для знакомства съ степенью его образованности; сохранилось еще одно его письмо, написанное въ 1743 г. къ Якову Марковичу, указывающее, что и жилъ въ Малороссіи А-ль не покидать чтенія, при чёмъ читалъ какъ книги тогдашней обиходной литературы, такъ и газеты съ журналами¹⁾. Извѣстно, что А-ль продолжалъ веденіе своего дневника и во время своего полковничества, но къ сожалѣнію памятникъ этого до сихъ поръ не только не изданъ, но и не описанъ²⁾. Смѣщенъ былъ А-ль съ полковничества, когда это мѣсто было выпродено у императрицы, въ 1757 г., Петербургскимъ архіепископомъ Сильвестромъ Кулабкою для своего брата Ивана, сына родной сестры Петра А-ля, Анны Даниловны. А-ль былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира и, какъ кажется, скоро загѣмъ и умеръ, успѣвъ вѣрою женихъ единственного своего сына Давида на гетманской цемянницѣ Маринѣ Будлянской. Кроме сына, у Петра А-ля было двѣ дочери, Софья и Елена, обѣ вышедши замужъ за великороссіянъ, первая—за кн. Петра Долгорукова, а вторая—за Матвѣя Артамоновича Муравьевъ. Послѣдній, не получивъ согласія А-ля на бракъ съ его дочерью, тайно провѣнчался съ ней, за что этой своей дочери А-ль не далъ приданаго³⁾. Внукомъ Петра Михайловъ Даниловичемъ закончилось мужское поколѣніе Апостоловъ. Имѣнія его (м. Хомутецъ и с. Поповка съ слоб. Клюшиновою, въ которыхъ по ревизіи 1782 г. было болѣе 8000 крест. об. и.) перешли къ Муравьевымъ⁴⁾.

Отъ Петра Апостола полковничій урядъ перешелъ къ тогдашнему обозному, которымъ былъ Иванъ Петровичъ Кулабка, родной братъ Петербургскаго архіепископа Сильвестра.

Кулябки были стародавніе Лубенцы; въ пол. XVII в. одинъ изъ нихъ былъ Лубенскимъ протопономъ, а другой—Лубенскимъ «арен-

¹⁾ См. письмо А-ля къ Марковичу, Украина. Журн. 1824 г. № 21, стр. 184.

²⁾ Хранится эта дневникъ, говорить, у Дубенскихъ Алексѣевыхъ, происходящихъ по женской линіи отъ Апостоловъ.

³⁾ Русск. Стар. 1873 г., 107. Братья Муравьевы-декабристы были родные внуки Елены Петровны Апостоль.

⁴⁾ Одинъ изъ Муравьевыхъ-декабристовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что внукъ Петра А-ля—Михайло Даниловичъ, «какъ бы въ вознагражденіе за то, что бабка его (Елена Петровна) лишена была приданаго отцомъ своимъ, исходатайствовалъ у государя, въ 1800 г., вѣсть съ фамиліей «Апостоль», родовое свое прѣніе двоюродному брату своему Ивану Матвѣевичу, (т. е. сыну Матвѣя Артамоновича). Русск. Стар. 1873 г., 654.

даремъ», т. е. откупщикомъ продажи вина, табаку... «Арендарь» Кулебка былъ настолько видный «мѣщанинъ» въ Лубнахъ, что могъ сыну высватать дочь будущаго гетмана, а въ то время Миргородскаго полковника Апостола, человѣка и богатаго, и родовитаго. Вотъ у этого Петра Кулебки, впослѣдствіи гетманскаго аята, было три сына Петръ, Семенъ и Иванъ; средний Семенъ, послѣ учения въ Кіевской академіи и съ согласія отца и дѣда Апостола, пошёлъ въ монахи и, благодаря своей родовитости и способностямъ, выдвинулся въ число замѣтныхъ черноризцѣвъ, былъ реекторомъ Кіевской академіи, а затѣмъ сталъ и Петербургскимъ архіепископомъ. Старшій Петръ и младшій Иванъ служили въ «Войскѣ» и послѣдовательно одинъ за другимъ занимали урядъ полковаго Лубенскаго сотника. Иванъ Петровичъ видимо тоже учился въ Кіевской академіи, такъ какъ былъ человѣкъ книжный; пользуясь протекціей брата-архієпізата, онъ изъ сотниковъ сталъ сначала полковымъ обознымъ, а потомъ и Лубенскимъ полковникомъ. Въ 1730 г. Иванъ К.-ка женился на виучкѣ Барышевскаго протопопа Григорія Максимовича и получилъ въ приданое изъ Переяславскаго полку с. Еркевцы, на которое выпросилъ у гетмана дѣда и универсальную — «яко въ приданое ему за женою досталошееся». Получивъ обозничество, К.-ка получила прибавку и къ маestностямъ, какъ видно изъ университета Разумовскаго: «обозный полковой К.-ка, представляя о сводѣ службахъ и яко чрезъ оныя остался въ скудости и въ содержаніи дому своего, а найдяши въ снабженіи дѣтей своихъ, изъ которыхъ три сына отправлены отъ него въ 1750 г. въ иностранныя училища и находятся въ Виттенбергѣ, а три меньшіе въ Кіевѣ латинскаго и немецкаго языка обучаются, да еще два меньшихъ его сына поспѣваютъ также къ обучению, имѣть недостатокъ, красиль о пожалованіи ему изъ свободныхъ войсковыхъ деревень до 50-ти дворовъ; и мы, гетманъ, опредѣляемъ ему, Ив. К.-кѣ, въ вѣчное владѣніе, изъ свободныхъ войсковыхъ маestностей въ полку Лубенскому, въ сотняхъ Лужомской, с. Березники, да въ полковой — с. Засулье, Высп. Булатецъ и Губское». Полковничій урядъ К.-ка получилъ по особому представительству брата его Сильвестра, Петербургскаго архіепископа¹⁾, такъ какъ назначеніе это состоялось по именному указу

¹⁾ «Объ архієпізатѣ Сильвестрѣ Кулебкѣ» въ Петербургѣ пущай не просить Бога, — Лубенский полкъ за его (т. е. за Сильвестра К.-ку) умоинть (Бога), что цамъ такого

императрицы: «Пожаловали мы, сказано въ указѣ, въ полковники въ Лубенскій полкъ обозн. полк. Ивана К-ку, съ принадлежащими на тотъ рангъ деревнями и другими угодьями, а полковника Петра Апостола, за его долговременную и вѣрную службу, изъ особливой нашей монаршой милости жалуемъ въ бригадиры и за старостью отъ всѣхъ службъ отставить».

Современникъ называетъ Ивана К-ку «вертопрахомъ» и «вѣтромономъ»¹⁾. Правда, этотъ современникъ былъ подначальнымъ К-ки и, кромѣ того, скромностью въ выраженіяхъ не стыдился, но тѣмъ не менѣе это былъ голосъ изъ тогдашняго общества который поэтому и нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ Кулябки. Слѣдуетъ только объяснить—въ какомъ отношеніи К-ка могъ заслужить название легко-мысленного человѣка. Для этого у насъ имѣются нѣкоторые факты и при томъ очень интересные, особенно для знакомства съ общественнымъ Малорусскимъ бытомъ полов. XVIII в.—Черезъ годъ послѣ своего назначенія полковникомъ, К-ка написалъ гетману (въ октябрь 1758 г.) слѣдующую любопытную бумагу: «изъ многихъ сотенъ моего полка сотники съ сотенною старшиною доносятъ мнѣ, что ощущается большой недостатокъ при замѣщеніи тѣхъ сотенныхъ урядовъ, на которые почти необходимо требуются грамотные люди, напр. сотенные комиссары²⁾, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ сотняхъ не только есауловъ и хоружихъ нельзя найти грамотныхъ, но даже и на должностяхъ сотенныхъ атамановъ не находится таковыхъ; поэтому и бываетъ, что при назначеніи въ походы опредѣляются сотенными командирами люди неграмотные, а также командиры не только «козаковъ исправить, но и самихъ себя исправными оказать не могутъ, вѣжести къ тому не имѣя». И за этихъ командировъ полковой канцеляріи приходится терпѣть «пониженія и укоризны». Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ и изыскивая улучшенія въ службѣ, «разсудилъ» я въ свою полку переписать всѣхъ дѣтей-мальчиковъ «выборныхъ» козаковъ и болѣе состоятельныхъ изъ «подпомощниковъ»³⁾, возраста отъ 12 до 15 лѣтъ полководца сходатайствовалъ», пишетъ одинъ Лубенскій полчанинъ въ янв. 1759 г. Частн. Переп. Г. А. Полетики, (Кievъ. 1895), стр. 108. См. также ниже—втор. полкъ сотни, с. Засулъ.

¹⁾ Тамъ же. стр. 102—103.

²⁾ Сотенные комиссары главнымъ образомъ собирали «консистенція дачи», т. е. провіантъ для квартировавшаго въ Малороссіи Великорусского войска.

³⁾ О раздѣленіи козаковъ на «выборныхъ» и «подпомощниковъ» см. Киевск. От. 1896 г. № 6, стр. 86.

и затѣмъ выбравъ изъ нихъ «способнѣйшихъ къ наукѣ», «отдать ихъ въ школы своихъ же приходовъ, для изобученія ихъ грамотѣ». Выучившіеся изъ этихъ мальчиковъ будуть годны для опредѣленія икъ въ сотенныхъ правленія и въ полковую канцелярію, къ сотеннымъ дѣламъ; а затѣмъ изъ нихъ же можно будетъ наставлять атамановъ, писарей, есауловъ и хоружихъ сотенныхъ. А тогда и въ комисарахъ сотенныхъ недостатка не будетъ, и будетъ кого наражать въ походы за сотенныхъ старшинъ. Тѣхъ же мальчиковъ, которые окажутся неспособными къ обученію грамотѣ или же окажутся «въ лѣтахъ неррослыми», тѣхъ слѣдуетъ «засыпать экзерциціями» какъ къ военной и артилерійской такъ и къ другой войсковой службѣ, и если эти занятія покажутся мальчикамъ сначала и трудными, то за то, когда пріайдутъ они въ возрастъ, то почувствуютъ всю для себя пользу отъ этихъ занятій. При этомъ тѣхъ изъ мальчиковъ, которые «экзерцироваться будуть въ принадлежащемъ къ войсковой службѣ порядкѣ», слѣдуетъ поручить надзору сотенныхъ старшинъ и другихъ урадниковъ изъ козаковъ, назначивъ каждому изъ нихъ по 24 мальчика. И сколько будетъ выбрано козачьихъ дѣтей въ школьнную и особо въ военную «экзерцию», о томъ, послѣ утвержденія вашею ясновельможностью сего предположенія, мною будетъ представлена вѣдомость, какъ равно буду я «репортовать» и обѣ успѣхѣ моего «проекта», надъ приведенiemъ котораго въ «добрый порядокъ» я буду лично стараться. Нынѣ же представляя о семъ вашей ясн-ти, испрашиваю въ «резолюцію ордера», такъ какъ самъ не рѣшаюсь привести въ исполненіе своего «постановленія», опасаясь «бываемаго въ простомъ народѣ легкомысленнаго пустословія и нареканія—когда что либо вводится, чего прежде не бывало».

«Проектъ» Кулабки гетманъ или его совѣтники настолько одобрили, что рекомендовали и всѣмъ остальнымъ полковникамъ по возможности сдѣлать то же самое, добавляя, что «дабы изъ такова учрежденія ожидаемой могъ быть успѣхъ, сего надлежитъ въ селахъ смотрѣть атаманамъ, а надъ оними сотникамъ и сотеннымъ старшинамъ, а надъ всѣми ими—гг. полковникамъ и полковой старшинѣ, имъ сіе ессе да въ незабвеніи». Не знаемъ что сдѣлано было по этому распоряженію другими полковниками, но К-ка ревностно принялъся за осуществленіе своего проекта. Въ маѣ 1760 г. онъ писалъ гетману: «еще до полу-ченія апробациіи на мое представление, мною было предложено во-

всё сотни Лубенского полка выбрать «попечительныхъ» къ изобученю грамоты» мальчиковъ возраста отъ 12 до 16 лѣтъ и отдать ихъ въ школы. Поэтому распоряжению получено было мною донесение отъ 13-ти сотниковъ, что имъ выбрано и отдано въ школы до 1300 мальчиковъ, а отъ бѣти, что мальчики еще выбираются. Обучаться же тѣ дѣти, «по мѣнѣю моему» должны такимъ порядкомъ: 1) ученіе должно начинаться съ букварей и «человечонокъ», а «скаки» распознаютъ литеры и слоги гораздъ, то чтобы ученикамъ недокучно было надѣть книжками ездѣть», слѣдуетъ: до обѣда обучать грамотѣ, а послѣ обѣда — «навыкать пошалу» писать. 2) Въ тоже время слѣдуетъ искать людей, умѣющихихъ хотя отчасти «счислениѣ на бумагѣ» и опредѣлить ихъ къ ученикамъ, чтобы хотя немного обучить ихъ тому «счислению». 3) Вѣхъ ученикамъ по воскресеньямъ и праздникамъ ходить въ церковь и учиться тамъ пѣнію, причемъ слѣдуетъ «примѣчать» тѣхъ, которые будутъ имѣть лучшіе голоса, чтобы изъ нихъ выбирать въ пѣвчіе къ царскому двору или «къ дому» вашей яси-ти. 4) Непонятливыхъ къ ученію приказать атаманамъ собирать по воскресеньямъ и по праздникамъ въ одно мѣсто и обучать воинской и артиллерійской экзерції, а какой именно — сначала нужно научить этикъ самихъ атамановъ азбѣсъ (г. въ Лубнакъ), подъ личнымъ моимъ смотрѣніемъ и затѣмъ разослать ихъ по сотнямъ, чтобы таѣвъ обучали и дѣтей, «и какъ пѣсколько обучать, то тѣ и другихъ будуть обучать, и такъ всегда одни другихъ имѣютъ экзерцѣтовать». 5) Такъ какъ при такихъ экзерциціяхъ дѣти ружьями дѣйствовать не могутъ, то по ихъ малолѣтству и употреблять его имъ не слѣдуетъ, чтобы не причинили другъ другу какого вреда, то нужно подѣлать имъ деревянныя сабли и «ратища» съ нашитыми «на концѣ вомѣсто копьевъ волнянами» (изъ шерсти) булавками, и «деревка» вомѣсто ружья, подобно какъ это дѣлается для обученія дѣтей гарнизонныхъ солдатъ. 6) Исполненіе распоряженія объ обученіи однихъ дѣтей грамотѣ, а другихъ — «экзерціямъ», возложитъ въ селахъ — на атамановъ, сотниковъ и сотенную старшину, при чемъ объ успѣхѣ въ занятіяхъ атамановъ должны доносить сотники, а сотники въ полковую канцелярію. Такимъ образомъ дѣти исподволь обучатся «воинскимъ экзерциямъ» и когда прійдетъ время вступить имъ въ дѣйствительную службу, тогда ясно видно будетъ преимущество обученныхъ передъ необученными и первые въ военныхъ дѣйствіяхъ будутъ и болѣе исправными и болѣе «вѣжливыми».

а отъ тогдя получится похвала не только «отечеству Малороссийскому но устранитъ отъ комендующихъ генералитетовъ на Малороссийскій козаковъ нареканія и бываемыя къ высшимъ командамъ о негодности козачьей представлениі...»¹⁾). Нѣть сомнѣнія, что возбужденный К-кою вопросъ объ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ и военнѣмъ «академіямъ» былъ однимъ изъ насущныхъ вопросовъ для «Малороссийскаго отечества» пол. XVIII в., такъ какъ только подобными мѣрами можно было сколько нибудь оживить тогдашнее угнетенное положеніе народа, отъ которого старшина требовала не исправности въ исполненіи общественныхъ обязанностей, а только себѣ подачекъ... Грамотность народа и его подготовка къ военной службѣ въ разчеты старшинамъ входить не могла. Въ виду этихъ обстоятельствъ предложенный К-кою «проектъ» даетъ ему право на память въ исторіи его родины²⁾. Это былъ человѣкъ образованный и дѣланій плоды образованія. Этимъ объясняется и забота К-ки объ образованіи своихъ сыновей, для которыхъ Киевскую академію онъ не считалъ конечной цѣлью учения, а искалъ высшаго образованія въ заграничныхъ университетахъ.

Образованіе К-ки не ограничивалось, по тогдашнему времени, знакомствомъ съ богословскою и лѣтописною литературою; какъ видно, онъ былъ настолько образованъ, что ему знакома была литература, напр., описанія и украшенія садовъ...

¹⁾ Въ 1736 г. Минихъ писалъ въ Спб., что изъ 12790 Малороссийскихъ козаковъ, выступившихъ въ Крымскій походъ, половина ихъ на телѣгахъ йдуть, при чемъ они «отчасти плохолюдны, отчасти худоконіы» и большую часть ихъ, говоритъ Минихъ, тѣхъ принуждены воить съ собою тасъ ямщихъ, которыя «недарено яздею яздею яздею...» Соловьевъ, XX, 98.

²⁾ Пока К-ка оставался полковникомъ онъ, какъ видно, не охладѣвалъ къ возбужденному имъ вопросу, что можно видѣть изъ двухъ вѣдомостей, представленныхъ имъ гетману. Въ первой вѣдомости, составленной 8 ноября 1760 г., на одновремя «тропортовъ» сотеній старшинъ, обозначено число учащихся по сотнямъ грамотѣ: всѣхъ числомъ—1624, при чемъ наибольшее число учащихся показано въ сотняхъ: Хмѣловской (216), Смѣлянской (174), Роменской (184), Лохвицкой (128), Чорнусской (123) и наименьше: въ Городисской (21), Глинской и Жовинской (по 56), Горопинской (61) и т. д. Во второй вѣдомости, составленной черезъ два года послѣ первой (дек. 1762 г.), показано общее количество въ полку «обучающихся письменной грамотѣ козачьихъ дѣтей и какое число уже прошли ученіе». Въ вѣдомости значится восемь рубрикъ: «грамотниковъ»—545, «часловниковъ»—384, « псалтырниковъ»—390, «октоицниковъ»—24, «ярмолайниковъ»—2, «читать обучающихся»—375, «листовъ (?) обучающихся»—5 и «обучившихся»—61.

Въ 1760 г. Разумовскій задумалъ устроить себѣ гдѣ нибудь въ Малороссіи *собственное жилье*, такъ какъ Батурина, гдѣ онъ жилъ, былъ имѣніемъ только гетманскимъ, т. е. принадлежавшимъ не Разумовскому, а его рангу. Для устройства собственного «дворца», т. е. усадьбы, Разумовскій выбралъ въ Переяславскомъ полку и. Яготинъ, красиво расположенный по берегу Сула. Яготинъ, т. е. крестьянская его часть, принадлежала въ это время Вас. Тапскому, у которого гетманъ и купилъ это облюбованное имъ мѣсто. Рѣшивъ устроить себѣ здѣсь «дворецъ», Разумовскій тогда же озабочился и разведеніемъ около «дворца» сада. Интересно, что устройство сада поручено было гетманомъ не какому нибудь *мельничу*, съ которыми онъ былъ достаточно знакомъ¹⁾, а Лубенскому полковнику Кулябѣ... Правда, какъ разъ въ это время на Кулябку возложено было производство «слѣдствія о свободныхъ въ полку Переяславскомъ стешахъ», но конечно не этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить порученіе К-кѣ обѣ устройствѣ Яготинского сада, а специальными его по этому предмету свѣдѣніями... Приводимъ здѣсь три отрывка изъ переписки о заведеніи этого сада.

Въ юлѣ 1761 г. Кулябка доносилъ Разумовскому: «Имѣю я отъ в. яsn-ти приказъ, чтобы, зъ войсков. тов. Карпѣкою, при новозаводя-чемся здѣсь, въ Яготинѣ, окопѣ, насадить дички и плодородніе дерева, такожъ шелковицѣ, а какимъ оное учинить порядкомъ, на то имѣю я въ себе печатніе книги, которые присемъ къ высокому в. яsn-ти благоразсмотрѣнію посылаю. А особливо намѣреваю я при томъ же окопѣ, посерединѣ онаго ворота, а по сторонамъ неболшіе фортки подѣлать, о якихъ тожъ особенную книгу при семъ посылаю. Покор-нѣйше прошу в. яsn-ти по разсмотрѣнію онихъ книгъ, какимъ поряд-комъ показаніе дички и плодородніе дерева, а особливо шелковицѣ насадить и ворота съ фортками подѣлать, такожъ какое мѣсто на цвѣтники оставить, о всемъ томъ приказать отмѣтку учинить и ко мнѣ предложить, съ обратною присилкою книгъ, не оставить...» На это обращеніе отвѣчалъ, по порученію гетмана, тогдашній генер. писарь В. Г. Туманскій: «На представленіе ваше о Яготинскомъ саду его с-во графъ яsn-ый гетманъ и кав. соизволилъ мнѣ приказать къ вамъ отписать зъ тѣмъ, что въ ономъ саду разсаживать дички и плодород-

¹⁾ Опис. Стар. Малороссіи, II, 801.

ніє дерева и шолковицъ по своему разсмотрѣнію приказалиъ, толькъ прямими и широкими линеями, а какъ оному саду впредь быть,—о томъ можетъ учинецъ быть планъ повремени, и дерева въ томъ саду сей осени насаженніе, когда приидется, и послѣ въ своихъ мѣстахъ разсажени быть могутъ. Для цвѣтниковъ мѣста оставлять ненадобно».

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ к. іюля того же 1761 г., К-ка пишеть къ Туманскому: «при семъ особо прошу его с-ству доложить, чтопущенъ мною въ здѣшній Яготинскій островъ живихъ кроликовъ паръ до 80-ти.... Прошу и сіе доложить, что я для лучшаго украшенія и проспекту зачалъ отдѣловать по угламъ (сада) батареи, съ которихъ весьма проспектъ виденъ будетъ во всѣ стороны, а особенно на рѣку...» Кромѣ заведенія сада, К-кѣ же было поручено и устройство, около Яготина, чрезъ Супой, «на главномъ трактѣ», плотины.—Какъ видно, онъ пользовался репутацией искусника, могшаго замѣнить техниковъ.

Въ семейной своей жизни К-ка терпѣль неудачи; одною изъ причинъ послѣднихъ, можетъ быть, и было то легкомысліе, въ которомъ его обвиняли современники. Потерявъ первую свою жену, К-ка задумалъ жениться на вдовѣ Лохвицкаго сотника Коченовскаго; послѣдняя было и согласилась на этотъ бракъ, но въ назначенный срокъ для вѣнчанья — уѣхала къ своему дѣверу и тамъ обвѣнчалась съ другимъ. Степанъ Полетика такъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ, въ письмѣ къ брату Григорію Андреевичу: «не пропущаю за куріозъ донесть, что *ею шатость*¹⁾ засваталъ быть умершаго Лохвицкого сотника Коченовскаго жену за себя и сего генваря 14 дня (1759 г.), великолѣпно и 16-тилѣтъ притметру приличною церемоніей и щеголствомъ, прѣѣхалъ быть для полученія своего желанія въ Лохвицу, гдѣ въ еи домѣ, въ избахъ, приборъ засталъ, еи-же не получилъ, которая уѣхавши къ дѣверу своему маюру Коченовскому, въ Парофьевку, повѣнчалась съ компанейскимъ полковникомъ Игнатіемъ Чеснокомъ. Его же шатость съ превеликимъ стыдомъ и его спутники въ Лубны возвратились»²⁾.... Вѣроятно этимъ бракомъ К-ка хотѣль поправить имущественные дѣла, которые были очень разстроены и какъ кажется, главнымъ образомъ отъ мотовства его старшихъ сыно-

¹⁾ Такой титулъ даетъ Полетика К-кѣ, намекая на его легкомысліе, такъ какъ шатость значитъ—нестоянство, шатаніе.

²⁾ Частн. Переписка Гр. Андр. Полетики, изд. Б. Стар., стр. 103.

вей. Въ одной его бумагѣ, писанной въ 1762 г., читаемъ: «всѣмъ известно есть, что я по причинѣ трехъ сыновъ моихъ Ивана, Григорія и Данила, въ иностранныхъ государствахъ для пользы отечества и чести фамиліи находившихся, по ихъ самовольству, въ долги также пришелъ, что не только оныхъ материнскія недвижимія имѣнія въ полку Переяславскомъ имѣючіяся, съ согласія покойной оныхъ же матки, а моей первой жены, на уплатку спродасть мусиль (долженъ быть); но и за возвращеніемъ уже въ отчество, когда въ службу отданы, не мало долговъ своимъ легкомысленнымъ самовольствомъ и другими случаями прибавили, для которыхъ уплатку принужденъ и собственные мои дѣдизные и отческіе грунта продавать... Очень можетъ быть, что разстройство экономическихъ дѣлъ заставляло К-ку грѣшить наравнѣ съ остальною старшиною, захватывая и присвоивъ земли своихъ полчанъ по одному праву сильного.—Ниже мы увидимъ (с. Засулье—полк. сотни), что Лубенцы публично обвиняли К-ку за захватъ принадлежавшихъ г. Лубнамъ земель; затѣмъ жалуются и козаки с. Шершневки (см. ниже), что полковникъ ихъ К-ка постни-
маль у нихъ ихъ земли «издревле козачія»... Однимъ словомъ мы видимъ, что К-ка не былъ 'свободенъ отъ тѣхъ грѣховъ, которыми грѣшна была чуть не поголовно вся современная ему старшина. Уже при Румянцовѣ, Кулябку на полковничество смѣнилъ Степанъ Петровичъ Максимовичъ—сынъ Снѣтинскаго сотника, о которомъ будетъ говорено ниже. О Максимовичѣ мы знаемъ лишь то, что онъ учился въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, служилъ затѣмъ въ военной службѣ и поставленъ былъ на Лубенское полковничество, конечно, распоряженіемъ Румянцова. Въ турецкую войну М-чъ на-
столько отличился, что получилъ орденъ Георгія третьей степени. М-чъ Лубенское 'полковничество и закончилось.

Переходя къ остальной полковой старшинѣ, перечисляемъ ряды лицъ, занимавшихъ каждый урядъ отдельно.

Обозные. Лещенко Устинъ (1660). Кириловъ Савва (1672—675). Сте-
блювець Иванъ (1676). Цюпченко Павель Яковлевичъ (1677). Чернявскій Гри-
горій (?) (1683). Яковлевъ Андрей (1681—684). Сохацкій Иванъ (въ 80-хъ гг.),
зять полковника Ильяшенка. Глуховецъ Дмитрій (1688—699). Зaborовскій
Иванъ Тимофеевичъ (1705—709). Мартось Павель Васильевичъ (1714—737).
Кулябка Иванъ Петровичъ (1737—757). Марковичъ Иванъ Андреевичъ (1758—
760). Кулябка Василій Григорьевичъ (1762). Петровскій Филиппъ (1764—765).
Шостакъ Андрей (1776—777). Кулябка Павель Ивановичъ (1774—779).

Почти все эти лица поставлены были обозными изъ низшей полковой старшины и никакой памяти о себѣ не оставили, если не владѣли маєтностями или не занимали влиятельных сотничихъ урядовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ о нихъ будемъ говорить ниже. Не которые изъ названныхъ обозныхъ получили свои уряды благодаря протекціи влиятельныхъ родичей, иногда не занимая передъ тѣмъ никакихъ урядовъ. Такъ, напр., обозный Сохацкій, не занимая никакого уряда, поставленъ былъ сразу обознымъ, конечно благодаря динь тому обстоятельству, что былъ женатъ на дочери полковника Илляшенка. Также точно по протекціи родичей, бѣзъ постепенности въ службѣ, получили урядъ обозничества—Иванъ Марковичъ и Кулѣбака.

Судьи. Веронъ Петъръ (1660). Савицій Лвовій Назаровій (1672). Стеблювецъ Иванъ (1677). Яловлевъ Андрей (1682—691). Паннеевичъ Мальчишъ (1682—686). Кичкаровскій Леонтій (1690—712). Маргосъ Мартынъ Васильевій (1699—705). Троцкій Максимъ (1710—719). Журавскій Андрей Михайловій (1719). Максимовій Семенъ (1734). Павлововій Андрей (1740). Стефановічъ Василій (1751—773). Лукьяніовичъ Петъръ (1774). Ковалевскій Григорій (1774—779).

Изъ этихъ лицъ обращаетъ на себя вниманіе Панкевичъ, который при Брюховецкомъ былъ Иркліевскимъ полковникомъ; затѣмъ, по доносу Брюховецкаго же, сосланъ былъ, въ числѣ другихъ, въ Сибирь, откуда возвращенъ, по представительству Многогрѣшнаго, въ 1670 г.¹⁾ Какъ попалъ Панкевичъ въ Лубенскіе судьи, будучи, по видимому, человѣкомъ для полка чужимъ—свѣдѣній нѣть.

Писари. Тризна Фома (1672). Билимъ Федоръ Васильевичъ (1672—687). Теодоровичъ Яковъ (ок. 1680). Кичкаровскій Леонтій (1688—690). Троцкій Максимъ (1698—704). Кулѣбака Григорій Федоровичъ (1710). Степанъ Савицкій (1716—729). Шкляревичъ Афанасій (1744—750). Дергай (?) Федоръ (1753). Стефановъ Андрей (1752—758). Столповскій Семенъ (ок. 1760). Корнѣевичъ Яковъ (1762—767). Ковалевскій Григорій (1768—773). Лукьяніовичъ Петъръ (1773—775). Кондратіовскій Василій (1774—779).

Въ числѣ старшины, сосланной въ Сибирь по доносу Брюховецкаго былъ и Фома Тризна. По ходатайству Многогрѣшнаго, онъ былъ оттуда возвращенъ въ 1670 г., при чёмъ въ спискѣ возвращенныхъ «новолниковъ» Тризна показанъ — Переяславскимъ писаремъ²⁾,

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, VIII, 54 и IX, 240.

²⁾ Т. ж. и Дополн. къ акт. историч., VI, 75.

но кажется это ошибкой; повидимому, и до ссылки онъ былъ Лубенскимъ писаремъ¹⁾.

Есаулы. Михайловичъ Янушъ (1667). Лещенко Яковъ (1672). Бурый Никита (1672). Севрюкъ Григорій (1676). Свѣтчка Леонтій (1683—688). Додука Григорій (1688). Таволга Григорій Никифоровичъ (1688—707). Христичъ Яковъ (1688, 1691—695). Савичъ Василій (1699—700). Петровскій Андрей (1709—712). Яковлевичъ Иванъ (1719). Павловъ Иванъ (1722—729²⁾). Остаповичъ Семенъ (1722—726). Троцкій Петръ Максимовичъ (1731). Корсунъ Степанъ (1732—739). Рвачевскій Родонъ (1746—767). Прима Семенъ (1749—750). Максимовичъ Якимъ Семеновичъ (1767). Ильченко Андрей (1769). Григоровичъ Федоръ (1773). Криштофовичъ Михайло (1779). Манжось Иванъ (1779).

Хоружіе. Гадученко (Гадучицкій) Матвій (1672). Семашко Влась (1688—691). Вареница Григорій (1693). Ярмоленко Григорій (1699). Ярмоленко Федоръ (1698—703). Кривонобильскій Степанъ (1715). Корсунъ Степанъ (1716—720). Слюзь Семенъ (1782). Столповскій Семенъ (1788). Рвачевскій Родонъ (1739—746). Жуковскій Иванъ (1746—753). Манжось Григорій (1738—749). Максимовичъ Федоръ (1752—755). Огроновичъ Павель (1759). Янъяновичъ Петръ (1763—765). Хильчевскій Федоръ (1767). Скаржинскій Иванъ Михайловичъ (1773).

Изъ приведенного перечня, между прочимъ, видно, что въ Лубенскомъ полку, при Румянцовѣ, какъ обозныхъ, такъ и судей и

¹⁾ Такъ слѣдуетъ думать на основаніи слѣдующаго универсала Самойловича: «.... поневажъ Плисъ набожчикъ, житель Лубенскій, запомінѣши такъ бояни божай, яко и права на виступихъ сурово описанного, всѣ добра (имѣнія) п. Фоми Тризни, писара Лубенскаго, ажъ до и наименшой рѣчи, въ подручніими себѣ, зрабовалъ (разграбилъ) и зрабовавши въ пожитковане своеюной купѣ помененіе добра позволилъ разобрести, где за внесенемъ до нась плачливой п. Фоми Тризни прозби для подисканя правнимъ поступкомъ добрь своїхъ, ваднихъ особъ въ Лубнѣ на тую справу депутаталисмо, т. е. п. Самойла Завадскаго и п. Андрея Василіевича, писара судейскаго, коториѣ то, ведлугъ артикуловъ правнихъ постѣдующи сватой справедливости, въ нагороду зрабованихъ прееъ помененнаго Плиса всѣхъ добрь до щенту п. Фоми Тризни правнимъ поступкомъ всѣ кгрунта Плисовскіе въ Лубняхъ лежачие и рухомые речи (движимость), тактежъ дворъ во всѣми будинками и въ лисами и синонѣщами, озерами, ёзами, въ полями и садами, такъ по той сторонѣ Сули рѣки, яко и по сей сторонѣ будучими, п. Фомѣ Тризанѣ въ вѣчную поссесию... присудили и подали. Прето и ми охотне таковому суду и праву стосуючися, всѣ вишъпомененіе добра Плисовскіе декретомъ правнимъ п. Фомѣ Тризнѣ... повагово владеніе нашое умоцнємо (утверждаемъ)...» (Съ подлинника, писаною есъ Батурина 1672 г., 22 іюля).

²⁾ Иванъ Павловъ владѣлъ с. Гонцами, звался также и Гончакскимъ. Виѣсть съ своимъ товарищемъ по уряду — Корсуномъ, онъ былъ убитъ въ 1739 г., въ Крымскомъ походѣ.

писарей—бывало иногда по два одновременно, при чём эти урядники вместе подписывали и деловые бумаги, какъ это встрѣтилось относительно обозныхъ Шостака и Павла Кулябки и писарей—Лукьяновича и Кондратковскаго. Подвое судей вместе—тоже встрѣчаемъ въ этомъ полку, какъ въ XVII в., такъ, кажется и при Румянцовѣ.—Есауловъ—и хоружихъ, какъ известно, почти всегда бывало подва вмѣстѣ.

Географический очеркъ Лубенского полка. Лубенскій полкъ занималъ берега Сулы, начиная отъ ея впаденія въ Днѣпръ и заѣмъ вверхъ по ея течению до устья рч. Хуси и даже нѣсколько далѣе—до границы Слободской Украины, при чёмъ на лѣвомъ берегу—поселенія этого полка тянулись только по Сулѣ, а на правомъ берегу—удалялись отъ Сулы по ея притокамъ. Почти не имѣя притоковъ слѣва (кромѣ незначительныхъ—Артополоти и Бодаквы), Сула съ правой стороны имѣетъ ихъ нѣсколько. Начиная съ низовьевъ, она принимаетъ: 1) *Оржину*, образующуюся изъ трехъ рѣчекъ,—двухъ *Оржинъ—Сырой* и *Гнилой* и *Чумлака*, 2) *Сѣльгородъ*, 3) *Ольшанку*, 4) *Удай*, принимающій въ себя рч. *Многой* съ его притокомъ—*Артополотью*, 5) *Лохвицу* съ ея притокомъ *Глинино*, 6) *Олаву* съ ея притокомъ *Рашевкою*, 7) *Роменъ*, 8) *Хмѣловку*, 9) *Кишкінъ* и *Гуску* (Хусь). Относительно послѣднихъ трехъ рѣчекъ слѣдуетъ впрочемъ сказать, что теперь трудно определить составляютъ ли онѣ всѣ три—притоки Сулы или же притокомъ послѣдней есть одна Хусь, а Кишкінъ и Хмѣловка составляли притоки уже Хуси. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ было сказано о характерѣ Посулья и о тѣхъ защитныхъ его мѣстностяхъ, въ которыхъ известны здѣсь поселенія уже съ XII в. Впрочемъ, по общему характеру мѣстности Лубенского полка онъ принадлежалъ къ числу степныхъ полковъ, въ которыхъ лѣса встрѣчаются почти исключительно лишь по рѣчнымъ долинамъ; въ Лубенскомъ полку такихъ лѣсовъ имѣются по побережьямъ Сулы, Удая, Ромна..., но этихъ лѣсовъ было недостаточно и для мѣстнаго потребленія. Лубенская старшина, отвѣчая въ 1779 г. на запросъ Румянцова относительно количества у нихъ лѣсовъ, писала: «касательно Лубенского полка, то болѣе здѣсь степные мѣста, а лѣсовъ не вездѣ достаточно, такъ что обыватели безъ заемства покупкою отъ Днѣпра плотового лѣсу и для необходимого себѣ

¹⁾ Киевск. Стар. 1896 г., январь, *Лубенщина*.

строенія обойтись всячески не состоятельны¹⁾). Тѣмъ не менѣе тер-
риторія Лубенскаго полка привлекла въ XVII в. значительное насе-
леніе, которое находило тутъ плодородную почву, на которой и хлѣ-
бопашество, и луговодство—давали обильные урожаи, при чёмъ немало
было здесь и удобныхъ мѣстъ для устройства водяныхъ мельницъ,
даже и на малыхъ рѣчкахъ, нынѣ почти из��нувшихъ, коихъ названія
будутъ указаны при дальнѣйшемъ перечинѣ населенныхъ мѣстъ.

Дѣленіе Лубенскаго полка на сотни. Мы уже видѣли, что
при образованіи Хмельницкимъ полковъ, территорія Лубенскаго
полка была раздѣлена между полками Миргородскимъ и Крапивян-
скимъ, но съ 1654 г. образовался самостоятельный Лубенский полкъ,
при чёмъ въ немъ были слѣдующія сотни: полковая, Лукомская,
Чигриндуровская, Пирятинская, Яблуновская, Чорнусская, Городис-
ская, Лохвицкая, Сенецкая, Глинская, Роменская, Смѣлянская и Кон-
стантиновская. Затѣмъ, въ XVII в. выдѣлена была новая сотня—Снѣ-
тианская, а ок. пол. XVIII в. явились сотни: Горошинская (изъ части
Лукомской сотни) и Хмѣлювская (изъ части Смѣлянской сотни) и раздѣ-
лены были на двѣ сотни: полковая, Пирятинская и Лохвицкая, а къ
полов. XVIII в.—раздѣлена была на двѣ—сотня Сенецкая, явилась
третья Лохвицкая сотня (Янишпольская) и кроме того были образо-
ваны сотни—Жовинская и Куренская. Вероятно, существовали и
другія сотни, такъ какъ, напр., въ актѣ 1654 г. встрѣчается сотникъ
Вязовецкій, (См. с. Вязовецъ). При учрежденії намѣстничествъ въ
Лубенскомъ полку было 23 сотни²⁾. Настоящее описание полка распо-
ложено по дѣленію его, существовавшему въ половинѣ XVIII в.,
когда въ полку были слѣдующія шестнадцать сотенъ: двѣ полковыя,
Лукомская, Горошинская, Чигриндуровская, Яблуновская, Пирятин-
ская, Городищенская (Городисская), Чорнусская, Снѣтианская, Сен-
чанская (Сенецкая), Лохвицкая, Глинская, Роменская, Хмѣлювская и
Смѣлянская³⁾.

Полковой городъ Лубны возникъ въ к. XVI в. на мѣстѣ древне-
русскаго городка *Лубно*, известнаго по дѣтоциси съ XII в. Горо-

¹⁾ Сводъ мнѣній Малорусской старшины по вопросу объ уменьшеніи виноку-
ренія. Рукопись.

²⁾ Опис. Черниг. Намѣстн., Шафонского, 78.

³⁾ Въ такомъ количествѣ показаны сотни въ ревизской книжѣ Лубенскаго полка
за 1740 г.

докъ расположень бытъ на высокой горѣ, у которой съ одной стороны протекала Суда. Запустѣвшій послѣ татарскаго разоренія Лубно бытъ отновленъ въ 1589 г. при Александрѣ Вишневецкомъ, почему бытъ названъ *Александровомъ*. Черезъ 30-ть лѣтъ послѣ своего поселенія Александровъ бытъ уже достаточно населенъ: вдова Михаила Вишневецкаго, жалуясь въ 1618 г. на брата своего мужа за отнятіе имѣній, называетъ при этомъ — *Старе i Нове Lubnie, Alexandrovu swane*, а по акту 1628 г. въ этихъ Лубнахъ показано: дымовъ рыночныхъ — 18, уличныхъ — 8, предмѣстныхъ — 40 и убогихъ хижинъ (тоже предмѣстныхъ?) — 80. Изъ этихъ свѣдѣній можно заключить, что отновлено было старое *городище*, за которымъ и осталось название Лубна, а около этого Лубно возникъ другой городъ (предмѣстный), — *замокъ* Лубны, — который бытъ названъ *Александровомъ* (*Новое Lubnie, Alexandrovu swane*¹). Старые Лубны состояли изъ рынка (*мѣста*) и прымыкающихъ къ нему улицъ, при чмъ 18 домовъ находились на рыночной площади, а 8 расположены были въ улицахъ. Рынокъ и прилегавшія къ нему улицы составляли *замокъ*, расположенный на горѣ, на мѣстѣ древне-русскаго городка, почему эта часть города и названа *Старыми Лубнами*. Остальные 120-ть домовъ размѣщались на *предмѣстьяхъ*, т. е. вокругъ замковой горы, составляя поселеніе, съвшее на новомъ мѣстѣ. Для защиты отновленаго города, отъ татарскихъ набѣговъ кромѣ природныхъ укрѣплений, замокъ его снабженъ бытъ *арматами* и *гаковницами*. Есть извѣстіе, что Михаилъ Вишневецкій доставилъ въ Лубны изъ Овруча — 43 гаковницы, а арматы составляли необходимую тогдашнихъ замковъ принадлежность²). Гарнизонъ Лубенскаго замка составляли *козаки*, которыми начальствовалъ особый «атаманъ войска Запорожскаго Лубенскій», какъ

¹) Раздѣленіе отновленаго города, на дѣлъ частей. — Лубны и Александровъ, — хорошо видно изъ «списка» Константина Вишневецкаго о поизведеніяхъ построить Мгарскій м.-ръ, 1622 г., где указывается, что мѣсто для м.-ръ отводится въ полуниагѣ отъ Лубною, а самый «слотъ» пишется въ Александровъ, при чмъ ютъ никакихъ оснований думать, что это бытъ не городъ, а одно дѣлъ Лубенскихъ фель. См. Кіевск. Стар., 1896 г., февр., 210.

²) Кіевск. Ст. 1896 г., февр., 222, 228. Гдѣ именно находился замокъ, укрѣпленный Вишневецкими и гдѣ жилъ Еремія В-нъ — сказать трудно, такъ какъ въ Лубнахъ собственно два мѣста, годныхъ для городка или замка — мѣсто гдѣ соборная церковь и такъ наз. *Валы*. По мѣнію Лубенскихъ старожиловъ, замокъ В-нъ находился на Валахъ, а мѣсто около собора было — старый рынокъ, «мѣстою».

это видно изъ акта 1623 г.¹⁾. Подъ такою защитою гражданская жизнь въ Лубнахъ развивалась довольно успѣшно. Магдебургское право дано было этому городу при его начальномъ заселеніи, какъ указываетъ польскій изслѣдователь Заднѣпровья²⁾, а въ 1623 г. видимъ здѣсь уже дѣйствующее городское самоуправлѣніе въ формѣ «ратуша Лубенскаго» съ засѣдающими въ немъ войтомъ съ его «коллегами» - бурмистрами³⁾). Для развитія экономической жизни Лубновъ Иеремія В-ій утвердилъ за ремесленниками этого города то цеховое устройство, которое возникло у лѣвобережныхъ колонистовъ по образцамъ ихъ митрополіи. Объ этомъ утвержденіи мы имѣемъ указаніе самого В-аго въ «листѣ» его, данномъ въ 1635 г. Прилуцкимъ ремесленникамъ: «вѣдомо чиню тимъ моимъ листомъ, кому бы о томъ вѣдати надлежало, ижъ я хотячи въ якъ наилучшомъ порядку мѣста мои украинные имѣти, а именно цехи разные, при давнихъ обычаяхъ зоставляю, также права и вольности надаю, якъ мѣсту моему стольичному Лубнямъ». Называя затѣмъ цехи: *кравецкий*, *швецкий* (шевскій?), *кушинърскій* и *ковальскій*, В. пишетъ далѣе: «вольно имѣть цехмистровъ изъ братіи своей, кого пожелають избрать и оному во всемъ быть послушными, кануновъ два, какъ водится между ремесленниками, на годъ разсытить и на ихъ пожитокъ обратить...» Упомянутые здѣсь кануны состояли въ правѣ членовъ церковныхъ братствъ, которые тѣсно были связаны съ ремесленными цехами, варить медь для распродажи его въ престольные и друг. праздники съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги употреблялись на нужды братскаго храма. Такое

¹⁾ Тамъ же, мартъ, 456.

²⁾ Slowen. Geogr. XIV, 228.

³⁾ Пользуясь актами Мгарского м-ра (ркн. б-ки Киевск. универс.) приводимъ здѣсь перечень Лубенскихъ войтовъ за XVII-е столѣтіе: Андрей Вышовецъ, 1623. Федоръ Лунь, 1628. Кондрать Матвіевичъ Парпур, 1645. Никонъ Мойсеенко, 1654. Илиничъ, 1655. Прохоръ Васильевичъ, 1655. Иванъ Андреевичъ, 1660. Василій Дяченко, 1665. Климентъ Коробка, 1666. Василій Торовецъ, 1667. Степанъ Ворщаговецъ, 1668. Уласъ Довговатъ, 1670. Гаврило Кунченко, 1670; 1680; 1686; 1692. Григорій Куриленко, 1671, 1702. Филиппъ Танцовайло, 1675, 1678. Яковъ Петренко, 1680. Юрій Гаевскій, 1681. Петръ Андреевичъ, 1681, 1682. Петръ Мироненко или Шепелічъ, 1689. Андрей Солодкій, 1692. Михайло Рева, 1695. Ярема Васильевичъ, 1699, 1708. Корній Григорьевичъ, 1700, 1704, 1706. Упоминаемый здѣсь Парпур (въ 1671 г. упоминается еще и Андрей Парпуренко — бурмистръ) происходилъ едва ли не изъ Нѣжинскихъ грековъ, судя по его прозвищу, повидимому, взятому отъ греч. слова *торпора* = порфира.

церковное братство въ Лубнахъ учреждено было уже въ 1622 г. «при храмѣ—соборной братской церкви пресв. Троицы». Братство устроено было Исаией Копинскимъ, тогдашнимъ блюстителемъ православія въ лѣвобережной Украинѣ, почему, вѣроятно, заботами Копинского же устроена и первая Лубенская церковь во имя пресв. Троицы¹).

Въ такомъ состояніи находились Лубны въ тридцатыхъ годахъ XVII в. Есть извѣстіе, что въ 1637 г. Лубны были заняты отрядомъ возставшихъ козаковъ, при чемъ де былъ сожженъ и бернардинскій монастырь; но извѣстіе это сомнительно²). Затѣмъ, съ переселеніемъ Іереміи В. на лѣвый берегъ, чтѣ случилось около 1640 г., количество населенія Лубновъ должно было значительно увеличиться. Въ спискѣ Пшездѣцкаго находимъ, что въ Лубнахъ тогда было 2546 «господарей». Но цифра эта болѣе, чѣмъ сомнителна: трудно предполагать, чтобы въ это время въ Лубнахъ было до 10 тыс. жителей (полагая на семью «господаря» по четыре души), когда и въ 1766 г. населеніе этого города далеко не достигало этой цифры (см. ниже). Вѣроятнѣе всего, что въ цифрѣ Пшездѣцкаго заключается и населеніе Лубенскихъ сель, которыхъ въ спискѣ вовсе не значатся³). Далѣе, извѣстно, что въ пол. 1648 г., послѣ ухода отсюда Іереміи В., Лубны были разорены возставшимъ противъ поляковъ народомъ, при чемъ, повидимому, пострадала только юльская часть населенія⁴). Но въ 1659 г. Лубны были сожжены Ромодановскимъ «дощенту, кромѣ единой Троицкой церкви» (см. стр. 36).

Вотъ вся тѣ свѣдѣнія о Лубнахъ, которыхъ имѣются у насъ за XVII в.

Переходя засимъ къ XVIII в., мы имѣемъ свѣдѣнія о составѣ населенія Лубновъ за три момента: 1740, 1766 и 1782 гг.

¹⁾ Киевск. Ст. 1896 г., мартъ, 355. По сообщенію почтеннаго Лубенскаго старожила М. Т. С., старая Троицкая церковь (*дубовая*) была стараѣть 65 назадъ, а ѿйтъ 80 назадъ она таѣь уже стара стала, что при значительномъ вѣтрѣ паникало даже качалось; ее разобрали тогда и уже на другомъ мѣстѣ, на рынке, построили новую, Троицкую же, каменную. На одномъ изъ склоновъ разобранной Троицкой церкви былъ вырызанъ 1734 г.—конечно, годъ ея основания (Со словъ Лубенскихъ старожиловъ).

²⁾ Киевск. Ст. 1896 г., февр., 216.

³⁾ Т. ж., мартъ, 348.

⁴⁾ Тамъ же, мартъ, 352.

При ревизії 1740 г., здѣсь показано слѣдующее населеніе: 1) *ко-заки*—88 дв. (92 семьи), 2) *подсостѣдки изъ козаковъ*—154 дв. (161 с.)¹⁾ и 3) *посполитые* (будущіе *мѣщане*)—110 дв. (113 с.). Такимъ образомъ, козаковъ, подсостѣдковъ и посполитыхъ было 352 двора, а въ нихъ показано 364 семьи; считая по четыре души на семью, все населеніе, козаковъ и крестьянъ, опредѣлится, примѣрно, въ 1500 душъ. Но кромѣ этихъ 352 двор., въ Лубнахъ было еще «*вольныхъ*» дворовъ—182. Это были дворы старшины, и разныхъ чиновъ и служителей», «людей наемныхъ разныхъ господъ», школъ, «шпиталей» и проч. При перечисленіи «*вольныхъ*» дворовъ старшины, дѣлается указаніе—«въ которомъ (дворѣ) самъ живеть», изъ чего можно думать, что старшина имѣла постоянное жительство въ городѣ, а въ села наѣзжала лишь для хозяйственныхъ распоряженій. Старшинскіе дворы показаны слѣдующіе: полковника Апостола («въ которомъ самъ живеть»), бунч. тов. Петра Кулябки, «въ которомъ живеть съ сыномъ обозн. полков. Луб. Иваномъ», хоружаго полк. Род. Рвачевскаго, бунч. т-щей: Петра Петровича Кулябки (бывш. сотникъ, братъ обознаго), Якима Троцкаго, Федора Кулябки, Василія Савича, Якова Васильевича и Петра Орѣховскаго; значк. т-щей: Павла и Петра Корнѣевичей, Михайла Орѣховскаго, Михайла Косинскаго, Федора Полунѣя, Ивана Кучера, Максима Мирца, Петра Прійми. перв. полк. сотни сотника Михайла Скаржинскаго, сот. атамана Карпа Значка, втор. полк. сотни сотника Семена Прійми, сот. атамана Леонтия Прійми, войта Федора Жадана, дворы полков. канцеляристовъ въ числѣ шести, (изъ которыхъ у пяти прозвищ непоказано, а указаны лишь отцовскія ихъ имена), дворы «писцовъ обрѣтаючихся при полковой канцеляріи» въ числѣ 9-ти, дворы «полковой музыки» («лѣтаврщикъ и три трембача»), дворы артилерійск. служителей—7, дворы «разныхъ чиновъ и служителей», (при чемъ между ними показаны: «писарь пакетъ-почты», «почтмейстеръ градской почты», полевыхъ сторожей (3), тюремныхъ сторожей (2), Калужскаго купца Петелина, Великорос. купца Ситникова, Опанаса Мищенка, «въ которомъ стоитъ почта градская», дворы прѣзжіе—сотника Пирятинск. Григорія Корнѣевича, умерш. б. т. Григорія Ку-

¹⁾ Изъ числа 154 дв. подсостѣдковъ—98 дв. составляли подсостѣдковъ козаковъ же (т. е. подсостѣдковъ, жившихъ въ хатахъ, принадлежавшихъ козакамъ), а 61 дв. были подсостѣдки старшинскіе: Кулябокъ и друг. Наибольшее количество ихъ значилось за Якимомъ Троцкимъ, Петромъ Кулябкою и Родиономъ Рвачевскимъ.

лябки, дворы церквей служителей («протопопа», его намѣстника, двухъ «споповъ», трехъ викаріевъ и двухъ діаконовъ и дьячка полковой походной церкви), дворы трехъ школъ (Троицкая, Пречистенская и Никольская, а въ нихъ живутъ «дьяки»), дворы «старцовъ изъ милостиши питающихъся»—6. Засимъ слѣдуютъ *шинковые дворы* въ числѣ 16-ти, изъ нихъ полковника — 1, Петра Кулабки — 4, Мгарск. м-ря — 3, у двухъ церквей—по одному и т. д. Наконецъ показаны «люде наемніе разныхъ господъ», при чёмъ пять лицъ изъ нихъ—полковника Апостола—всѣ имѣютъ при себѣ поясненіе ихъ обязанностей: «господарь, кухнистръ, маштагѣръ, бондарь, швецъ». У другой старшины показаны *наемные люди* безъ обозначенія ихъ должностей, при чёмъ у б. т. Петра Кулабки показано ихъ 20, изъ общаго ихъ числа 53-хъ. Всѣ эти *наемные люди* показаны живущими въ отдельныхъ *дворахъ*, называемыхъ *вольными*. Чѣ же это были за *наемные люди*?—Конечно, это не подсобѣки, потому что послѣдніе показаны отдельно (хотя показаны подсобѣки только *козачьи*). Можно думать, что въ числѣ этихъ «людей» часть была дѣйствительно *наемныхъ*, а другіе могли представлять послолитыхъ, поселенныхъ въ скученныхъ послолитскихъ же хатахъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы перечисленные наниматели нарочно устраивали особые дворы для каждой *наемной семьи*. При календарныхъ именахъ многихъ изъ этихъ «наемныхъ людей» значится: *римарь, соловорникъ, бондарь, кравецъ*, но такъ какъ при этомъ не указывается другого прозвища, то быть можетъ въ приведенныхъ словахъ слѣдуетъ видѣть только прозвища...

Составленная въ 1766 г. (т. е. при *Румянцевской описи*) вѣдомость о населеніи Лубновъ даетъ болѣе обстоятельный свѣдѣнія, особенно относительно тѣхъ промысловъ и ремесль, которыми занимались Лубенскіе горожане.

Въ вѣдомости 1766 г. показаны слѣдующіе дворы:

Владельческие дома. Г. полковника Лубенского Ивана Петровича Кулабки, подкомораго Василія Кулабки, писаря полковаго Якова Корнѣевича, есаула полковаго Родіона Рвачевскаго, хоружаго полков. Степана Корнѣевича. Бунчук. товарищѣ: Якова Петровича Кулабки, Василія Петровича Кулабки, Василія Савича, Федора Діаковскаго, войск. канцеляриста Петра Назарскаго. Абшитованныхъ войск. товарищѣ: Михайла Орѣховскаго, Михайла Косинскаго, Ивана Корнѣевича, Леонтия Прійми. Сотника полков. Карпа Значка, атам. город.

Павла Самойловского. (Сей инондъ ходитъ въ Шлезію съ волами). Хоруж. сотенного Ефима Капусты. (Въ сего дворь содержится промыслъ шинковый). Писаря сотенного Игната Щочки. (Сей инондъ посылаетъ въ Крымъ за солью). Канцел. сотен. Прокопа Зайкевича. Значковыхъ товарищей: Федора Жадана, Александра Щитки, Лукьяна Гудимовича, Михайла Майбороды, (сего жена бадается промысломъ крамарскимъ), Григорія Иваненка, Якова Назарского (сей инондъ ходитъ въ Шлезію для продажи воловъ), Іосифа Полянки, (сей инондъ ходитъ въ Крымскую дорогу за промысломъ купеческимъ), Михайла Полунѣя, Ивана Павловского, (сей ходитъ инондъ въ Шлезію съ волами). «Сверхъ указанаго числа значковыхъ товарищей» — Михайла Значка. Абшитованныхъ значков. товарищней: Степана Ющенка, Хомы Трембача, Константія Шулячевскаго, (сии содержатъ промыслъ шинковый). Сотника второй Луб. сотни Ивана Огроновича, той сотни атамана Ивана Кучера, (сего сынъ Семенъ бадается продажею бакаллии). Атамана сотни Сњгинской Кондрата Яновскаго. Полковыхъ канцеляристовъ: Іосифа Семенова, Петра Любницкаго, (своя отецъ импеть ремесло котлярское), Мойсея Назаріева и Григорія Онищенка. Судовой полковой канцеляріи концеляриста Герасима Сидорскаго. Артиллериста полков. Лубенск. артиллеріи Романа Рубана, (сей импеть ремесло ковальское). Оной же артиллеріи мастеровыхъ людей: Корнѣя Брижахи, (сей импеть ремесло слюсарское), Ильяша Карбана, (сей импеть ремесло римарское). Полевыхъ сторожей: Кондрата Василенка (сей дѣлаетъ ремесло котлярское), Степана Яременка, (сей содержитъ промыслъ крамарский). Полковыхъ музыкантовъ: трубача Михайла Михайловича, трубача Михайла Малечи, (сей импеть промыслъ шинковый), волторнистовъ Ивана Андреева и Ивана Макаренка, (оба импютъ промыслъ шинковый), гобоистовъ Даниила Крушталя, (сей импеть промыслъ крамарский) и Ивана Орловскаго. Гренадера полка Глуховскаго гренадерскаго Новинскаго жены Палагеи. Сторожа тюремного Леска Дубницкаго. Полковаго цирюльника Ивана Афанасьевца. Дворъ Андрея Кулабки, въ которомъ квартируетъ аптекарь Фермеринъ; оной же аптеки вагенмейстра Матвѣя Игнатова, козачки Слюсарепковой, въ которомъ квартируетъ инструментальный мастеръ Несторъ Стефановъ, дѣяка (?) бригадира Апостола, по имени Данила, въ коемъ квартируетъ оного Стефанова ученикъ Никита, главной полевой аптеки, Хомы Трембача, писаря Сенчанскаго Павла Воро-

тияка, въ которомъ квартируетъ писарь суда земскаго Булюбашъ. Умершихъ чиновъ: писаря полков. Андрея Стефанова, значк. тов. Ивана Сизона и Стефана Хведосынка. Духовныхъ чиновъ: умершаго Луб. протопопа Ioanna Oреховскаго, намѣстника крестоваго Федора Барвинскаго, викарія троицкаго Федора Варламова, діакона троицкаго Ioanna, намѣстника соборн. Луб. церкви Ioanna Богдановича; той церкви викаріевъ: Іакова Чинча и Федора Левенца, діакона Ioanna Пирога, настоятеля Никольской церкви Алексія Александровича и его викарія Михаила.

Выборныхъ козаковъ—22 двора, а въ нихъ хатъ—43. Изъ нихъ: шинкарей—8, сапожниковъ—3, шапочниковъ—2, (изъ нихъ одинъ дѣлаетъ «шапки женскія»), чумаковъ («ходять въ Крымъ за солью»)—3 и мясникъ—1. *Козаковъ подпомощниковъ*—165 дв., а въ нихъ хатъ—175 и кромѣ того бездворн. хатъ—20. Въ числѣ ихъ по занятіямъ: сапожниковъ—21, портныхъ—19, мелкихъ торговцовъ—12, шинкарей—9, ткачей—6, рыболововъ—6, слесарей—6, музыкантовъ—4, мясниковъ—4, кузнецовыхъ—4, шорниковъ—2, плотниковъ—2, шапочниковъ, печниковъ, стекольщиковъ и чумаковъ—по одному.—Великороссійскихъ купцовъ: Кузьмы Петрова, Петра Петрова и Алексія Фалина. (*Имп'ютъ промыслъ крамарскій*). Свободныхъ *посполитыхъ*—22 дв., въ нихъ хатъ—32 и кромѣ того, бездв. хатъ—22. Въ числѣ ихъ по занятіямъ: сапожниковъ—11, портныхъ—8, ткачей—4, мясниковъ—4, шорниковъ—2 и шинкарей, плотниковъ, печниковъ—по одному¹⁾).

«Показавшихъ себя званія козачьяго»—8 дв., 8 х. Изъ нихъ: сапожниковъ—4 дв. и ткачей, портныхъ, шорниковъ и печниковъ—по одному. Постолитые разныхъ владѣній. Бригадира Апостола—1 дв., 2 х. и бездв. х.—4. Подкомораго Василія Кулябки—бездв. х.—2.

¹⁾ Относительно Лубенскихъ ремесленниковъ мы встрѣтили рѣдкій случай, что некоторые изъ нихъ (конечно изъ числа посполитыхъ) были отдаваемы гетьманами въ особое послушенство полковниковъ, «для домовой потребы». Такъ, по универсалу 1715 г., Скоропадскій «составилъ въ прежнемъ послушенствѣ до двора Савичевой (вдовы полковника Василия Савича) для домовой потребы универсалами определенныхъ въ Лубнахъ кравцовъ двохъ, шевцовъ трехъ, бондаровъ и коноваловъ по два, рыбаковъ трехъ, гончаровъ двухъ, а въ с. Новакахъ и Калайденцахъ—столяковъ четырехъ человѣкъ». Этотъ случай характеренъ въ томъ отношеніи, что отдавались во владѣніе—определенному лицу, терявшія следовательно личную свободу.

Бунчук, тов. Василія Савича—1 дв., 7 х. («съ прочими»). Бунч. тов. Федора Діаковского жены Марыи—2 дв., 4 х. и бездв. х.—10. Бунч. тов. Якова Кулябки—4 дв., 4 х. и безд. х.—12. Бунч. тов. Василія Кулябки—12 дв., 24 х. и безд. х.—9. Писаря полк. Якова Корнєевича—1 дв., 1 х. и безд. х.—4. Ес. полк. Род. Рвачевского—бездв. х.—1. Хоруж. полк. Степана Корнєевича—бездв. х.—5. Обозн. полк. Гадяцк. Родзянки—2 дв., 3 х. Абшит. в. тов. Михайла Косинского—1 дв., 1 х. В. тов. Михайла Орѣховского—3 дв., 3 х. и бездв. х.—3. Сотн. полк. Карпа Значка—1 дв., 2 х. и бездв. х.—1. Сотника 2-й Луб. сотни Ивана Огроновича—безд. х.—2. Сотника Снѣтинского Павла Кулябки—2 дв., 3 х. и бездв. х.—1. Сотника Воронежск. Андрея Холодовича—3 дв., 3 х. и бездв. х.—2. Полковника Григорія Любистока—10 дв., 13 х. и бездв. х.—3. Протопопа Луб. Іоанна Орѣховского—1 дв., 1 х. и бездв. х.—6. Намѣстника крестового Федора Барвинского—1 дв., 2 х. Намѣстника Луб. Іоанна Богдановича—2 дв., 2 х. Атамана город. Луб. Павла Самойловского—2 дв., 3 х. и бездв. х.—4. Вдовы значк. тов. Анны Созюновой—бездв. х.—4. Атам. полк. Луб. Павла Корнєевича—1 дв., 2 х. Зн. тов. Максима Значка—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1. Бывш. атам. Пирятинск. Никиты Синельника—бездв. х.—1. Зн. тов. Лукьянна Гудимовича—бездв. х.—2. Зн. тов. Констант. Шулячевского—бездв. х.—1. Атам. 2-й Луб. сотни Ивана Кучера—1 дв., 1 х. Зн. тов. Федора Жадана—2 дв., 3 х. Старш. канцел. Ивана Запорожского—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1. Вдовы полк. Луб. писаря Ульяны Стефановой—2 дв., 2 х. и бездв. х.—4. Канцел. Петра Шушвала—1 бездв. х. Вдовы зн. тов. Петра Корнєевича Зиновіи—1 дв., 1 х. и бездв. х.—2. Канцел. Мойсея Назарєва—1 дв., 1 х. Писаря сотенного Игната Щотки—2 дв., 2 х. и 3 бездв. х. Канцеляриста сотенного Прокопа Зайкевича—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1. Бунч. тов. Корнилія Кобеляцкого—1 дв., 1 х. Козака Луб. Андрея Бѣлаго—1 дв., 1 х. Войта Луб. Ивана Паненка—3 бездв. х. Хоруж. сотен. Ефима Капусты—2 бездв. х. Коз. Луб. Ивана Макаренка—1 дв., 1 х. Значк. товар. Якова Назарского—1 дв., 1 х. Зн. тов. Евтихія Величка—1 дв., 1 х. Абшит. зн. тов. Йосифа Полянки—1 дв., 1 х. Коз. Луб. Ивана Кропивки—1 дв., 1 х., Павла Ярошенка—1 дв., 1 х., Корнєя Касянова—2 дв., 2 х., Максима Касянова—2 дв., 2 х. Умерш. Тимофея Шостика—2 дв., 2 х., вдовы Петрихи Коваліхи—1 дв., 1 х. Демьяна Фелипова—1 дв., 1 х. Сотника Жовнин-

скаго Булюбаша—1 дв., 1 х. Ивана Звѣркевича—1 дв., 1 х., Савки Гобоиста—1 дв., 1 х. Андрея Прѣмы—1 дв., 1 х. и 1 бездв. х. Умерш. викарія соборной церкви—1 дв., 1 х. Монастыря Густынского—1 дв., 1 х. Полков. цирюльника Ивана Афанасьева—1 дв., 2 х. Попа Засульского Максима Дѣжечки—1 дв., 1 х. Значк. тов. Михайла Полунія—1 бездв. х. и монастыря Мгарского—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1.—Изъ нихъ: сапожниковъ—22, ткачей—15, портныхъ—11, шорниковъ—6, плотниковъ, кузнецовыхъ и печниковъ—по 4, мясниковъ—3, шапочниковъ—2 и мелк. торговцовъ, рѣзчиковъ и винокуровъ—по одному.

Всего въ городѣ: старшины, священниковъ и «великороссийскихъ» купцовъ—60 двор., «низшихъ служителей»—18 двор., козак. выборн.—22 дв., 43 х., козаковъ «подпомощниковъ» (въ томъ числѣ и «показавшихъ себя званія козач.»)—175 дв., 183 х. и 20 бд. х. Поспол. свободн.—22 дв. и 22 бд. х., поспол. владѣльческихъ—87 дв., 133 х. и 88 бд. х. *Всего коз. и поспол.* 306 дв., 391 х.¹⁾.

При сравненіи свѣдѣній о населеніи Лубновъ за 1740 и 1767 гг., прежде всего видимъ уменьшеніе посполитыхъ съ 94 двора на 22 двора и 22 бездв. хаты и появление въ Лубнахъ въ 1766 г. посполитыхъ владѣльческихъ въ количествѣ 87 двор. и 88 бездв. хатъ. Такимъ образомъ, за четверть столѣтія большая часть посполитыхъ *свободныхъ* стала *владѣльческою*. По вѣдомости 1766 г. не видимъ мы и «наемныхъ людей», а лишь посполитыхъ, почему и слѣдуетъ думать, что и эти *наемные люди* мало по малу переходили въ состояніе *владѣльческихъ...* Козаковъ по вѣдомости 1766 г. является гораздо больше, чѣмъ ихъ было въ 1740 г., но за то изчезаютъ подсобѣдки *козачии*; послѣдніе не показываются въ 1766 г., вѣроятно, потому что въ Румянцовской описи они показаны—просто козаками, такъ какъ *козачью скupлю* тогдашняя Малорусская центральная администрація не могла признать легальнымъ фактомъ и козаки, жившіе на «спрѣданныхъ» ими козакамъ же грунтахъ, открывая во время Румянцовской описи козачье свое происхожденіе, записывались уже не подсобѣдками, но козаками. Кроме того, увеличеніе козачьяго населенія въ Лубнахъ произошло частью и на счетъ тамошнихъ «посполитыхъ свободныхъ»,

¹⁾ Вѣдомость 1766 г. взята нами изъ Румянц. описи, которую мы пользовались въ Полтавской казен. пак. въ 1870—72 гг.

т. е. мѣщанъ, какъ ихъ начинаютъ называть и тогда уже. Въ гетманство Разумовскаго надъ этими мѣщанами поставленъ былъ особый «смотритель», которымъ былъ назначенъ в. тов. Петръ Назарскій. Когда въ Лубенскомъ полку стали производить генер. опись, то Назарскій донесъ въ Малорос. коллегію, что «при сочиненіи въ 1763 г. въ полку Лубенскомъ ревизіи, мѣщане Лубенскіе и посполитіе вѣдомства ратуши Лубенской (различія между тѣми и другими при этомъ не указывается) списаны въ козаки безъ всякаго о козачествѣ ихъ слѣдствія, а нѣкоторые въ ревизію и вовсе не написаны, при чёмъ многіе изъ нихъ полк. канцеляріей отъ всѣхъ общенародныхъ повинностей и государственныхъ податей увольнены». Вслѣдствіе этого донесенія коллегія поручила производившему въ Лубенскомъ полку генер. опись подполковнику Огареву—произвести слѣдствіе о неправильно вписанныхъ въ козаки мѣщанахъ. По слѣдствію оказалось, что большинство изъ показанныхъ въ вѣдомости Назарскаго—мѣщанами, было—люди «захожіе», происхожденія которыхъ изслѣдовать было нельзя; но такъ какъ многіе изъ этихъ сомнительныхъ мѣщанъ оказывались «ранговыми г. полковника рыбальками», «полковыми музыкантами», «полковыми цилюриками» и прочихъ *полковыхъ земянъ* людьми, то Огаревъ не рѣшился этихъ лицъ перечислять въ мѣщане и просилъ разрѣшенія коллегіи, представивъ о каждомъ изъ нихъ добытыя отъ старожиловъ свѣдѣнія. Такихъ сомнительныхъ лицъ Огаревъ показалъ—72. Но выѣхавъ съ тѣмъ Огаревъ—«присовокупилъ къ ратуши Лубенской несомнительныхъ»—68 чел. и оставилъ въ козачествѣ,—значить, тоже *несомнительныхъ*,—59. Распоряженіе по донесенію Назарскаго сдѣлано было уже послѣ составленія вѣдомости 1766 г.¹⁾.

При составленіи Румянцовской описи, полковой городъ описанъ такъ: «Городъ Лубны лежить на большой горѣ, обнесенъ вокругъ землянымъ валомъ, который во многихъ мѣстахъ осыпался; имѣть восемь воротъ; изъ числа тѣхъ воротъ Пирятинскіе и Бригадирскіе еще не обветшали, а прочія разсыпались. Валъ за бывшаго полковника Свѣчку подчинялся всѣмъ полкомъ; за Василія Савича—сотнями Лубенскими и Снѣтинскою; для подчинки желѣзо и проч. покупалось за арендованные и покуховные деньги, половина которыхъ шла тогда

¹⁾ Извѣдѣль Лубенск. полк. канцеляріи, хранящихся въ Кіевск. центр. архивѣ.

на ратушные расходы, а другая отсылалась въ войсковой скарбъ; да еще въ 1740 г. подчинялся валъ, тѣми же тремя сотнями¹⁾). Подчинялся Лубенскій валъ еще и въ 1769 г., такъ какъ въ апрѣлѣ этого года Луб. полковою к-ріей сдѣлано было распоряженіе о присыпкѣ въ Лубны изъ Первопиратинской сотни—142 пѣшихъ рабочихъ и 14-ти подводъ (совмѣстно изъ козаковъ и посполитыхъ)—«для подчинки обветшалого около полкового города Лубень валу въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ къ убѣжышу и охраненію народному отъ набѣговъ татарскихъ»²⁾... Это распоряженіе было сдѣлано, слѣдуетъ думать, не столько по дѣйствительнымъ опасеніямъ, сколько по стародавнему примѣру, когда всякия съ татарами, даже и на пограничьяхъ, стычки тревожно отывались и внутри Малороссіи.

При замѣнѣ полковаго управлениія въ Малороссіи губернскими учрежденіями, въ 1781 г., Лубны назначены были уѣзднымъ городомъ Киевскаго намѣстничества. При этомъ въ Лубнахъ показано слѣдующее населеніе: дворянъ и шляхетства—35, разночинцовъ—75, духовенства—11 и церковниковъ—13³⁾). Козак. 109 дв., 166 хатъ и особо бд. х.—11. Мѣщанъ—91 дв., 137 х. и бд. х.—18; кр. ранг. 4 дв., 7 х. и подс.—104 дв., 187 х. и бд. х. 128. Всего коз. и посп.—308 дв., 497 х. и 167 бд. х.

Полковыя сотни заключали въ себѣ ближайшія къ Лубнамъ села, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Сулы, при чемъ эти села расположены какъ по берегамъ послѣдней, такъ и по небольшимъ ея притокамъ, изъ которыхъ можно теперь назвать: Слопородъ, Булатецъ, Ольшанку и Марь, съ правой стороны, и съ лѣвой—Солоница... Въ составъ первой полковой сотни входили поселенія: Марь, Лука, Хитцы, Клепачи, Енковицы, Губское, Тарандинцы, Выши. Булатецъ,

¹⁾ Изъ Руманц. Описи. Въ это же время въ Лубнахъ еще хорошо сохранилась память и о замкѣ, т. е. о томъ мѣстѣ, где жилъ Вишневецкій. Въ окт. 1760 г. Луб. полк. к-рія доносила гетману, что Троицкой церкви дьячкомъ Шулячевскій объявлялъ, что данною ему изъ духовного Луб. протопопія правленіи инструкціей велѣво—«стакъ самій г. Лубны, яко и находящійся близъ онаго пустій замокъ, въ длину и ширину змѣрить». Бум. Киевск. ц. арх.

²⁾ Изъ дѣлъ Луб. полк. к-рія въ Киевск. центр. арх.

³⁾ Въ вѣдомости 1781 г. не объяснено что эти цифры обозначаютъ; — но вѣроятнѣе всего, что дворы. Вообще свѣдѣнія о населеніи 1782 г. внесенные въ вѣдомость безъ всякихъ поясненій, въ томъ лишь видѣ, какъ помѣщаются и здѣсь.

Новаки, Александровка, Шепелевка... Къ составу второй полковой сотни принадлежали: *Низж. Булатецъ, Кономовка, Чудновцы, Воронинцы, Черевки, Хорошки, Пулинцы, Пятигорцы, Вязовецъ, Терны* (и на лѣвомъ берегу—) *Пески, Засулье, Солоница, Шершневка, Ерковицы...* Такое распределеніе сель по сотнямъ существовало въ 1740 г. Позже были измѣненія, какъ уже говорено.

Полковые сотники. Якимъ Устименко, 1654. Савва Кирилловичъ, 1671, 1695. Паско (Павель Яковлевичъ) Цюпченко, 1672, 1675, 1677; въ сотники поставленъ изъ городовыхъ атамановъ, и затѣмъ, въ 1683 г., снова значится город. атаманомъ. Леско Гладкий, 1672, 1673. Романъ Радченко, 1676, 1681—684. Захарь Салогубъ, 1684—691. Андрей Яковлевичъ, 1687. Леонтий Скорикъ, 1688. Андрей Григорьевичъ Островный, 1688. Леонтий Герасименко, 1689. Василій Савичъ, 1698—701. Иванъ Прійма, 1699. Иванъ Карнєевичъ, 1700. Григорій Ивановичъ Шкарела, 1712. Григорій Федоровичъ Кудябка, 1715—731. Михайло Скаржинскій, 1737—750. Семенъ Прійма, 1740. Карпъ Зиачокъ, 1755—763. Михайль Михайловичъ Скаржинскій, 1765—773.

Села первой полковой сотни. С. Мгарь, рч. Мгарь. Константинъ Вишневецкій, разрѣшая построеніе Мгарского монастыря, указываетъ при этомъ и участокъ земли—между рѣчками Ольшанкою и Мгарью, на которомъ позволилъ монахамъ устроить «млинокъ»¹⁾. Затѣмъ, по акту 1624 г., одинъ изъ Лубенскихъ урядниковъ кн. Вишневецкаго «пустилъ въ поссесію» епископу о. Исаї *futor Mharski z poddannem*, со na tym gruncie siedzą, а по акту 1628 г., мѣщанинъ Деревянченко продалъ тому же Исаї Копинскому свой садъ на *sielie Mharu*²⁾. Отсюда видно, что вмѣстѣ съ «млинкомъ» возникъ и хуторъ, который, по его близости къ м-рю, взять былъ Копинскимъ у Вишневецкихъ въ аренду. Засимъ хуторъ этотъ обратился въ село, которое Еремія Вишневецкій подарилъ Мгарскому м-рю, какъ видно изъ слѣдующаго акта, писанного 17 февраля 1648 г.—«wiadomo czynie tym listem moim, iż ja, mając osobliwy respect na cercow monastara pod Lubniami Mharskiego, ktrym juž z łaski moiej nadalem do używania wioske moje Mhar, preto też ich od dawania z tey wioski sosowego y szopowego w potomne czasy czynie wolnemi»³⁾... Послѣ этого Мгарь оставалась исключительно принадлежащею Мгарскому м-рю, почему здѣсь

¹⁾ Кіевск. Ст., 1896 г., февр., 210.

²⁾ Акты Мгарск. м-ра, к. 60.

³⁾ Т. ж., к. 68.

козаковъ никогда и не было. А. Кз. нѣть. Кр. Мгарск. м-ря, 33 дв., 33 х., 33 с. Б. Кз. нѣть. Кр. Мгарск. м-ря, 52 дв., 89 х.

С. Луна, р. Сула. По универсалу Б. Хмельницкаго 29 июня 1656 г., отдана Мгарскому м-рю: «видечи убоаство братіи Мгарской, же по-ратунку нѣ откуль не мають, теды тіе дѣвъ селца *Луку* и *Хиць* подалисмо отцомъ Мгарскимъ, жеби до работизны былисте имъ помоч-ними, приказуемъ»... А. Кз. 7 дв., 9 х., 7 с. Кр. Мгар. м-ря 33 дв., 37 х., 39 с. Б. Кз. 10 дв., 16 х. Кр. Мгр. мр. 52 дв., 75 х.

С. Хитцы отданы въ 1656 г. Хмельницкимъ Мгарскому м-рю (см. выше). А. Кз. нѣть. Кр. Мг. мр. 44 дв., 61 х., 58 с. Б. Кз. 33 дв., 96 х. Кр. 74 дв., 138 х. Подс. 1 дв., 1 х., 7 бдв. х.

С. Клепачи, вмѣстѣ съ Новаками, отданы полковникомъ Савичемъ полков. писарю Григорію Федоровичу Кулябѣ, за которымъ утверждены универсаломъ Скоропадскаго 1713 г. А. Кз. 17 дв., 23 х., 23 с. Кр. дѣтей умерш. Григ. Кулябки, 4 дв., 4 х., 4 с. Поспол. подс. 1 дв., 1 х., 1 с. Б. Кз. 45 дв., 95 х. Подс.¹⁾ 12 дв., 18 х.

С. Енковцы, рч. Ольшанка, известны съ перв. пол. XVII в.; остались свободными до к. XVIII в. А. Кз. 32 дв., 38 х., 39 с. и коз. подс. 7 дв., 7 х., 7 с. Б. Кз. 67 дв., 118 х., 4 бдв. х.

С. Губское, рч. Ольшанка, известно съ перв. пол. XVII в. Осталось свободнымъ до 1752 г., когда отдано Разумовскимъ тогдашнему обозному Ивану Кулябѣ, вмѣстѣ съ В. Булатцемъ, Засульемъ и Березняками. А. Кз. 38 дв., 69 х., 73 с. и коз. подс. 10 дв., 10 х., 10 с. Б. Кз. 69 дв., 192 х., 5 бдв. х. Подс. 10 дв., 16 х.

С. Тарапинцы, ррч. Вязовица и Ламанка, известны съ перв. пол. XVII в. Еще въ 1699 г. владѣла здѣсь землями по наслѣдію отъ поляка Станислава Яблонскаго дочь его Анна, какъ видно изъ слѣд. акта: «Ганна Яблонсковна; послопу изъ Григоріемъ Старосвѣтомъ, жители Тарапинскіе; межи собою малжонкове, сознане продажи своихъ кгрунтовъ отцевскихъ небожника славной памяти *Станислава Яблонского*, чинила тими моячи слова: мой ласкавый пане уряде, таковое сознане предъ милостями вашими чиню, ижъ найдуючися я во второмъ малженствѣ, а живучи на *отцевскихъ кгрунтахъ*, на мене самую спалихъ (мнѣ одной доставшихся), якіе одно, найдуются въ с. Тарапинцахъ, такъ зъ лѣсовъ, садовъ, огородовъ, нивя, сѣно-

¹⁾ По вѣд. 1782 г. не указывается—чѣмъ подсобѣдки.

жатей и въ ставкомъ уселись, о которомъ усемъ кгрунтъ; якся въ собѣ положенемъ мѣсть, о чомъ свѣдомъ добрѣ Василій Федоровичъ Величко, зять нашъ, якій теди кгрунтъ не зъ якого примусу, але съ порадою Татяни Мусійчики Бурумской, дочки моей і сина еи Максима, продалисмо ему жъ Василію Величку, зятеви нашему, за таляровъ двадцать, кромъ толко паѣ (часты) дочки моей Майбородихи Березотукской, на которой части я теперь остаюсь... Тарандинскіе крестьяне оставаясь свободными, повидимому, перешли въ козачество и къ 1740 г. здѣсь остался всего одинъ крест. дворъ. А. Кз. 33 дв., 38 х., 39 с. Подс. коз. 7 дв., 7 х., 7 с. Кр. своб. 1 дв.; 1 х., 1 с. Б. Кз. 96 дв., 195 х., 2 бдв. х. Кр. корон. 1 дв.; 3 х. Подс. 5 дв., 7 х.

С. Высшій Булатецъ, рч. Булатецъ, именістенъ съ перв. пол. XVII в. Крестьяне оставались свободными до пол. XVIII в., подвергаясь только скupлѣ, которую производили Кулябки уже въ нач. XVIII в. Въ купчей 1718 г. значится: «жители обоихъ сс. Булатцовъ попродали п. Данилу (Федоровичу) Кулябкѣ, къ его грунту, яко ниже у кого за що куплено, реестровне опѣваетъ, напроль: Семенъ Замуленко—ниву продаль за полталара. Миронъ Худенко продаль ниву за золотій (20 к.). Марчиха, Кондратенкова невѣстка, продала ниву за полталера. Денисъ Мандриченко Заханювскую ниву замъналъ. Несторъ Бараненко тамъ же Заханювскую свою ниву попустилъ (т. е. даромъ отдалъ). Корній Кобилченко продаль ниву за полкопи (30 к.). Мусій и Евтухъ Сулименки, зъ маткою своею, ланъ свой продали за два талара» и т. д., и т. д. По этой одной купчей Кулябка покупаетъ болѣе десятка земельныхъ участковъ, повидимому, для округленія своихъ земель и платить и для тогдашняго времени очень недорого... Кулябки въ Лубенщинѣ были люди вообще вліятельные, а въ это время родной дядя покупщика, Петръ Кулябка, былъ еще и мѣстнымъ сотникомъ... Въ 1752 г. В. Б-цъ отданъ Разумовскимъ тогдашнему Луб. обозному Ивану Кулябкѣ, вмѣстѣ съ с. Губскимъ и друг. сс. А. Кз. 47 дв., 67 х., 69 сем. и подс. коз. 1 дв., 2 х., 2 с. Кр. своб. 4 дв., 4 х., 4 с. Подс. б. тов. Ив. Коропця, 5 дв., 6 х., 10 с. Изъ этихъ цифръ видно, что Кулябки скупали одни земли, такъ какъ за ними подсобѣковъ здѣсь не значится. Незначительное количество послѣднихъ образовалъ здѣсь малозамѣтный человѣкъ, а затѣмъ большинство крестьянъ, пользуясь свободою, повидимому, переписалось въ козаки... Б. Кз. 109 дв., 206 х., 5 бдв. х. Подс. 17 дв., 25 х., 4 бдв. х.

С. Новаки, рч. Ольшанка, поселены, повидимому, выходцами изъ северной части Киевск. губ., где есть (въ Радомысл. у.) два села—Новаки и Шершни, при чёмъ съ этими же самими названіями находятся два села и около Лубенъ (см. ниже—с. Шершневка). О Радомыслскомъ селѣ Новакахъ сохранилось преданіе, что оно когда то было разорено татарами, а о Шершнахъ,—что оно никогда было значительнымъ укрѣпленнымъ поселеніемъ¹⁾. Можно думать, что вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ часть населенія изъ этихъ двухъ сель перешла (разумѣется, въ перв. пол. XVII в.) на лѣвый берегъ и оселяясь около Лубновъ, назвали новыя поселенія родными именами. Вывѣтѣ съ Клепачами (см. выше), Новаки отданы Савичемъ Григорію Кулябкѣ, передавшему его своимъ дѣтямъ. А. №. 78 дв., 93 х., 93 с. и подс. коз. 1 дв., 1 х., 1 с. Кр. дѣтей бунч. тов. Григорія Кулябки, 21 дв., 23 х., 24 с. Б. №. 176 дв., 348 х., 1 бдв. х. Кр. вдомы подкомор. Кулябки, 37 дв., 57 х. Подс. 6 дв., 9 х., 11 бдв. х.

Въ пол. XVIII в. Новаки достались (конечно, при раздѣлѣ сыновей Григорія) Василію Кулябкѣ, бывшему тогда полковникомъ обознымъ. Пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, этотъ Кулябка, повидимому, позволялъ себѣ не мало своеюї по отношению не только къ своимъ «подданнымъ», но и относительно казаковъ, жившихъ около его маєтностей, при чёмъ случалось, что захватывали и чужія земли. По случаю одного такого захвата, сдѣланнаго К-кою въ 1762 г., произошелъ характерный случай протеста со стороны Новаковскихъ и соседнихъ селянъ. Въ маѣ этого года, казаки Новаковъ, Тарандинцевъ и В. Булатца разорили постройки Василія Кулябки, которые послѣдний началъ возводить на захваченной землѣ около с. Новаковъ. Уничтоженіе построекъ было сдѣлано съ предупрежденіемъ о томъ владѣльца, какъ доносить полковой Лубенской к-ріи потерпѣвшій: «на собственной моей землѣ, около с. Новаковъ, въ урочищѣ Пышнаго Колодца, началь строить я шинокъ и «уѣздной» (т. е. заѣзжай) дворъ и вмѣстроилъ уже двѣ хаты, а на другія постройки заготовилъ лѣсъ; въ это время, именно 26 мая, пришли ко мнѣ во дворъ два Тарандинскихъ казака Михайло Федоренко и Семенъ Костюченко и объявили мнѣ, что прислали ихъ сельские атаманы Тарандинскій да Вышшебулатецкій объявить мнѣ, что намѣрены они то мое строеніе

¹⁾ Поплавичъ. Сказанія о насел. мѣстн. Кіевск. губ.; 125, 126.

разорить, о чём заявляя въ Лубенскую полк. к-рю, прошу Тарандинскому и Вышебулатецкому громадамъ—запретить чинить мнѣ такой «гвалть». На другой день послѣ этого, тѣ же атаманы Тарандинский, Новаковскій и В. Булатецкій съ козаками отправились къ полковнику (Ив. Кулябкѣ) и заявили ему словесную свою жалобу на обознаго, какъ видно изъ донесенія полковника въ генер. к-рю: «прощедшихъ зеленыхъ святъ, во время ярмарки Лубенской, на самой св. Троицы день, мая 27 дня, приходили ко мнѣ, оные Новаковскій, Тарандинский и В. Булатецкій атаманы съ козаками въ немаломъ числѣ и словесную жалобу представляли мнѣ въ дому моемъ, яко обозный полковой Кулябка выстроилъ уѣздной домъ съ шинкомъ при уроціщѣ у Пышнаго Колодезя и изъ того де имъ слѣдоватиметь обида, и словесно просили у меня дозвolenія имъ — тотъ дворъ роскидать, но я имъ того чинить не дозволилъ, а велѣлъ имъ, по прошествіи святочныхъ дней, въ Петровъ посты, подать въ полковую канцелярію прошеніе на письмѣ; но они и предо мною самими оказуя противности, говорили мнѣ, что хотя всѣ «подъ плотомъ гдѣ ляжемъ», а то строеніе разоримъ...» Не получивъ отъ полковника разрѣщенія на «разореніе» шинка обознаго, тѣ же атаманы, «со всѣмъ товариствомъ», подали еще въ полковую канцелярію слѣд. жалобу: «сего 1762 г., мая среднихъ чиселъ, г. обозный полк. Василь Кулябка, невѣдомо почему, близъ Пышнаго Колодезя началъ шинокъ строить, съ чего намъ немалая обида и разореніе слѣдуетъ, ибо еще и не достроилъ, а уже началъ немалыя грабительства дѣлать, а именно: началъ брать деньги за пастьбу скота на занятомъ мѣстѣ, въ селѣ жъ Новакахъ «головные шляхи» позагороживалъ и на выпускѣ мірскомъ устроилъ клуню, и тамъ же близъ шинку леваду закопалъ, которымъ закопомъ немалую часть и «столового шляху» занялъ, а нашимъ полемъ шляхъ спрavitъ...» Описавъ захватъ, козаки просили «повелѣть— шинокъ роскидать, закопъ засыпать, клуню разбросать». Прошеніе это было подано 28 мая, а 30 мая все козачье населеніе трехъ названныхъ сель, подъ предводительствомъ «запрещеннаго попа» Бабича, напало на только что выстроенный обознымъ заѣзжій дворъ и разорило не только этотъ домъ, но и другія постройки, какъ описывается потерпѣвшій въ своей жалобѣ: «оные козаки сего мая 30-го дня, нашедъ на собственную мою землю въ уроціщѣ Пышнаго колодезя, устроенный на оной шинокъ съ заѣзжимъ дворомъ вовсе разорили, хаты

раскидали и совсѣмъ разметали, дерево частью порубили, а частью сожгли, вырытую мною, около левады, канаву,—зарыли и все въ ничто обратили.. И при этомъ разореніи еще и грозили, что если бы я при этомъ случился или кто изъ моей семьи, то несомнѣнно убили бы.. И не довольствуясь тѣмъ разореніемъ, въ тотъ же день, въ отлучку мою изъ Новаковъ, «гвалтовно» напали на жилой мой тамъ домъ и грозя заряженными пистолетами и разнымъ другимъ оружіемъ, съ великой «фуріей» кричали и брали меня «матерно», похваляясь меня убить, а домъ разорить и сжечь. Освѣдомившись же, что ни меня, ни домашнихъ моихъ нѣть дома, бросились на мою клуню, выстроенную мною на жалованной еще отцу моему землѣ, ее разорили, плетень около левады раскидали и порубили, а иосѣянную на той левадѣ разную огородину и баштанъ уничтожили...» Получивъ эту жалобу, полковникъ распорядился арестовать зачинщиковъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ наказавъ, посадилъ въ тюрьму. Наказанные пожаловались генер. к-ри, потребовавшей отъ полковника объясненія, которое тотъ и наложилъ, съ свойственною ему въ писаніи обстоятельностью. При этомъ полковникъ удостовѣрялъ, что нападеніе произведено было толпою, простиравшеюся до тысячи человѣкъ, «съ женами и дѣтьми», и что онъ арестовалъ атамановъ нападавшихъ трехъ сель и главныхъ зачинщиковъ, объясняя далѣе, что «таково оныхъ козаковъ озорничество не терпѣло медлѣнія, почему тіе козаки и задержаны были—иные при полковой канцеляріи подъ карауломъ, а иные при сотенныхъ Лубенскихъ к-ряхъ, а иные, первѣйшие изъ зачинщиковъ (приводцы) въ острогъ,—но безъ кандаловъ.... И понеже въ снятыхъ съ сихъ козаковъ допросахъ они сами не потаились тому своему смущенію и нападенію на строенія обознаго въ с. Новакахъ, при чемъ сознались, что разорили всѣйкий дворъ и клуню, почему полковой судъ не имѣя надобности въ дальнѣйшемъ слѣдствіи и постановилъ рѣшеніе по силѣ указовъ и Малороссійскаго права «и привелъ его въ исполненіе, такъ какъ апелляціи по такимъ дѣламъ не допускаются». При этомъ полковникъ даетъ еще и такое объясненіе относительно немедленного исполненія рѣшенія: «при этомъ я имѣлъ въ виду, что въ указѣ императора Петра Перваго, напечатанномъ 17 апрѣля 1722 г., значится, что всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирай масть къ масти, а буде кто тотъ указъ преступить, слѣдя правиламъ Гагариновымъ,

тотъ яко нарушитель правъ и противникъ власти, казненъ будеть смертью,—для того по оному рѣшенію, съ вѣдома и согласія моего, полковая старшина, наблюдая монашіе указы и права и свою присяжную должность, и исполненіе учинить опредѣлилъ, иначо бо и учинить не слѣдовало». Далѣе полковникъ пишетъ, что «смѣтившіеся» козаки были наказаны, какъ за свое преступленіе, такъ и въ примѣръ другимъ, въ виду послѣдовавшихъ и въ другихъ иѣстахъ подобныхъ «своевольствъ». При этомъ К-ка называетъ слѣд. случаи: 1) въ Чорнухахъ—козаки толпою напали на людей подскарбія генерального и прилючили имъ бои, гвалты и грабительства, въ явную противность указамъ и правамъ и 2) въ Оржицѣ—«такожъ собравшиесь въ многолюдствѣ, и на слободку вдовствующей сотниковой Иркліевской Требинской напавъ, знатныя грабительства прилючили и людей 11 семей гвалтовно забрали и гдѣ дѣвали—еще неизвѣстно...». Относительно жестокости наказанія, на которую указывали жалобщики, полковникъ объяснялъ, что «ни единаго изъ своевольниковъ кіями не наказывали, а только—ординарными плетьюми, какія тогда имѣлись у караульныхъ козаковъ при шабляхъ, и не барбарами, и ударовъ всего только по 60-ти дано здоровымъ, а старѣйшимъ—смотря по лѣтамъ: по 15-ти и по 10-ти». Мы не знаемъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ этого выдающагося эпизода въ истории отношений державцевъ къ селянамъ, но это обстоятельство не мѣшаетъ видѣть какъ въ этомъ эпизодѣ, такъ и въ двухъ другихъ, указываемыхъ К-кою—факты едвани возможные въ это время въ сѣверныхъ полкахъ... Повидимому, населеніе южной степной Малороссіи сокращало еще и въ пол. XVIII в. увѣренность въ возможности успѣшной самозащиты противъ *памятъ насилий...*¹⁾.

С. Ольшанка, рч. Ольшанка, возникла около водяныхъ мельницъ, устроенныхъ здѣсь разными лицами и затѣмъ скupленныхъ Мгарскими монахами. Много земельныхъ участковъ здѣсь и пожертвовано на м-рь; напр., по акту 1645 г., сыновья умершаго Лубенского войта Федора Луны, исполняя посмертную волю отца, отдали м-рю «островъ на рч. Ольшанкѣ, съ деревомъ садовымъ и дикимъ, вверху монастырскаго ставка». По универсалу Хмельницкаго 1656 г. утверждено за Мгарскимъ м-ремъ и все село, которое впрочемъ монахи считали и прежде своимъ. «Онаймуемъ... иже с. Ольшанка до м-ра Мгар-

¹⁾ Бумаги Кіевск. центр. арх. См. также Кіевск. Стар. 1891 г., февр., 312—314.

ского, яко есть належно, которого мы не отдавающи одь того мѣста святого, такъ атамановѣ, яко и всѣмъ обывателемъ въ томъ селѣ будучимъ расказуемъ и срокъ напоминаемъ, такъ въ вышшомъ яко и въ нижшомъ млинку, которое до того жъ м-ра здавна належать, никто найменшое кривди и перешкоды чинить абысь не вожился»... А. Кз. нѣть. Кр. Мгр. мон. 23 дв., 24 х., 24 с. Б. Мгр. м. 53 дв., 73 х., 3 бдв. х.

Д. Шепелевка, рч. Ольшанка, поселена въ к. XVII в., быть можетъ вдовою Лубенского войта Петра Шепеля (1689 г.), какъ видно изъ свидѣтельскаго показанія записаннаго въ к. XVII в., которое приводится вслѣдъ за симъ.

Д. Александровка, рч. Ольшанка. Судя по названію, поселеніе ея должно относиться къ к. XVI в., когда по имени Александра Винненецкаго названы были возобновленные Лубны — *Александровомъ* и село на рч. Слѣпородѣ — *Александровкою*. Ольшанская Александровка упоминается въ одномъ земельномъ слѣдствіи к. XVII в., по спору Мгарского м-ря съ сосѣдями, какъ поселеніе уже старинное: «Федоръ Знакъ, житель Александровской, отъ сорока лѣтъ тамъ живущий, посвѣдчаетъ, же Пирского ¹⁾ небоцика гдѣ Радченко ²⁾ вигналъ въ Александровки, (то) онъ, Пирский, займающи гребелку и лужокъ, занялъ (лужокъ) за Русиновича ³⁾), нижей гребелки, по самой Лубяному мостокъ, у которому лужку ни отъ кого, якъ самъ не узнавалъ переноны Пирский, такъ и Шепеля отъ ею купиши, спокойне владѣла; тилко разъ подъ часть уворваня (прорыва) гребелки Волшанской монастырской, нарубали були чернцѣ деревнѣ, и за тое хотѣла Шепеля до суду енералного удатися» ⁴⁾.... А. Кз. нѣть. Кр. Луб. полковн. Апостола, 11 дв., 11 х., 11 с. Б. Кр. рангов. Луб. полковника 18 дв., 25 х., 1 бдв. х. подс. 5 дв., 7 х. Отсюда видно, что Александровскіе крестьяне и въ 1740 г. находились у Апостола лишь въ ранговомъ пользованіи.

Кромѣ перечисленныхъ сель, по вѣдомости 1781 г. въ первомъ полк. сотнѣ показано 36 хуторовъ, название коихъ обозначается лишь именами хозяевъ. Въ нихъ: 13 дв., 24 х., 60 бдв. х.

¹⁾ Мож б. бывшаго полковника

²⁾ Конечно — Романъ Радченко, бывшій полков. сотникомъ въ 1679—684 гг.

³⁾ Макарій Русиновичъ, игум. Мгарскій, 1678—681 гг.

⁴⁾ Акты Мгарск. м-ря, № 391 об.

Села второй полковой сотни. Старейшия села этой сотни расположены были по рч. Слѣпороду, побережья которого изстари привлекли вниманіе польскихъ пановъ. Въ 1590 г. Варшавскимъ сеймомъ была утверждена часть Посулья, заключавшая въ себѣ «Горошинъ и Слѣпородъ», за «тремя особами» изъ которыхъ впослѣдствіи объявился одинъ Станиславъ Жолкѣвскій¹⁾). Въ то же время Вишневецкие получивъ право на все Посулье, захватили и побережья Слѣпорода, которые и начали заселять вмѣстѣ съ остальными здѣшними своими землями. По смерти Жолкѣвскаго, дочь его Софья (ж. Яна Даниловича, воеводы русскаго) вспомнила о пожалованномъ отцу Посульскомъ имѣніи и жаловалась Люблинскому трибуналу на Вишневецкихъ — «о посаженіе и осягненіе добре, грунтовъ и угодицъ, т. е. пустыни Городина и Слѣпорода, зо всими тихъ обойга урочищъ належностями и о посаженіе на тихъ грунтахъ и урочищахъ разныхъ мѣсть, мѣстечекъ, селъ, футоровъ...». При этомъ воеводина поясняла, что тѣ грунта — Горошинъ и Слѣпородъ — находятся — «на силяху татарскомъ, при самой границѣ татарской и при рубежу Мѣсновокомъ»²⁾... Это любопытное поясненіе указываетъ, что татары при набѣгахъ на лѣво-бережную Украину «переѣздали» Сулу гдѣ-то между Слѣпородомъ и Горошивокомъ, слѣдя при этомъ измѣненіемъ своимъ шлякомъ, оттого и получившимъ название татарское.

С. Низшій Булатецъ, рч. Булатецъ, поселенъ въ перв. пол. XVII в. По акту 1674 г., «п. Михайло Кулябка зъ с. Кононовки, продалъ луку зъ лѣсомъ, надъ Булатцемъ рѣчию, п. Ивану Кулябкѣ, за 10 копъ». По акту 1678 г., Семенъ Третякъ, житель Низшаго Булатца, продалъ дуброву п. Ивану Кулябкѣ за 10 копъ. А. Кн. 32 дв., 35 х., 46 с. Подс. Кулябокъ, Рвачевскаго и Савича — 12 дв., 12 х., 12 с. Кр. Показаны только подсобѣдки: мѣщен. Луб. Конст. Грека и «попа тамошнаго» Романа Кротенка — 2 дв., 2 х., 2 с. Тутъ же, около Н. Б-ца, показанъ «хуторъ» Лохвицк. сотника Ивана Огроно-вича («подсобѣдки на купленной его землѣ жючю»), 16 дв., 18 х., 18 с. Хуторъ этотъ долженъ быть тѣперешня д. Осовцы. Б. Кн. 59 дв., 89 х., 2 бдв. х. Кр. 3 дв., 5 х., 5 бдв. х. подс. 8 дв., 13 х., 9 бдв. х. Въ Осовцахъ особо: Кн. 9 дв., 19 х. Кр. 4 дв., 5 х. подс. 5 дв., 7 х.,

¹⁾ Volum. legg., над. 1859 г., II, 217.

²⁾ Киевск. Ц. Арх., книга гродск. житом., № 14, л. 686 об.

1 бдв. Въроатно, подсосѣдки изъ козаковъ обнаружили свое сословіе во время составленія Румянцовск описи.

С. Коненовка, ок. рч. Булатца, поселена въ перв. пол. XVII в.
А. Кз. 27 дв., 29 х., 29 с. подс. Петра Орѣховскаго, 1 дв., 1 х.,
1 с. Кр. своб. 1 дв., 1 х., 1 с. Б. Кз. 53 дв., 107 х. Подс. 19 дв.,
22 х., 11 бдв. х.

Д. Чудновцы, повидимому, выселокъ изъ Коненовки к. XVII в.
А. Кз. 17 дв., 20 х., 20 с. Подс. 1 дв., 2 х., 2 с. Кр. своб. 7 дв.,
7 х., 7 с. Б. Кз. 49 дв., 78 х. подс. 8 дв., 9 х., 2 бдв. х..

С. Веронинцы, рч. Слѣпородъ, поселеніе перв. пол. XVII в. Здѣсь
Мгарскіе монахи въ 1654 г. купили у «жительки Воронинской Хри-
стины Вороновны» «луки, лѣсь и поля», но затѣмъ, когда изъ этой
покупки сосѣди стали прихватывать частицы къ своимъ участкамъ,
то монахи просили продавицу—указать предъ урядомъ границы про-
данныхъ ею земель и Вороновна, въ 1678 г., предъ Лохвицкимъ
урядомъ, показала:—«якъ Богу душу мою ховаю, такъ предъ вами
соизношу: продаламъ до м-ра Мгарского въ отчинѣ моей, въ с. Во-
ронинцахъ, отцевскіе луки и поля и въ лузѣ лѣсь; лѣсу тому въ
лузѣ границя: отъ гори рѣчки (?) гатка, к которою уходилъ отецъ мой
съ княжини въ кролевскій городъ Яблуневъ»... На основаніи этого
акта можно предполагать, что отецъ Христины—Ворона былъ полякомъ
и потому долженъ быть бѣжать съ княжини (т. е. изъ владѣній
князя Вишневецкаго?) во время козацкаго въ 1648 г. возстанія....
Можетъ быть, что этотъ же Ворона былъ и основателемъ Воронинецъ.
А. Кз. 26 дв., 31 с., 31 дв. Подс. сотника Семена Пріймы и друг.—
9 дв., 15 х., 15 с. Кр. Показаны только подсосѣдки Мгарск. м-ря,
10 дв., 11 х., 11 с. Б. Кз. 53 дв., 107 х., 11 бдв. х. Кр. Мгарск. мон.
6 дв., 9 х., 4 бдв. х. Подс. 8 дв., 14 х., 11 бдв. х.

Д. Черевки, рч. Слѣпородъ, можетъ быть, козачій выселокъ изъ
Хорошковъ. А. Кз. 34 дв., 44 х., 44 с. Подс. Ив. II. Кулябки, Мих.
Скаржинскаго и друг.—6 дв., 6 х., 6 с. Б. Кз. 61 дв., 151 х., 18 бдв. х.
Подс. 4 дв., 6 х., 12 бдв. х.

С. Хорошки, рч. Слѣпородъ, посел. перв. пол. XVII в. По со-
сѣдству съ Слѣпородскимъ м-ремъ, Хорошковцы постоянно спорили
съ монахами за земельные захваты. Въ 1676 г. Мгарскій игуменъ
жаловался Лубенскому полковнику, что житель г. Хорошковъ Савка
Ганджуренко—чуть не на смерть избилъ эконома «Юсковскаго мо-

настырця» и что это нападение было следствием земельных споровъ, такъ какъ Хорошковцы постоянно грозили Юсковскимъ монахамъ. Позванные предъ полковой урядъ Хорошковцы, «прозбу свою чинили, абы до той звады, якаясталася отъ Ганджуренка ихъ не притягали, вирѣкаючи, же вѣчними часи не чинячи заводу о грунта, обѣщаютъ зъ о. Діонисіемъ, намѣстникомъ м-рца Юсковского и при немъ зостоююю братію, — ласково и лагодно оставати и жаднихъ перехвалокъ не чинити, каждый своего грунту пилпуючи, а до монастырскихъ грунтовъ интересоватися не имѣть»... Данное Хорошковцами обѣщаніе однакожъ скоро было нарушено, такъ какъ въ слѣдующемъ 1677 г. произведено было Хорошковцами новое «тиранское забойство» надъ экономомъ Слѣпородскаго м-ря. Случилось это, по рассказу Слѣпородскаго намѣстника, такимъ образомъ: былъ онъ, намѣстникъ, съ нѣкоторыми изъ братіи, на *канунъ* (см. стр. 80) въ с. Пулинцахъ; вечеромъ онъ, намѣстникъ, вернулся въ монастырь, а братія осталася въ Пулинцахъ; въ томъ числѣ остался и «брать Геласимъ», экономъ монастырской; возвращался «брать Геласимъ» въ м-ръ уже поздно ночью; въ это время на него сдѣлано было кѣмъ то нападеніе и онъ былъ «тиранско» избитъ. Заявляя объ этомъ Лубенскому «уряду», Слѣпородскій намѣстникъ добавилъ, что потерпѣвшій не знаетъ, кто его избилъ, но онъ, намѣстникъ, подозрѣваетъ въ этомъ насилии кого нибудь изъ Хорошковчанъ, которые тоже были въ Пулинцахъ на *канунъ* и съ которыми м-ръ имѣть «заводъ за луку и поля, которыя Хорошковчане гвалтомъ посѣдаютъ», почему Слѣпородскіе монахи «домниманіемъ (sic) доходятъ, ижъ тое забойство не одъ кого иншаго только одъ Хорошковчанъ ся стало». Выслушавъ это заявленіе, полковой «урядъ» распорядился призвать къ себѣ Хорошковчанъ, «которіе любо барзо прѣлися (запирались) отъ такового учинку злого, але еднакъ зъ межи нихъ забойца знайшолся Прокопъ Ганджуленко (Ганджуренко?), до которого забойства и самъ передъ нами признался, якъ билъ до смерти обухомъ въ голову эконома». Предупреждая подобное «своеволіе» на будущее время, «урядъ» «приказалъ было на горлѣ забойцу карати», но «велебные отцы» просили урядъ «даровать забойцу горлоить», вслѣдствіе чего даровавъ «забойцѣ» жизнь, урядъ приказалъ «въ два кіи дать ему добрую хлосту, а на селянъ всѣхъ вину войсковую положити и абыся вѣчними часы селяне Хорошковчане гвалтомъ и уси-

ловне въ тіє добра монастырські жадною м'єрою не втручали, своїхъ-
только грунтовъ заливаючи¹⁾...

Хорошки были отданы полковникомъ (Свѣчко?) Андрею Яковлеву, бывшему полковому сотнику, и затѣмъ въ 1689 г. утверждены за нимъ универсаломъ Мазепы 1689 г., при чемъ отданы были ему и Лубенскіе «подварки» Плютинцы. По смерти Яковлева имѣніе его досталось пасынку Савичу, передавшему ихъ своимъ сыновьямъ, (см. стр. 54), а послѣдніе продали Хорошки придворному бандуристу Григорію Любистоку, владѣвшему ими до своей смерти. Послѣ смерти Любистка Хорошки вмѣстѣ съ Пулинцами и Плютинцами (предм. Лубновъ) были проданы (вѣроятно, наследниками Любостока), дѣйств. ст. сов. Марку Федоровичу Полторацкому²⁾. А. Кз. 31 дв., 40 х., 40 с. Подс. Кулябокъ и друг. 6 дв., 6 х., 6 с. Кр. б. т. Петра Савича, 14 дв., 14 х., 14 с. Б. Кз. 41 дв., 83 х., 3 бдв. х. Кр. ст. сов. Полторацкаго, 34 дв., 56 х., 7 бдв. х. Подс. 5 дв., 6 х., 2 бдв. х.

С. Пулинцы, рч. Слѣпгородъ, известны съ перв. пол. XVII в., когда тогдашнимъ ихъ владѣльцемъ Еремієй Вишневецкимъ были заложены вдовѣ запорожскаго гетмана Ивана Сулимы³⁾; вмѣстѣ съ Хорошками достались Савичамъ, проданы ими Любистоку, а затѣмъ перешли къ Полторацкимъ (см. Хорошки). А. Ка. 15 дв., 21 х., 21 с. Подс. Ко-синскихъ, 3 дв., 3 х., 3 с. Кр. б. т. Петра Савича, 8 дв., 8 х., 8 с. Б. Кз. 5 дв., 9 х. Кр. Мгр. мон. 76 дв., 119 х., 1 бдв. х. Подс. 1 бдв. х.

С. Пятигорцы, рч. Слѣпгородъ, поселены въ перв. пол. XVII в. Изблизости къ Слѣпгородскому м-рю, Мгарскіе монахи скучали здѣсь земли. Такъ, по акту 1671 г., «славетная Христина Хвесиха Майстренковая, а по первому мужу Пятигорченкоая, лосиполу изъ сыномъ своимъ рожонимъ Никитиною Пятигорченкою, обиватели Пятигорскіе, греблю свою власную на рѣчцѣ Слѣпгородѣ, межи Юсковыми и Пятигорцами лежачую, продали... мѣстцу святои м-рю Мгарскому.... за вигоду и добродѣйство намъ подъ часъ дорожнети освѣдчоное, забожамъ рознимъ бралисмо, а теперъ тую греблю продавши мѣстцу святыму, взялисмо овецъ двоє старихъ по пятидол-

¹⁾ Акты Мгарск. мон., лл. 139—140.

²⁾ Бывший придворный пѣвчій, родомъ изъ г. Сосницы, (р. 1727 † 1793). См. Русск. Родосл. книга, II, 148.

³⁾ Сулим. Арх., 20.

тыхъ, а третю ярку—въ таляру, що тоей всей сумми зраховалисмо золотыхъ шестдесять»¹⁾... Упоминаемый здѣсь Пятигорченко быль, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ наследниковъ Пятигорцовъ... По акту 1700 г., житель с. Пятигорецъ Яскю Стасенко «грунтъ свой зъ лѣсомъ, нивемъ и сѣножатю», купленный у іеромонаха Діонисія Стріевскаго, намѣстника Слѣпгородскаго, за золот. 60, продалъ Мгарск. ит-ну и его братіи за золот. 500, изъ которыхъ взялъ готовыми деньгами 110 золот., а 390 зол. «за упісъ въ синодикъ або поминникъ монастирскій, такъ мене самого, яко и кревныхъ моихъ, аби за насть Господа Бога молитвовали»²⁾... А. Кз. 9 дв., 15 х., 15 с. Подс. зн. т. Ром. Калницкаго и коз. 8 дв., 8 х., 8 с. Кр. Своб. 1 дв.; 3 х., 3 с. Б. Кз. 33 дв., 55 х., 1 бдв. х. Кр. 2 дв., 4 х. Подс. 5 дв., 9 х., 10 бдв. х.

С. Вязовокъ (Вязовецъ); долина р. Сулы, селился въ перв. пол. XVII в. и уже къ полсв. этого вѣка быль настолько населеннымъ пунктомъ, что быль центромъ особой Вязовецкой сотни: актъ 1854 г. упоминаетъ «Дмитра Кулябчена, сотника Вязовецкого». Б. Хмельницкимъ отданъ Мгарскому м-рю, какъ видно изъ универсала Юрія Хмельницкаго 1659 г.—«яко небожчикъ панъ отецъ нашъ.... пустиль села на обитѣль Мгарскую—є. Олшанку зъ вишими и нижнимъ млинкомъ, село Вязовокъ зъ принадлежностями своими» и т. д. Владѣя крестьянами этого села, монахи скучали здѣсь «Грунта», какъ видно изъ купчихъ, при чемъ въ послѣднихъ званіе продавцовъ не обозначается («обыватель Вязовецкій»), изъ чего можно предположить, что таковыми были Вязовецкие крестьяне, такъ какъ козаки обыкновенно званіе свое указывали. А. Кз. 41 дв., 44 х., 44 с. Подс. Петра Кулябки и друг. 6 дв., 6 х., 6 с. Кр. Мгарск. м. 61 дв., 66 х., 66 с. Б. Кз. 53 дв., 90 х., 1 бдв. х. Кр. Мгр. мон. 58 дв., 91 х., 1 бдв. х. Подс. 13 дв., 13 х., 5 бдв. х.

Д. Терны, рч. Булатецъ (?), поселены Мгарскими монахами на землѣ бывшихъ Дубенскихъ бернардиновъ, отданной м-рю Б. Хмельницкимъ. По акту 1660 г., козаки братья Науменки, продавая Мгарскому м-рю рыбную ловлю «въ озерахъ бернадинскихъ», пишутъ: «купилисмо били въ грунтахъ бернадинскихъ, на вроцииши прозывае-

¹⁾ Акты Мгарск. м-ря, я. 187 об.

²⁾ Т. ж., я. 143.

мыхъ Тернахъ, изовь два увъ озерахъ бернадинскихъ, которыхъ то изовь уживалисмо по збурению кляштора Лубенского отъ лѣтъ вилка, яко славной памяти небезчикъ п. гетманъ В. З. Б. Хмельницкій тѣ всѣ грунта кляшторніе на вроцищахъ, прозываемыи Тернахъ, що предъ тимъ уживали бернадини кляштора Лубенского; т.е. пола до паханя хлѣба, сѣножатей, огородовъ, лѣсовъ, озеръ и випусти до наши коней и бидла, тоє все надалъ велебнимъ отцамъ м-ра Мгарскаго... Объ отдачѣ м-рю бернадинскихъ земель Б. Хмельницкимъ сохранилось два университета: 1) 5 марта 1657 г.—«ознаймуемъ... даемъ моць симъ писаніемъ нашимъ до уживання сеножатей тихъ, которые передъ тимъ бернадини Лубенскіе держали, о. игуменовъ и всей братіи м-ра Мгарского, посполу даючи въ моць и послушенство тихъ людей, которые на тихъ сеножатехъ поселилися»... 2) 21 іюля 1657 г.—«ознаймуемъ, ижъ якосмо зразъ (заразъ?) надали всѣ луки бернадинскіе на м-ръ Мгарскій, такъ и теперъ въ томъ жадно не чиячи отмѣны конфѣриуемъ, кождому сурово приказующи, абы жаденъ въ Лубенцовъ и окличныхъ, поблизу мешкающихъ людей, до тихъ лукъ бернадинскихъ отъ насъ на м-ръ Мгарскій наданнихъ, такъ же и до того лѣса, который за вѣдомостю нашего того жъ м-ра отцеве и братія заняли, такъ теперъ, яко и напотомъ втручатися не важиль и жадное въ тихъ лукахъ, въ ономъ лѣсѣ, такъ же и въ перевозѣ на Лисой горѣ найдуючомся, шоди не чиниль»... Загимъ монахи бернадинскіи земли увеличивали по-купкою сосѣднихъ земель, напр., по акту 1659 г., «Василь Кравецъ Романенко» продалъ м-рю «грунтъ свой власній отцевскій, лежачий въ Тернахъ, на Вулатци, прозиваемий Щербаковскій» и проч. А. Кањевъ. №р. Мгр. мон., 13 дв.; 13 х., 13 с. Б. №р. Мг. мон. 25 дв.; 30 х.

Поселенія лъсюю берега Сулы.

С. Пески, ок. р. Сулы, поселены въ перв. пол. XVII в.; по универсалу 1677 г. Самойловичемъ отданы Мгарскому м-рю, съ позволеніемъ—«такъ зъ людей тяглихъ тамошихъ повинности, яко и зъ всѣхъ до него належныхъ кгрунтовъ звичайніе на свое имъ вспарте отбирати пожитки». Извъ сохранившихся купчихъ, по которымъ прѣобрѣталъ м-рю здѣсь земли въ нач. втор. полов. XVII в., отмѣчаемъ слѣдующія: 1) 1660 г., по которой «обыватель Пѣсковскій» Федоръ Толоченко, передавая м-рю «всѣ свои грунта власніе дѣдизніе и отцев-

скіе», пишеть: «оставши при боку отца Загоровского, игум. Мгарского, умислилъ себѣ послужити Войску Запорозкому на Запорожю; а не маючи чимъ бы ся могъ заратовати на борошно, яко и на іншіе потребы козацкіе, просилемъ его млти о. Загоровского, жебы мене въ потребѣ моей порятовалъ. Теди онъ.... вигодиль, давши менъ напередь, коня въ шерсти вороного зъ кулбакою, возомъ, хомутомъ и борошномъ всякимъ, въ 150 золотихъ, казанъ курънний въ 8-ми копахъ, мушкетъ зъ рогомъ и шаблею въ 10-ти копахъ, сукенъ пара фалендишевыхъ—талярей 20, кожухъ въ 8-ми золот., кобенякъ въ 2-хъ талярехъ, пара шапокъ, една соболцевая, въ 2-хъ талярехъ, а другая—зайковая, въ 2-хъ золотыхъ, портки фалендишевые зол. 8, ботовъ паръ двѣ—4 золот. и грошай готовихъ на дорогу 20 таляр., што все чинить на золот. триста и тридцать...» За эту движимость Толоченко отдалъ м-рю все свое недвижимое имѣніе въ Пескахъ, составлявшее особый «кутъ, прозвываемый Толочковскій»¹⁾. 2) 1675 г., въ которой читаемъ: «я Харко Мамотенко, атаманъ Іїсковскій, и при мнѣ будучое товариство Андрій Родъ, Лазарь Чорний, Василь Куликъ, Илко Манадиченко, яко же зъособна и всѣ притомъ будучие старшіе и меншіе козаки, вѣдомо чинимъ симъ нашимъ доброволнимъ записомъ... ижъ згодне и добростайне порадившия себѣ, продалисмо островъ, лежачій промежду нашими сїнокосами... о. Макарію Русьновичеву, игум. м-ра Мгарского... за полшести копи литовской личби, никому не ценный, але здавна намъ, товариству войсковому, еще отъ памства наданий, а то ученилисмо умислне для того, жеби могли свой курънний казанъ купивши мѣти, яко сихъ часовъ того конечное войско по нась потребуетъ...» А. Кз. 6 дв., 6 х., 6 с. Кр. Мгар. мон. 28 дв., 28 х., 28 с. Б. Кз. 5 дв.; 9 х. Кр. Мгар. мон. 76 дв., 119 х., 1 бдв. х. Пдс. 1 бдв. х.

С. Засулье, рч. Солоница, выселокъ Лубенскій втор. пол. XVII в. Крестьяне оставались свободными до 1752 г., когда Засулье, вмѣстѣ съ Губскимъ и друг. селами, отдано было Разумовскимъ обозному Ивану Кулябкѣ А. Кз. 30 дв., 32 х., 32 с. Пдс. Корнѣевича, Прійми и разн. козаковъ—33 дв., 42 х., 42 с. Кр. своб. 4 дв., 4 х., 4 с. Цдс. Орѣховскаго и друг. 10 дв., 10 х., 10 с. Б. Кз. 65 дв., 137 х., 21 бдв. х. Кр. «коронныхъ» 17 дв., 38 х., 1 бдв. х. Мгар. мон. и

¹⁾ Въ числѣ свидѣтелей подписался между прочимъ «п. Стефанъ Красный Башта».

Кулябокъ, Андрея и Семена, 23 дв., 23 х., 4 бдв. х. Пдс. 33 дв., 54 х., 8 бдв. х.

Д. Солоница, рч. Солоница, указывает на урочище, известное по сражению Наливайка съ поляками. Настоящая С-ца образовалась изъ хуторовъ, которые Лубенцы устраивали себѣ «при рѣчкѣ Солоницѣ». Въ 1752 г., когда отдано было обозному Ивану Кулябкѣ с. Засулье, то онъ тѣмъ не довольствуясь, какъ жаловались Лубенцы гетману, присоединилъ къ Засульскимъ землямъ «исконы принадлежащія Лубенамъ толоки при рѣкѣ называемой Солоницѣ, отъ г. Лубенъ и с. Засулья verstахъ въ 10, и *изъ поселенныхъ тамъ хуториахъ* началь чинить разореніе...» А тѣ толоки и принадлежащія къ нимъ дальниѣ *Лубенскіе пологи*, говорится далѣе въ жалобѣ, служать единственнымъ мѣстомъ для пастьбы скота и лошадей Лубенскихъ обывателей и для заготовленія тамъ сѣна...» По спору Лубенцевъ Кулябка началъ противъ нихъ въ судѣ дѣло, но чувствуя свою неправоту, затягивалъ процессъ, «ежечастно, предъ старшиною полковою Лубенскою и другими персонами, выхваляясь, что по письмамъ къ нему отъ преосвящ. Петербургскаго Сильвестра, родного его брата, и сыновъ его же, можетъ получить отъ гетмана что ни пожелаетъ», а потому надѣется получить какъ общую Лубенскую толоку, такъ и называемыя дальниѣ *Лубенскіе жъ пологи*... А тѣ пологи исконы во владѣніи Лубенскихъ казаковъ находились, «еще по отбитіи Малой Россіи съ подъ депенденціи полской». Кулябка возражалъ, что спорные *пологи* къ г. Лубенамъ никогда не принадлежали, а спорная толока « положеніе имѣть надъ рѣчк. Солоницею, которая посрединѣ самого села Засулья теченіе свое имѣть и въ единственномъ владѣніи была Засулцовъ, которыхъ бывшій полковникъ Лубенскій Зеленскій зогнавши, тогдашнею властію своею полковничью, устроилъ себѣ хуторъ и владѣль онимъ, не допуская Засулцовъ до слушаю своего, поколь быль полковникомъ; когда же оного не стало, то паки оные жъ Засулцѣ на той толокѣ отнятой начали пахать и сѣно косить, а старшина городовая, въ которой командѣ оное село, яко свободное, властію своею, первѣе, начали лошадей на пастьбу пускать, *a потомъ единъ на другого смотря, хуторицп занимать...*¹⁾». Этотъ споръ, кончившійся вѣроятно въ пользу Кулябки, указываетъ, что хутора по Солоницѣ начали се-

¹⁾ Извѣ бумагъ Киевск. Ц. Арх.

литься съ нач. XVIII в., но слились въ одно поселеніе гораздо позже, такъ какъ и по вѣдомости 1782 г. значатся только Солоникие хутора. (См. ниже, Хутора).

С. Шершневка, р. Сула, по одноименности съ селомъ Кіевскаго полѣсья можно предполагать о поселеніи Лубенской Ш-ки выходцами изъ Радомыльскихъ Шершней (см. Новаки). Мазепою отдана зятью Апостола Петру Кулябкѣ, за которымъ утверждена царскою грамотою въ 1736 г. По купчей 1754 г., Ив. И. Кулябка продалъ доставшуюся ему отъ отца Ш-ку брату своему Василію за 1500 р.—«по необходимости къ заплатѣ занятыхъ по векселямъ сыномъ Петромъ, чьи иностранныхъ коллегіяхъ обрѣтаючися, доброю своею волею и по письменнымъ того сына единого требованіямъ». Но и продав Ш-ку, Ив. К-ка обижалъ здѣшнихъ козаковъ, отнимая у нихъ земли. При составленіи генер. описи Малороссіи въ 1766 г., козаки Ш-ки между прочимъ показывали, что имѣли они при своемъ селѣ пахатной земли, издревле козачей, а именно Фесенко на 6 дн., Макаренко на 3 дн., Морозенко на 6 дн., Зинченко на 12 дн. и т. д., которыми полемъ владѣли они чрезъ многіе годы спокойно, которое поле и въ нынѣшнюю генер. опись за собою показали, но полковникъ Лубенский Ив. К-ка, усиливаясь всѣмъ тѣмъ клиномъ, гдѣ ихъ поле, завладѣть; первое, онъ вокругъ самовольно заоралъ, а потомъ чрезъ посланныхъ своихъ—владѣть тѣмъ полемъ имъ, козакамъ, запреѣтъ; сверхъ того, съ нихъ—у Макаренка и Морозенка, въ прошломъ 1764 г., по парѣ вселены заграбили за то, что въ томъ году они свою землю выгорали и засѣяли, и держалъ два дня, пока они, по приказу его, какой то ему, полковнику, подписки не дали; и хотя оные всѣ козаки и нынѣ тѣмъ полемъ владѣютъ, однако по чинимому отъ него, полковника, запрещенію, въ немалой опасности состоять...»¹⁾. А. №. 49 дв., 54 х., 54 с. Пдс. Фед. Кулябки и др. 3 дв., 3 х., 3 с. Кр. б. т. И. П. Кулябки 16 дв., 16 х., 16 с. Б. №. 120 дв., 206 х., 2 бдв. х. Кр. (Кулябокъ?) 19 дв., 25 х., 2 бдв. х. Пдс. 1 дв., 2 х., 1 бдв. х.

С. Ерковцы, р. Сула, поселены въ перв. пол. XVII в. До нач. XVIII в. были свободны; затѣмъ, отданы полковникомъ Марковичемъ б. т. Григорію Кориїевичу, за которымъ утверждены Разумовскими въ 1752 г.—«объявляемъ, абшиит. б. т. Григорій К-чъ представлять:

¹⁾ Руманц. Опись.

имѣть де онъ во владѣніи своеемъ въ полку Луб. с. Ерковцы и д. Леляки, наданніе ему за вѣрнѣе его службы въ 1717 и 1723 гг. отъ бывшаго полковника Луб. Марковича, гетманскаго же универсала за его частими въ военныя походы отличками получить онъ не могъ... И хотя та полковникомъ Луб. Марковичемъ ему, Корнѣевичу, с. Ерковецъ и д. Леляковъ надача есть несилна, же Малороссийскихъ полковъ полковникамъ надачи маєтностей чинить никакими указами, ниже по Малороссийскимъ правамъ, не дозволено, но понеже небезизвѣстно намъ, что онъ, К-чъ, за бытіе его еще сотникомъ Пирятинскаго во всѣ военныя времена служильъ вслѣдствіе чего гетманъ и далъ ему с. Ерковцы и д. Леляки и особо с. Кейбаловку, указавъ что по ревизіи 1751 г. значится въ Ерковцахъ—4 дв., въ Лелякахъ—12 дв. и 3 бд. х. и въ Кейбаловкѣ—3 дв. и 1 бд. х. А. №з. 22 дв., 24 х., 24 с. Пдс. Григ. Кулябки 10 дв., 10 х., 10 с. Кр. сотн. Пир. Григ. Корнѣевича 16 дв., 17 х., 17 с. Б. №з. 38 дв., 73 х., 73 бд. х. Кр. (Корнѣевичей) 3 дв., 5 х., 16 бд. х. Пдс. 9 бд. х. Трудно объяснить какимъ образомъ количество здѣшнихъ крестьянъ съ 1740 г. до 1752 г. умалилось съ 16 дворовъ на 4, какъ сказано въ универсалѣ Разумовскаго.

Кромѣ перечисленныхъ сель, во второй полк. сотнѣ по ревизіи 1740 г. показана еще д. Заудай, въ которой показано подсос. Мгарск. №. 11 дв., 11 х., 11 с. Деревня эта, не найденная нами на карте, по вѣдомости 1782 г. не значится. Но по сей послѣдней вѣдомости—значится припадлежащею ко 2-й полк. сотнѣ с. Святопокровская Боячка, принадлежащая надв. сов. Алексѣеву; въ ней показано Кр. 78 дв., 82 х. и 31 бд. х.

Хутора второй полковой сотни. Въ перв. полк. сотнѣ хуторовъ по ревизіи 1740 г. вовсе не значится, кромѣ Осовцовъ. Во второй же сотнѣ ихъ значится 41, съ указаніемъ хозяевъ и урошицъ. Урошица показаны слѣд.: *Мятляшовка, Бочки, Солоница, Хорольские Колодязи, за-Сльпородомъ, на рч. Иржавицѣ, Вовчие Могилы, на Бояциль, Сухой Вязовецъ и Сырой Вязовецъ.* Повидимому, первыя четыре урошица находятся на лѣвомъ берегу Сулы, а послѣднія—на правомъ. Болѣе всего хуторовъ было на Солоницѣ и почти исключительно—рядовыхъ Лубенскихъ козаковъ. По вѣдомости 1782 г. въ 2-й сотнѣ значится хуторовъ—96, а въ нихъ 58 дв., 82 х. и 430 бд. х. Названія х. х. не указаны, а означены только ихъ хозяева.

Лукомская сотня занимала побережья Сулы от рч. Слѣпорода до устья рч. Оржицы. Первоначально Лукомская сотня включала въ себѣ побережья Сулы тянущіяся и далѣе на югъ до Буромки, пока въ 30-хъ гг. XVIII в. не была выдѣлена изъ нея сотня Горошинская.— Изъ Лукомскихъ сотниковъ XVII в. известны: Семенъ Проскуренко (1667—68), Алексѣй Михайловичъ Бутенко (1672), Андрей Яковлевъ (1686) и Михайло Постомскій (1699). Изъ нихъ только одинъ Яковлевъ выдѣляется тѣмъ, что впослѣдствіи сталъ полковымъ судью и приобрѣлъ значительная маєтности (см. с. Хорошки на Слѣпородѣ). Изъ сотниковъ XVIII в. известны: Василій Матвѣевичъ Пиковецъ (1709—718), Мартынъ Кодинецъ (1727—728), братья Иванъ и Степанъ Васильевичи Пиковцы (1732—758), Михайло Яковлевичъ Орѣховскій (1763), Иванъ Малкевскій (1771—777) и Антонъ Кодинецъ (1781). Изъ нихъ наиболѣе слѣдовъ въ мѣстной исторіи оставили Пиковцы. Василій П-цъ былъ сынъ богатаго Лубенскаго козака Матяша II-ца и служилъ сначала полковымъ писаремъ въ «комонномъ» полку Ивана Рубана; въ это время онъ уже посыпалъ въ Гданскѣ (Данцигѣ) воловъ на продажу. Затѣмъ, конечно, разбогатѣвъ, сталъ въ Лукомлѣ сотникомъ. Во время сотничества, П-цъ устроилъ нѣсколько хуторовъ и посадилъ слободы Матвѣевку (Чигр.-Дубр. сотни) и Музолѣевку. Умеръ П-цъ ок. 1718 г., оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Степаномъ. Ставъ распорядительницю значительныхъ маєтностей, вдова П-ца скоро вышла замужъ за серба Славуя Требинскаго, пришедшаго въ Малороссію вмѣстѣ съ другими сербами искать счастья и богатства. Жениясь на вдовѣ П-ца, Требинскій видимо разсчитывалъ стать современемъ, въ виду малолѣтства пасынковъ, полнымъ собственникомъ ихъ наслѣдства. Съ этою цѣлью Требинскій выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, которымъ всѣ имѣнія Василія П-ца утверждены были «Славуя Требинскому съ женою его и оставшимися умершаго Пѣковца дѣтми». Но расчеты Славца не удались. Старшій пасынокъ Иванъ, женившись на дочери богатаго Конотопскаго сотника Лизогуба, обратился въ 1731 г. къ Апостолу съ ходатайствомъ объ отобраниі отцовскаго наслѣдства отъ вотчина на томъ основаніи, что онъ, Иванъ П-цъ, «воспріялъ станъ малженскій, а меньшій братъ Стефанъ обучается въ школахъ латинскихъ въ Киевѣ и пришли они до возрасту», а жить имъ—нечѣмъ. Просьба Пиковцовъ была удовлетворена и всѣ отцовскія имѣнія были имъ возвращены. Вслѣдъ затѣмъ старшій Пиковецъ получилъ и сотничій урядъ въ Лу-

комлѣ и занималъ его около десяти лѣтъ. За это время онъ получилъ с. Ляцковку, произвелъ значительную скupлю въ Мойсевкѣ и Александровкѣ (на Слѣпгородѣ) и поселилъ нѣсколько слободь, изъ которыхъ значительнейшею была Ивановка. Затѣмъ Ив. П-цъ получилъ болѣе важный урядъ — писарства въ генер. судѣ и умеръ въ 1751 г.¹⁾. Послѣ Ив. П-ца Лукомское сотничество отдано было его

¹⁾ Приводимъ здѣсь часть духовнаго завѣщанія Ив. П-ца, съ перечисленіемъ его богатства.—«1750 года, декабря 20 дн. Понеже по волѣ вседѣйствующаго Бога пришло миѣ время въ нынѣшней моей болѣзни къ смерти, того ради пожелалъ я въ оставшомъ по миѣ имѣніи учинить, между женою мою Еленою Андреевою дочерю Лизогубовною и дочерю мою малолѣтнюю Мареою, расположение слѣдующее: по смерти тестя моего б. т. Андрея Лизогуба и тещи моей Параскевы Михаилевской, по раздѣлу съ прочими налагами моими и съ другими наслѣдниками, прилагъ я наследственную часть на жену мою въ деньги — червонныхъ золотыхъ 2600, таларей битыхъ 1000, да рублей 2500, и того, исчисляя червонецъ по два рубля и по 20 копѣекъ, а таларь битій по рублю и пять копѣекъ, (какъ онѣ промѣнованы), виходить всѣхъ денегъ 9770 рублей; и яко таковіе денги не при выдачи женѣ мої за мене давани, но уже по смерти тестя и тещи, по раздѣлу миѣ достались, такъ и вѣновному реестру быть уже не довелось. Онѣ же денги на покупку разныхъ грунтовъ и домашніе нужди издержанніи; для того я найпервѣ, удоволяя жену мою за ея денги, записую ей и утверждаю отческую свою маestность село Мозлюкову, со всѣми принадлежащими къ нему угодіи и съ купленными мною грунтами около оного же села состоящими, да на греблѣ Войнскѣй, на р. Сулѣ, коло одно мучное, во вѣчное владѣніе; а ежелибы братъ мой или дочерь, или кто другій въ родственниковъ моихъ, покотѣль жену мою за оное село турбовать, то долженъ положить ей вишеписаніе денги 9770 рублей. А дочерѣ моей Марѣ записую во вѣчное ей и наслѣдниковъ ея владѣніе село Ивановку въ хуторѣ Криворудскѣмъ и со всѣми угодіи, какъ мое владѣніе было, деревню Леляки, въ полку Переяславскомъ состоящую, со всѣми угодіи, моловину въ грунтовъ Лубенскіхъ и Калайденскіхъ, сколько по раздѣлу въ братомъ моимъ достанется; луки Ляцковскія, которое по раздѣлу въ братомъ моимъ миѣ достались и которыми я владѣль; да на греблѣ Войнскѣй, на р. Сулѣ, похтета кола. Что же принадлежитъ до купленныхъ мною грунтовъ, то съ онихъ опредѣляю дочерѣ моей всѣ въ сотнѣ Лукомской и около и. Пукомля состоящіе грунта, мельницы, лѣси, пахатніе и сѣнокосніе и прочіе и всѣхъ подсусѣдковъ; а особливо за селомъ Мойсевскою хуторъ Бурбинскій въ слободкою и сѣнокосы у Великихъ Ловъ, со всѣми принадлежащими угодіи; да въ сотнѣ Глуховской, на греблѣ Каменской, на речи Сейму, шесть колъ млива, купленіе мною у Стомковъ, и тамошніе грунта; въ онихъ же Стомковъ купленіе, съ подсусѣдками; въ хуторѣ Рубановскомъ части купленіе у б. т. Федора Ширая и у своячина моей Тетиани Войниковой, а по первому мужу Журавковой; а осталніе всѣ грунта, ако то: двори и комори въ г. Глуховѣ, мельницу Еманскую съ принадлежащими къ ней угодіи и прочіе всякие грунта и угодія въ сотнѣ Глуховской состоящіе, также коло одно млива на греблѣ Каменской въ кѣтцѣ, сполнной съ п. Марковичемъ, а другую кола часть, которая на мене надлежала, кромѣ тѣхъ колъ, которое наследственно на оную жену мою принадлежать, а именно: шесть;

младшему брату Степану, женатому на младшей дочери Якова Марковича Пелагеи¹⁾. Иван П-цъ пробылъ на Лукомскомъ сотничествѣ около 15-ти лѣтъ и продолжалъ скупать земли, строить мельницы и садить слободы; значительнѣйшею изъ послѣднихъ была Степановка. Пріобрѣтеніе земель происходило, повидимому, съ помощью сотничѣй власти. (См. ниже, сс. Селецкія). Иванъ П-цъ оставилъ дочь Марфу, вышедшую замужъ за Андрея Родзянка, а у Степана П-ца была дочь Ульяна, которая выйдя замужъ за «ротмистра слободскихъ полковъ» Григорія Ив-ча Квитку, все отцовское свое наслѣдіе распродала «за неспособностью владѣнія по отдаленности отъ добра мужа», въ томъ числѣ Лящовку и Матвѣевку—б. т. Вас. Степ. Родзянкѣ, за 7000 рублей.

Мѣст. Лукомль²⁾, при впаденіи рч. Лукомки въ Сулу, по лѣтописи известно съ 1174 г. подъ именемъ «городища Лукомля»³⁾. Городище это отновлено было поселеніемъ въ к. XVI в., такъ какъ уже въ 1604 г. владѣлецъ Переяславскаго села Жеребятина жалуется за пріемъ Вишневецкими бѣжавшихъ его крестьянъ въ Лукомль. Въ 1628 г. въ немъ было: «дымовъ рыночныхъ—16, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45». Были тутъ уже — священникъ, портной, рѣзчикъ, кузнецъ, «дудка»... По населенію Лукомль былъ въ это время вторымъ послѣ Лубновъ⁴⁾. Указаніе въ спискѣ Пинедѣцкаго на 524 «господаря» въ Лукомль, вѣроятно, относится не къ одному мѣстечку,

---

такожъ купленіе грунта въ с. Хижкахъ и д. Лисогоровки, все то жесть моей записую и утверждаю... Перечисленныя здѣсь имѣния, находившіяся въ Глуховской сотнѣ и около,—пріобрѣтены были П-цомъ во время его писарства въ генер. судѣ.

¹⁾ «Быть у насть приватній банкетъ и были сваты новіе—Иркліевскій сотникъ тъ жею и асауль енер. Мануйловичъ тъ жею,—и сватаніе учинилисмо за пасынка его Славуевого Стефана Пѣковца тъ дочерю нашою Пазеко». (18 янв., 1786 г., съ рукописи Документа Якова Марковича). Вѣнчанье произошло только въ сентябрѣ (Зап. Як. М-ча, изд. 1859 г., II, 12). Это была первая жена Ст. П-ца, которая въ 1744 г. умерла бездѣтно, такъ какъ П-цъ возвратилъ тестю ея приданое. (Зап. Як. Марк., изд. 1859 г. II, 203 и 225). Вторая жена П-ца, Едена, овдовѣвъ, вышла замужъ за бригадира Детили.

²⁾ «Мѣстечко Лукомль состоитъ надъ рр. Судою и Лукомкою». Изъ прошенія Лукомцевъ 1777 г.—Слово Лукомль одного происхожденія съ Црньюкою; оба эти городка первоначально возникли при лукахъ, низкихъ, поеннымъ сѣнокосныхъ мѣстахъ; такие сѣнокосы и теперь въ Малороссіи называются лукаами. Такія луки должны были находиться у Лукомля—въ долинѣ Сулы, а около Прилуки—въ долинѣ Уда.

³⁾ О «Лукомльскомъ городицѣ» см. обстоятельный свѣдѣнія въ статьѣ г. В. Искоронского, Кіевск. Ст. 1893 г., сентя., 426—437.

⁴⁾ Кіевск. Стар. 1896 г.. февр., 224.

ио и къ его селамъ. Въ 1665 г. Л-иль показанъ разореннымъ отъ татарскихъ набѣговъ (А. Ю. З. Рос., VI, 20). По Румянцовой описи (1768 г.)—«городъ Лукомъ лежитъ большою частью на горѣ, обнесенъ кругомъ землянымъ валомъ, который подъ часъ турецкой войны (1736 г.) въ добромъ состояніи былъ, а по окончаніи той войны, за неподчиненію, весь почти осыпался; съ тремя воротами: замковыми, Лубенскими и Хорольскими. Отъ вала въ 60-ти саж. течетъ р. Сула»¹⁾. А. Кз. 112 дв., 139 х., 141 с. Пдс. 62 дв., 71 х., 73 с., разн. владѣльцевъ, б. т. П. Кулакки 5 дв., агам. город. Харьковскаго — 8 дв., «попа» Ивана Левицкаго — 6 дв. и т. д. Кр. 65 дв., 71 х., 71 с., при чёмъ о свободности или несвободности крестьянъ ничего не говорится, но такъ какъ ниже, въ другихъ поселеніяхъ показаны послолитые «владѣльческіе», то очевидно, что всѣ послолитые при коихъ не указывается ихъ зависимость, были свободные или такъ называемые *ратушные*²⁾. Подсобѣльевъ изъ послолитыхъ вовсе не значится. Кроме показанныхъ выше 239 двор., въ Лукомлѣ было еще 50 дв. «вольныхъ», т. е. принадлежавшихъ сотенной старшинѣ (до «асаульцевъ» и «десантниковъ» включительно), священникамъ, «компанейцамъ» (8 дв.) и шинковые дворы. Послѣднихъ въ Л. было 12, изъ нихъ—одинъ «братьерскій». Въ числѣ свободныхъ же дворовъ значится «школа» и «шпиталь».

Около Л-ля показано 12 хуторовъ тоже преимущественно изъ лицъ сотенной старшины, при чёмъ въ этихъ хуторахъ показаны наемные «скотари» и «овчари»; въ одномъ хуторѣ сотника Пикова показаны: стадникъ, ричичъ (=коровникъ), скотарь и два овчара, а въ другомъ — два «сусъда прѣвшихъ». Затѣмъ, ок. 1760 г., свободные Лукомскіе послолитые были отданы полковнику компанейскому Мойсю и брату его Городисскому сотнику Ивану Кодинцамъ, но дата универсала обѣ этомъ «пожалованій» намъ неизвѣстна. Б. Кз. 115 дв., 205 х., 6 бд. х. Кр. сотника Антона Кодинца съ братьями 11 дв., 14 х. Пдс. 77 дв., 107 х., 73 бд. х.

С. Юсовцы³⁾, рч. Слѣпородъ, возникли, вѣроятно, одновременно съ устройствомъ здѣсь же въ 1621 г. монастыря Слѣпородскаго или

¹⁾ Румянц. Опись.

²⁾ Это замѣчаніе относится и къ остальнымъ поселеніямъ описываемой сотни, въ коихъ были крестьяне.

³⁾ Юлько==Осипъ.

*Юсковскаю*¹⁾. Въ актѣ 1665 г. читаемъ: «Я Марья Федоровая Худорбовна Бутиха, обивателка Юсковская, чиню вѣдомо... ижъ власній мой островъ по небощику мужу моемъ Федору мнѣ належачій на томъ селѣ Юсковцяхъ, всеполь зъ чернечкимъ (монашескимъ) надъ Слѣпгородомъ рѣчкою стоячій... продала о. Калисту, на тотъ часъ игумену Мгарскому, за копъ 19 личби литовской... При которомъ моемъ записѣ были... обывателѣ Юсковскіе, меновите: при пану Грицку Новаку, атаману на той часъ Юсковскому, и при пану Охрѣму Федоренку, ктитору м-ря Слѣпгородскаго, и при пану Данилу Коптевичу и при пану Скокодану...»²⁾. Повидимому, всѣ эти лица именуются *панами* для обозначенія лишь одного ихъ почета... А. Кз. 63 дв., 82 х., 83 с. и подс. 22 дв., 34 х., 34 с., въ числѣ ихъ: м-ря Юсковскаго—6 дв., полков. Лубенскаго *индустнаю*³⁾ 3 дв., «Ганны Славинской»—3 дв. и проч. Кр. 14 дв., 15 х., 15 с. и 13 «свободн.» двор., въ томъ числѣ—школа и шпиталь, какъ и далѣе. Б. Кз. 84 дв., 160 х., 1 бд. х. Кр. Мгарск. м-ря 17 дв., 22 х., 8 бд. х. Подс. 30 дв., 42 х., 10 бд. х.

С. Михновцы,⁴⁾ рч. Слѣпгородъ, возникли въ перв. пол. XVII в. А. Кз. 60 дв., 90 х., 93 с. подс. 7 дв., 7 х., 7 с., въ томъ числѣ «писаря аптечного» (аптека, разумѣется конечно, Лубенская). Кр. (своб.) 5 дв., 5 х., 5 с. «Свободныхъ дворовъ»—8, въ томъ числѣ школа и шпиталь. Б. Кз. 78 дв., 162 х. Кр. нѣтъ. подс. 17 дв., 21 х., 12 бд. х.

С. Александровка, рч. Слѣпгородъ, поселена въ к. XVI в., вмѣсть съ Лубнами, и названа такъ по имени Александра Вишневецкаго. Для знакомства съ юридическою и бытовою стороною здѣшней сельской жизни во втор. пол. XVII в., приводимъ отрывокъ изъ акта 1682 г.—«учтивая панъ Ивановая Кулябчина жалосній пропоновала протестъ на Антона Реву, жителя зъ села Александровки, въ той цѣль моячи: милостивый пане уряде! южъ не разъ и не два, але чрезъ часъ немалій дѣялась намъ въ лѣсѣ нашомъ у Александровцѣ шкода, же хтось, потаємнымъ способомъ, въ лѣсѣ нашемъ деревню (дерево) рубаетъ, для которой

¹⁾ Упоминаемое въ 1628 г. поселеніе *Слѣпгородъ* (*Zrdla Dziejowe*, XX, 79), вѣроятно составляло тотъ хуторъ, около которого находился Слѣпгородскій м-ръ. *Кіевск.* Ст. 1896 г., февр., 226.

²⁾ Акты. Мгарск. м-ря, л. 95.

³⁾ Повидимому, сборника *инструкты*.

⁴⁾ Михно == Михаилъ.

шкоды Тишко Довгалею, по просьбаму Колбаску, лѣса чашеего
стороги уединялико, а онъ Довгалею Антона Реву въ нашемъ
лѣсу деревию рубаючо засталъ.. Сирошеный урядомъ Довгалею
показалъ: «пане уряде! такъ есмо, оного Реву въ Кулебчинъ
засталъ лѣсу; ишоъ Рева изъ своего лѣса и увойшоъ у Кулебчинъ
и таинъ у лѣса — лѣшицъ три, берестину четвертую и вѣла ятие
кирубаль; але я же самъ, але въ Саксою Мищенко засталъ (Реву)
и заразъ атакану Александровскому Гулясеви освѣдчили и свѣдоч-
ного изъ себе сермягу положилъ, до того и асаулови шапку дѣ-
жать, щобы по Реву помнить... Дозирошенній Рева прізнался въ
захищении лѣса. «Судъ засъ сному Антонову наказалъ, абы таинъ
за учинене въ лѣсъ шкоду, яко и за правніе спенса (судебныи
издеражки) п. Ивана Кулябку погодилъ и пополнилъ. Обжалованій
быть лѣсу Рева, видѣти себе виннаго, а не могути готовною (суммою)
такъ за шкоду, яко и за вѣзвіе спенса видолити и заплатити, самъ
доброволно лѣса свой власній въ Александровцѣ, надъ Слѣпородомъ,
п. Ивану Кулябку у вѣткую поссюю пуститъ. Вправдѣ, Иванъ Кулябка
для несносною посполитыхъ промовиску не хотѣль бытъ у тихъ
грошахъ приняти; единъ кгда Рева, поднявши людемъ сацніи Михаила
Гулясія, Василия Кувалекого, п. Ивана Кулябку, просилъ, абы
тотъ лѣсъ его за вину т. е. за шкоду и за вѣзвіе спенса принялъ,
и таинъ Иванъ, давшись на прозбу, при тихъ помененіихъ людяхъ,
тотъ лѣсъ Антоновъ принялъ... Указываемый въ этомъ актѣ Ив.
Кулябка, конечно, есть родонатальникъ Кулябокъ, бывший въ пол.
XVII в. Лубенскимъ «арендаремъ». Сынъ его Петръ, былъ уже
затемъ Данила Амостона¹⁾. Въ приведенномъ актѣ интересенъ отъездъ
Кулябки отъ предлагаемаго ему Ревою лѣса «для венеснаго посто-
янныхъ промовиска», т. е. изъ нежеланія возбуждать противъ себя
упреши селянъ, конечно, нарожавшихъ не бѣгачей за легкое пріобрѣ-
теніе тихъ земель.. Александровка находилась въ ранговомъ вла-
дѣніи уже у Зеленского, но затѣмъ крестьянское населеніе здѣсь
кочевало, такъ какъ по ревизіи 1740 г. оно не показано; вѣроятно,
оно было скуплено сотникомъ В. Пиковцемъ, за которымъ по
этому и значатся, по ревизіи 1740 г. подсобѣки. А. Кн. 53 дв.,
63 х., 64 с. подс. б. т. П. П. Кулябки (внука «арендара») 6 дв.,

¹⁾ См. Елевск. Стар. 1886 г., лѣв., 1—4.

6 х., 6 с. и сотника Ив. Пиковця 9 дв., 9 х., 9 с. Кр. нѣтъ. «Свободныхъ дворовъ»—14, въ числѣ ихъ 4 двора «старцевъ» (нищихъ) и школа. Шпиталя нѣтъ. Б. Кз. 70 дв., 124 х., 2 бд. х. Кр. нѣтъ. Подс. 21 дв., 24 х., 3 бд. х.

С. Мацковцы,¹⁾ рч. Слѣпгородъ, возникли въ перв. пол. XVII в. А. Ка. 57 дв., 79 х., 82 с. подс. 6 дв., 9 х., 9 с. Кр. неизвестны изъ 13 дв., 13 х., 13 с. «Своб. двор.»—10. Б. Кз. 82 дв., 124 х., 6 бд. х. Кр. сотника Кодинца съ братьями—4 дв., 10 х. подс. 26 дв., 38 х., 20 бд. х.

Д. Лучна Мацковская, рч. Сула, повидимому, выселокъ изъ Мацковцовъ.—Какое первоначально тутъ было населеніе—неизвестно, вѣроятно—козачье, такъ какъ по реєстру 1740 г. показано 21 дв., (28 х., 29 с.) исключительно подсосѣдовъ изъ козаковъ полковника П. Апостола. Кромѣ того, значится 8 «своб.» двор. Б. Кз. нѣтъ. Кр. рангов. Луб. полковника 15 дв., 15 х., 3 бд. х. Такимъ образомъ посаженные въ перв. пол. XVII в. полковникомъ Апостолемъ подсосѣдки—къ к. XVIII в. стали крестьянами, принадлежащими на рангъ полковника.

С. Березники, рч. Богачка и оз. Княжое, поселеніе перв. пол. XVII в., основанное и. б. выходцами изъ с. Березняковъ Каневск у. На Березняковскія земли стали нападать Кулябки уже съ нач. XVIII в., при чёмъ здѣшнимъ селянамъ приходилось иногда давать и невольные уступки своихъ земель, какъ видно, напр., изъ слѣд. акта 1751 г.—«С. Б-ковъ презвитерь Карпъ Евдохимовъ, атаманъ Грицко Шраменко и козаки Ничипоръ Семенченко и др., изъ числа 40 ксл., сімъ нашимъ уступнимъ писомъ объявляемъ: имѣть мы подъ с. Б-ками пахатное и сѣнокосное поле (следуетъ описание границъ), которымъ, какъ предки наши, такъ и мы сами многіе годы владѣли онимъ покойно... А когда, чому будетъ годовъ съ три, войск. канц. Андрей Кулябка возымѣль къ оному полю, невѣдомо почему, претенсію по смерти дѣда своего Федора К-ки и не поступая въ томъ, правно, самовластно, гвалтомъ тое наше поле заораль, тогда мы хотя подавали челобитье въ сотенное Лукомское правленіе, однакъ онъ (К-ка) ни тому правленію, ниже полковой к-рии будучи не подсуденъ,

¹⁾ Мацко—Матвій по бѣлорусскому говору; (на Украинѣ—Махно, Матиль); отсюда можно думать, что село это селами выходцы изъ Бѣлоруссіи...

въ отвѣтъ не пошель... и нась ко владѣнію тѣмъ полемъ началь не допускать съ того времени. И тое наше отнятое поле постороннимъ селянамъ пахать съ-десятины, а сѣна косить съ-третины, для своей корысти, роздаетъ. Видя же мы такое насилие онымъ полемъ за-владѣніе и не могучи что съ нимъ чинити... убѣгая судовой тяжбы и для оной далекой въ Глуховъ ѹзы, съ общего совѣту.... тое поле во вѣчное владѣніе обозному полк. Лубенскому п. Ивану Куллябцѣ уступили; а онъ, п. обозный, напротивъ того, имѣть строячія вновь въ с. нашемъ Б-кахъ церкви, которой мы по нашему крайнему убожеству и что при той церкви нашей никакихъ денегъ и приходовъ нѣть, достроить не въ состояніи, собственною своею деревнею (деревомъ) достроить, келѣхъ визложеній сребранній своимъ коштомъ, изъ своего сребра, въ ту жъ церковь сдѣлать и всякое что до оной церкви касатимется спомоществованіе чинить»...

Кромѣ того, Ив. К-ка скупалъ здѣсь земли и мелкими участками, чтобы садить на нихъ подсосѣдковъ, а въ 1752 г. выпросилъ у Разумовскаго универсаль, по которому крестьяне Б-ковъ отданы были ему въ вѣчное владѣніе. А. Кз. 28 дв., 37 х., 82 с. подс. 7 дв., 7 х., 7 с. Кр. (ратушныхъ?) 20 дв., 21 х., 21 с. и кромѣ того 6 дв. «свободныхъ» въ 1740 г. при селѣ—*три хутора*. Б. Кз. 35 дв., 82 х., 14 бд. х. Кр. (Кулабокъ?) 9 дв., 11 х., 6 бд. х. подс. 16 дв., 31 х., 24 бд. х.

С. Мойсеевка, р. Сула, повидимому, выселокъ изъ Лукомля, такъ какъ находится на противоположномъ берегу отъ послѣднаго; такое происхожденіе М-ки подтверждается и малоземельемъ ея, что видно изъ акта 1703 г., въ которомъ «Ганна Барабашка» разсказываетъ, что доставшіяся ей поля («почавши отъ Худольевскаго поля по Кутоватое озеро и па Плоскую могилу») продала было п. полковнику Луб. Зеленскому,—«и толко-мъ мѣла отъ добрѣдѣя грошей сто копѣкъ отобрati, аже прибувши Мойсевчане громадою и добилися у его м. п. полковника, же имъ тѣ всѣ поля и сѣножати отпустили, бо повѣдали, же жадного угодія себѣ не маютъ, матъску седячи, и тожъ его м. п. полковникъ тое усе угодіе имъ одпустивши, у ихъ казаль и гроши отобрать»... Вообще М-ка земли имѣла очень мало и жители ея постоянно спорили съ Лукомцами за разныя угodyя. М-ка оставалась свободною до тридцатыхъ годовъ XVIII в., пока Лукомскій сотникъ Иванъ Пиковецъ не началъ скупать здѣсь земли

и садить на нихъ подсобѣдковъ; такихъ дворовъ было имъ посажено за четыре года (1734—38) болѣе десяти, при чёмъ одинаково садились какъ козаки, такъ и послполитые¹⁾). Затѣмъ, остававшіеся въ Мойсеевкѣ свободными—(7 двор. и 11 бездв. хатъ)—посполитые были отданы, въ 1751 г., Разумовскимъ извѣстному «войсковому экзактору Малороссійскихъ зборовъ», выкресту изъ евреевъ Антону Крыжановскому. Это былъ прежде всего алчный собиратель богатствъ въ разныхъ ихъ видахъ, хорошо умѣвшій при томъ узнавать людей и ихъ слабости. Ставъ главнымъ откупщикомъ въ Малороссії разныхъ сборовъ, Кр-й умѣлъ привлечь на свою сторону не только гетманскихъ советниковъ, но добился расположенія и самого гетмана, угодливо исполняя его частныя порученія. Кроме «экзакторства», Кр-й имѣлъ еще и урядъ въ Глинскѣ сотничества, почему и былъ хорошо знакомъ съ экономическимъ и соціальнымъ бытомъ селянъ. Хорошо онъ былъ знакомъ и со всѣми тѣми злоупотребленіями, посредствомъ которыхъ наживалась сотенная и полковая старшина. Поэтому, получивъ универсалъ на Мойсеевскихъ послполитыхъ, Кр. прежде всего потребовалъ послушанія и отъ подсобѣдковъ Ив. Пиковца,

¹⁾ Вотъ показанія нѣкоторыхъ изъ этихъ подсобѣдковъ, данныхъ ими въ 1752 г. «Удова Настя Лукомичиха показала, что она с. Мойсеевки мужика, а мужъ ей Андрей заходъ будучи, по понятю ей, не имѣ никакихъ грунтovъ, жилъ по сусѣдамъ; послѣ же купивъ ниву у козака Лукомского Личка за талиръ, на онѣхъ прошли дѣй хаты и стали жить въ братомъ Несторомъ посподито, но не могучи тѣхъ хатъ издержать, продали онѣ умершому Пиковцу, за битности его сотникомъ, за пять копг. Григоріо Бабенко—онъ мужикъ исконн. с. Мусѣевки, гдѣ живучи, купилъ быль себѣ дворикъ у тамошнаго козака Ситка за 2 рубли, чemu дѣется ок. 80 и., и въ томъ дворѣ поживѣвъ 10, продалъ, первіе, одну часть подданному умершему Пиковцу Зимовцю, за 4 золотыхъ, а послѣ—и другую въ хату самому Пиковцу, за рубли денегъ. — Димитъ Пинчукъ—онъ испрежде мужикъ Мойсеевскій, зайшій въ юношеской даржавѣ, при отцу своему и братамъ, где купили были дворъ у козака Куня, за 2 рубли, и онѣ раздѣли на три части, на едной—живѣвъ онѣ годовъ 10 и, не могучи того дворика здергать, доброволно продадъ умерш. П-шу за рубли. — Кашъ Ткачъ—онъ мужикъ Мусѣевскій, заходѣ туда въ Шведчину, въ Слободскихъ полковъ, поселился быль на свободномъ (грунтѣ); по окончаніи же Крымскаго походовъ, сталъ жить въ хатѣ измѣдшаго Мусѣевскаго мужика Грушы, которая хата была умерш. П-ца. — Якимъ Николаенко—онъ званіе козачаго, живѣ спрежде въ с. Мойсеевкѣ на своихъ грунтахъ и отправлять службу козачую до Ермаковъ походовъ, а потомъ, пришедъ въ нищету, оставилъ свою службу, войшоль въ пустую хату умерш. П-ца. — Юско, Бебешчишикъ зять,—съыхалъ, что тестъ его Бебешко заходій, живѣ первіе въ м. Оржицѣ служа козачо, а посли, перенѣдъ въ Мусѣевку, въойшоль въ пустую избу на плечу умерш. П-да стоячую» и т. д.

утверждая, что по универсалу ему принадлежать вся земли, кроме козачьихъ, и что скупля Пиковца была насильственна, а имѣющіяся у него купчія выданы безъ согласія продавцовъ; что, кроме того, подсосѣдки Пиковца, будучи Мойсеевскими послополитами, тоже и поэтому должны входить въ число отданныхъ ему по универсалу. Требинские (вдовы II-ца въ это время была уже замужемъ за Требинскимъ) защищались тѣмъ, что «тѣ послополиты во время пожалованія ему, Кр-му, с. Мойсеевки свободными не были и не точю ему, Кр-му, не жалованы, но и зъ того пожалованія явно выключены», такъ какъ по универсалу гетмана Кр-му отданы лишь 7 двор. и 11 бѣздв. хатъ свободныхъ послополитыхъ съ принадлежащими имъ грунтами и угодьями.. По жалобѣ Кр-го гетмана поручилъ претензіи его разобрать Луб. полковому суду. Передъ судомъ Кр-їй продолжалъ утверждать, что скупля Пиковцомъ была произведена подъ давленіемъ сотничей власти послѣдняго и что продавцы грунтовъ—купчихъ на нихъ не выдавали да и продавали ихъ по принужденію. Въ виду этихъ заявлений, полк. судъ произвелъ подробное слѣдствіе о подсосѣдкахъ Пиковца и о тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, при чемъ хотя и оказалось, что купчія у наслѣдниковъ II-ца имѣлись не на всю скупленную усадьбы, но продажа послѣднихъ была подтверждена словесно бывшими ихъ владельцами. Относительно же самихъ подсосѣдковъ изъ послополитыхъ—Требинские возражали, что «хотя бы кто зъ оныхъ подсосѣдѣовъ, прежде скуплѣ II-цемъ, и быль стану послополитого, но яко во время свободной всѣмъ чинамъ скуплѣ и продажи скупленіи они, (то) по непротивности правной должны за ними отвѣтчиками оставаться». Съ возраженіями Требинскихъ согласился и полковой судъ. На это рѣшеніе Кр-їй, повидимому, не жаловался... Не успѣвъ отобрать отъ Пиковцевъ ихъ Мойсеевскихъ подсосѣдковъ, Кр. началъ другими способами окружать свою Мойсеевскую маestность. Имѣлся въ Лукомской сотнѣ обширный войсковой сѣнокосъ, пространствомъ около 2-хъ кв. верстъ, доходъ съ котораго собирался, съ грѣхомъ пополамъ, сотенною старшиною и отсыпался въ войсковой скарбъ. Сообразительный Кр. сейчасъ же замѣтилъ легкость пріобрѣтенія этого сѣнокоса при своихъ связяхъ въ гетманской канцеляріи, куда и обратился съ просьбою объ отдачѣ ему сѣнокоса. Въ отвѣтъ былъ выданъ, въ январѣ 1755 г., слѣдующій универсалъ: «сотникъ Глинскій Ант. Кр., поданнымъ намъ доношеніемъ представилъ, яко въ

сотнѣ Лукомской имѣется сѣнокосная лука свободная войсковая, прозываемая *панская*¹⁾, поблизу наданного ему отъ насть с. Мойсеевки, не далѣе какъ въ одну версту, на которой укошутся сѣна до 20-ти скирдъ небольшихъ, а при той де маєтности его, Кр-го, сѣнокосу вовся не имѣется, и просилъ объ опредѣлениіи оной луки къ той его маєтности и о надачѣ ему, Кр-му, во вѣчное владѣніе»... Засимъ, гетманъ поручалъ Луб. полковой к-рии представить ему подробнѣя данныхъ объ этой лукѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что *панская лука* находится подъ г. Лукомлемъ и до 750 г. «состояла подъ вѣдомствомъ комисіи экономіи, а отъ 750 г. — въ надсмотрѣніи сотенной Лукомской к-рии, и ежегодно оная скошуется свободными послопитыми Лукомской сотни людми и сѣно тое про-дается, а деньги отсылаются въ к-рию Малороссійскихъ сборовъ», при чемъ въ 753 г. на ней накошено сѣна скирдъ 10 да «третины²⁾ взято двѣ скирдѣи и два стога». Затѣмъ произведено было измѣреніе луки, «въ которой имѣются сѣнокосы, лоза, болота и малое число рыболовныхъ озеръ», и оказалось, что въ длину она имѣеть 1769 саж., а въ ширину — 392, 273 и 130 саж. Получивъ эти свѣдѣнія, гетманъ «по данной ему власти», отдалъ *панскую луку* Кр-му «вѣчное и потомственное владѣніе». Фактическій отводъ луки Кр-му былъ сдѣланъ Городисскимъ сотникомъ Петровскимъ, при чемъ онъ долженъ былъ руководствоваться тѣми данными, которыя собраны были полк. к-рию по распоряженію гетмана. Но и здѣсь Кр-й сѣумѣлъ взять больше, чѣмъ ему было дано. Кр-й успѣлъ склонить Петровского на свою сторону, — или, попросту, подкупить, — и тотъ произвелъ отводъ не по указаннымъ границамъ, а по своему усмо-трѣнію и «по своей къ Кр-му чрезмѣрной дружбѣ», при чемъ было захвачено лишней земли въ длину 279, а въ ширину — 289 саж. Захвачены были земли разныхъ владѣльцевъ, какъ изъ Лукомля, такъ и изъ Матвеевки (всего 23 хозяевъ), но больше всего — земель сотника Пиковца. Пиковецъ хотѣлъ стать въ положеніе отвѣтчика и не

¹⁾) Вѣроятно, усвоившая это название послѣ поляковъ.

²⁾) Повидимому, не вся лука была скошена «свободными послопитыми», а часть ея была отдана для косьбы желающимъ, которые за трудъ взали себѣ двѣ трети урожа, а *премѣна* укоса отдана была хоанину, т. е. въ сотенную к-рию. Въ XVIII в. при отдаче земель за часть урожая для обработки, за пашню хоанинъ получалъ де-сятину (т. е. $\frac{1}{10}$ часть), а за сѣнокосъ — третью часть. См. с. *Березники*.

сматря на отводъ, скосилъ съна на отнятой у него землѣ; Кр. по-жаловался гетману за «нахалній выкось» и получилъ универсаль (18 авг., 755 г., Спб.), которымъ приказано было съ Пиковца взыскать стоимость скосенного имъ съна и затѣмъ рекомендовать ему «права своего доходить судомъ»... Подчинившись этому распоряженію, П-цъ хотѣлъ было защитить хотя свои рыболовныя озера и прогналъ оттуда, осеню 755 г., Мойсеевскаго войта, рубившаго тамъ съ людьми дерево; но Кр. снова пожаловался гетману и снова получилъ универсаль (9 янв., 1756 г., Спб.), который гласилъ слѣд.: «Первого охочокомоннаго полку компанейскаго полковникъ Ант. Кр-й... представилъ—осведомился де онъ... что г. бунчучного генер. Оболонскаго племянникъ, сотникъ Лукомскій Ст. Пиковецъ, собравши многолюдственную компанию на собственныхъ его, Кр-го, при с. его Мойсеевкѣ, рыболовныхъ мѣстахъ рыбу ловить насилино, а при томъ де... похвалился на убийство людей его, Кр-го, буде люди его будуть тамъ рыбу ловить... Съ своей стороны и Пиковецъ жаловался гетману на постоянныя обиды отъ Кр-го (напр. «о нагонѣ въ 1754 г. на его сѣнокосныя луки, лозы, вербы, луга и проч. угодія стада своего штука до 400, о выловлене рыбы» и проч.). По жалобѣ Кр-го гетманомъ предложено генер. к-рии сдѣлать распоряженіе, чтобы во владѣніи «панською лукою» и рыболовными озерами — никакого препятствія сотникъ Пиковецъ Кр-ому чинить не отваживался»... Въ *томъ же днѣ* выданъ былъ и другой универсаль, въ отвѣтъ на жалобу П-ца; въ этомъ универсалѣ только предлагалось — «немедленно учинить надлежащіе разсмотрѣніе и рѣшеніе по силѣ правъ» и то рѣшеніе прислать къ гетману... Однимъ словомъ, Пиковца поставили въ положеніе истца, предоставивъ ему добиваться правды въ канцеляріяхъ: П-цъ и началъ было дѣло, но, разумѣется, ничего не добился, основывая свое право не на «крепостяхъ», а на одномъ факѣ...

Засимъ, интересный эпизодъ изъ отношений Кр-го къ его Мойсеевскимъ соудиамъ составляетъ захватъ имъ паромнаго перевоза чрезъ Сулу, между Мойсеевкою и Лукомлемъ. Хотя тутъ и существовала чрезъ Сулу плотина, но она была и длинна (2 версты), и часто неправильна, почему сообщеніе производилось преимущественно водою. Увидѣвъ въ этомъ перевозѣ очень доходную статью, Кр. захватилъ его въ свое исключительное обладаніе, какъ только умеръ сотникъ

Степанъ Пиковецъ, который держаль сдѣлье паромъ. Преземнику Пико-
вца, сотнику Малкевскому, невидимому, стало завидно, что такая
выгодная статья ускользаетъ отъ него и онъ подбилъ свою сотню
пожаловаться въ коллегію, что Кр-й ихъ очень стѣсняетъ. Въ по-
данной, въ 1766 г., жалобѣ Лукомчане и Мойсеевцы рассказывали:
съ давнихъ временъ обыватели Лукомля, имѣя на другомъ берегу
Сулы свои хутора и поля, перебѣжали туда черезъ рѣку своими
дубами и лодками, такъ какъ плотина ихъ неудобна; и такъ продол-
жалось до 1746 г., когда, съ соединеніемъ всѣхъ обывателей Лукомской
сотни, сдѣланъ былъ на общій коштъ паромъ, который перевозилъ
всѣхъ мѣстныхъ жителей бесплатно. Но когда Мойсеевка была отдана
Кр-му, то послѣдній «невѣдомо по какимъ сдѣлкамъ, сойдясь съ умер-
шимъ сотникомъ Пико-демъ, зааладѣль перевозомъ беизправно, при-
чемъ не точію Лукомскихъ и Мойсеевскихъ и прочихъ обывателей
безденежно попрежнему не приказалъ перевозить, но и въ кого
имѣлись дубки и лодки для спѣшного чрезъ ту Сулу перѣзду, то и
тѣмъ всѣмъ, какъ самимъ—не перѣѣжжать, таѣ отнюдь никого, ни въ
хутора, ни въ поля, перевозить—запретилъ. А кроме того, за перевозъ
Кр-й сталъ братъ со всѣхъ, не исключая и тѣхъ даже козаковъ, ко-
торые отправлялись куда нибудь по службѣ, съ вовою съ кладью—
по 20 и 10 к., а съ порожнихъ—по 5, съ коня—по 2 и съ пѣшихъ
людей—по одной коп. На запросъ суда о правахъ Кр-го на спорный
перевозъ, послѣдній отвѣчалъ, что перевозъ принадлежитъ ему, п. ч. на-
ходится «при, собственныхъ его берегахъ отъ стороны Мойсеевской; а
отъ мѣстечка Лукомля—по уступцѣ отъ владельцевъ въ томъ мѣстечку
полковника команейского Мойсея и, сотника Городисского Ивана
Бодицова». Далѣе, Кр-й объяснялъ, что дубами и лодками онъ никому
не запрещалъ перебѣжжать Сулу и что свободной переправы паромомъ
здесь и прежде не бывало, таѣ какъ и прежде паромъ «содержалъ
партикулярно умершій сотникъ Степанъ Пиковецъ, по своей власти,
и бралъ за перевозъ плату по своему произволу»... Плату онъ, Кр-й,
бралъ по договору, никого не насилия, тѣмъ болѣе, что въ томъ са-
момъ мѣстѣ, где ходить его паромъ «имѣется довольноное количество
дубовъ и лодокъ, разными охотниками издавна содержимыхъ для по-
ревоза людей». Въ заключеніе Кр-й указывалъ суду, что жалоба Лу-
комцевъ нацелена ложными свѣдѣніями. Раerѣшая это дѣло окон-
чательно, въ 1766 г., коллегія «доведила козакамъ Лукомскимъ и

Мойсеевским имѣть перевозъ и собственные дубы и лодки — но
прежнему, для перехода черезъ Сулъ. Не достигнувъ намѣренной
цели — лишить Лукомскихъ обывателей права имѣть собственный пер-
евозъ, Кр-й, во исходѣ случаѣ, сумѣлъ вырваться изъ рукъ послѣ-
дующаго Лукомскихъ сотниковъ очень доходную статью, которую
сотникъ Малютинъ напрасно пытавшись вернуть себѣ... Насильственныя
действія Кр-го по отношению къ сосѣдямъ — Малютинцамъ разсказаны
будутъ ниже. По смерти Антона Кр-го, дослужившагося до брига-
дирскаго чина, Мойсеенка перешла къ его сыну, премьер-майору
Антону же, который былъ такимъ же алчнымъ державцемъ, какъ и
отецъ его. Это видно, между прочимъ, изъ продолженія эпизода
о паромъ между Лукомъ и Мойсеевкою. Послѣ при-
знания коллегіей въ 1766 г. за Лукомчанами права на переходъ чрезъ
Сулъ водное, ими быть устроенъ совмѣстно съ Мойсеянами, паромъ,
которымъ безпрепятственно и производилась здѣсь переправа до 1777 г.,
а въ этомъ году наследникъ «экзактора» снова попробовалъ бы-
лиши права Лукомчанъ имѣть свой паромъ. Для достиженія этой
цели Кр-й-сынъ употребилъ ифру очень оригинальную: по его распоря-
женію общественный паромъ былъ «сворованъ» (27 июня 1777 г.),
заведенъ въ камыши и тамъ изломанъ; взяты были и дубы Лу-
комскіе и спрятаны въ одномъ изъ Сульскихъ заливовъ. Однакожъ
Лукомчане паромъ свой нашли и исправивъ его, снова стали гонять
по рѣкѣ. Но не прошло и недѣли какъ тогъ же Лукомскій паромъ
снова ночью былъ: уведенъ, а когда стали его розыскивать, то бывшіе
на немъ паромщики разсказали, что ночью 5 июля приказчикъ Кр-го
Кухты съ своими паромщиками и съ другими людьми, числомъ до
20-ти, явились къ нѣй ночью и забравъ паромъ, подняли его вверхъ
по Сулѣ, а имъ Лукомскому паромщикамъ приказали молчать, «угро-
жая бившимъ при ихъ орудіемъ». Пригнанные въ гродскій судъ па-
ромщики Кр-го показали, что Лукомскій паромъ оба раза «сворованъ»
былъ ими по приказу приказчика Кухты и съ вѣдома самого Кр-го,
при чёмъ въ послѣдній разъ — паромъ былъ отведенъ «разными озе-
рами и рѣчками» ко двору посполитаго Букала, откъль взяли на
телѣги и увезли въ жилой домъ Кр-го въ с. Мойсеевкѣ. Разсказавъ
подробности этого «воровства», потерпѣвшіе далъ поясняли, что
вообще имъ жить нѣть отъ Кр-го, который не позволяетъ не только
раконъ ловить, но и воду брать въ Сулѣ — запрещаетъ, а «оная рѣка»

Суда ни почему ему не принадлежить»... Разобравъ жалобу Лукомчанъ, Луб. гродской судъ призналъ, какъ и коллегія въ 1766 г., за истцами полное право на содержаніе паромной перевозки и кроме того обязалъ Кр-го возвратить «сворованный» имъ паромъ. Но когда гродской судъ оказался бессиленъ исполнить послѣднюю часть своего рѣшенія, то Лукомчане обратились въ коллегію и просили—«на основаніи прежняго оной коллегіи опредѣленія, туть перевозъ черезъ р. Сулу позволить имѣть и паромъ свой содержать и чтобъ онъ, Кр-й, Лукомскій перевозъ возвратилъ и привель оной въ прежнее состояніе». И здесь просьба Лукомчанъ была удовлетворена, при чмъ было предписано тому же Луб. гродскому суду—привести это рѣшеніе въ исполненіе. Но Кр-й и рѣшенію коллегіи одинаково не подчинился, такъ какъ Лукомчане вслѣдъ затѣмъ писали въ коллегію, что «хотя отъ суда гродского, чрезъ нарочного, и требовано отъ Кр-го возвращенія нашего парома, однакъ онъ, Кр., по могуществу своему, не возвратилъ оного и въ глаза намъ сказалъ, что въ семь дній никого слушать не будетъ и парома нашего не возвратить, о чмъ отъ суда гродского Луб. Малор. коллегіи и reportовано...» Что сдѣлала коллегія по сему новому обстоятельству—не известно, но во всякомъ случаѣ видно, что и при Румянцовѣ Глуховская администрація не располагала средствами, которыя бы обеспечивали исполненіе ея распоряженій, такъ какъ и Румянцовъ, при всей его энергіи, не могъ искоренить того безправія, которое проявляли люди, чувствовавшіе «могущество свое», основанное конечно, на благопріятствѣ сильныхъ тогдашняго міра... Такимъ «могуществомъ» располагали, какъ видно, и премьеръ-майоръ Крыжановскій, а потому онъ и не стѣснялся въ своихъ насилияхъ. Въ томъ же 1777 г., Мойсеевскіе козаки пожаловались въ Луб. подкоморскій (т. е. межевой) судъ на того же Кр-го «за самоправное закопанье общихъ козачьихъ левадъ». Судъ назначивъ истцамъ срокъ для выѣзда на място спора, самъ однако же туда не прибылъ, а послалъ имъ новое извѣщеніе, что выѣздъ суда не могъ состояться по той де причинѣ, что въ исковомъ прошеніи козаковъ помѣщены «доткливости», которыя и предлагалъ—предварительно исключить... Получивъ это извѣщеніе, Мойсевчане жаловались Малор. коллегіи на пристрастныя дѣйствія подкоморскаго суда, объясняя, что они, для избѣжанія медленности въ процессѣ, готовы немедленно исключить указываемыя «доткливости»—(«отецъ

его, отвѣтчика, силялся настъ утѣснить и разорять, да и самъ онъ, Кр., тоже силятся настъ обижать и разорять) — хотя эти слова въ виду множества поданныхъ ими жалобъ, какъ на Крыжановскаго-отца, такъ и на его сына, — составляютъ сущую правду.— Затѣмъ Мойсевчане объясняли, что указаніе на «доткливости» явилось по пристрастію Луб. подкоморія Федора Максимовича, выдумавшаго этотъ предлогъ лишь для того, чтобы Кр. могъ воспользоваться сеголѣтнимъ посѣвомъ, который имъ сдѣланъ на спорныхъ левадахъ... Поэтому Мойсевчане просили коллегію, чтобы въ виду дружбы Кр-го съ Максимовичемъ, дѣло ихъ передать на рѣшеніе Роменскаго подкоморія Столновскаго. Неизвѣстно — удовлетворена ли была эта просьба Мойсеевскихъ ко-заковъ... А. Кз. 63 дв., 89 х., 90 е. Пдс. 14 дв., 16 х., 18 с. Кр. своб. 15 дв., 17 х., 17 с. и 12 «свободн.» двор. При селѣ показано 11 хуторовъ. Б. Кз. 51 дв., 122 х., 7 бд. х. Кр. пр., майора Крыжановскаго 38 дв., 58 х., 24 бд. х. Пдс. 19 дв., 25 х., 28 бд. х.

Д. Матв'євка,¹⁾ р. Сула, козачій выселокъ, вѣроятно, изъ Лукомля, потому что землі у Матв'євцевъ было мало и имъ не откуда было ее взять. Особенную нужду въ землѣ стали они испытывать, когда Сульський песокъ сталъ засыпать и ту, которая у нихъ имѣлась. И стали М-цы просить тогдашняго своего полковника Марковича — отвести имъ часть вольной степи, называвшейся Срокачами; но Марковичъ самъ интересовался этой степью, потому что поблизу садилъ свой хуторъ Жостеръ, для котораго тоже требовалась земля... Вслѣдствіе этого по распоряженію Марковича Матв'євцамъ отведена была, въ 1719 г., часть другой вольной степи, находившейся недалеко отъ полей Худолѣвскихъ и Мойсеевскихъ. И владѣли М-цы этими землями болѣе 30-ти лѣтъ, лишь иногдассорясь съ Худолѣвцами и Мойсеевцами, которые имѣли какое то притязаніе къ тому полю²⁾.

¹⁾ Въ Луб. полку есть и другая Матв'євка, въ Чигр.—Дубр. сотнѣ.

²⁾ Земля Матв'євцамъ отведена была по слѣдующему акту: «Року 1719, мѣс. квт 24 днія. З полеценія благородного его магія п-на Андрея Марковича, полковника е. ц. пр. в. а. Лубенского, вѣхавшиимъ намъ до Лукомля для помирковання правъ разныхъ и розѣбаду спорнихъ полковъ, докладали доедна (поголовно) обывателіи Матв'євскіе, близко Лукомля будучie, же имъ крайная, за недостаткомъ подъ селомъ ить землї пахатної, дѣется нужда, що и сами граждане, Лукомскіи и Мойсеевскіе жители, своимъ предложеніемъ подтвердили. Теды мы въ вѣдома его панской магіи, яко позволяеть имъ противъ села своего за молотами волни степъ, къ полямъ Хоролскимъ лежачий, на ниве розробляти, такъ его же панскимъ указомъ прекладаемъ,

Но когда «экзакторъ» Крыжановский получилъ, въ 1751 г., въ свое владѣніе Мойсеевское посполитое населеніе, то немедленно отобралъ отъ Матвѣевцевъ всю землю, которая была имъ отведена въ 1719 г.... Все это М-цы рассказали въ поданной ими, въ к. 1752 г., жалобѣ въ Луб. полк. судъ. Судъ вызвалъ Кр-го для отвѣта. Но Кр-й, понимая, что право его на спорную землю очень шатко и, повидимому, не ожидая отъ Лубенскихъ судей поблажки, рѣшилъ—пока затянуть процессъ. Поэтому вмѣсто личной явки, Кр. послалъ въ судъ такое извѣщеніе: «при всесчастливомъ его яси-ти гр. К. Г. Разумовскаго въ Москву выѣздѣ, приказано мнѣ якъ винъ разнѣхъ къ дому его яси-ти купить, которые вина въ привозѣ стали являться, и съ нихъ самому мнѣ надлежитъ выбрать родныхъ къ дому его яси-ти; такъ и другіе многіе покупки исправить и отправить въ Москву къ его яси-ти; за чимъ отлучатись въ судъ полк. Луб. для отвѣту крайне невозможно».... Судъ назначилъ новый срокъ, по Кр. и на этотъ вызовъ отвѣчалъ, что тоже не можетъ явиться, и. ч. ему для гетмана нужно покупать въ Москву «штури лошадей» да и «откупную сумму» нужно собирать... Затѣмъ, видя, что все таки отъ суда ему не уйти и почему то боясь судиться въ Лубенскомъ судѣ, Кр-й просилъ гетмана—перевести его дѣло съ Матвѣевцами въ Нѣжинъ. Удовлетворяя эту просьбу, Разумовскій въ універсалѣ писалъ: «поколь зъ сотникомъ Глинскимъ и экзакторомъ Малороссійскимъ Ант. Кр-мъ заключенные контракты по индуктовому збору и по зборамъ въ скарбъ войсковой надлежащими силу свою имѣють и онъ, Кр-й, потому жительствомъ своимъ въ Нѣжинѣ находится, по имѣючимъ на него отъ полковой Луб. к-рии и въ судѣ полковомъ искамъ—дѣла, хотѣ бы онѣ мои быти и о земляной распрастѣ, перенестъ въ Нѣжинскую полк. к-рию, не отъ образецъ другимъ, дабы онъ, сотникъ, абы икъ, Матвѣевцовъ, Худолѣевцѣ и другіе сусѣдственныи селяне отоль не вити-скали, на чомъ и сіе наше писаніе имъ, Матвѣевцамъ, для путшой певности выдавши, власніими наими онѣ подпишуемъ руками: Иванъ Павловичъ, асаулъ полку Лубенскаго: Иванъ Несторовичъ, дворянинъ панскій (т. е. Марковича).» По этому акту Матвѣевцамъ были отданы земли, повидимому, невполнѣ свободными, такъ какъ въ 1735 г. «стромады» Худолѣевская и Мойсеевская стали Матвѣевцевъ не допускать къ пользованію отведенными ими по акту 1719 г. землями и «трабить»—отнатіемъ плуговъ. За эти трабежи Худолѣевціи и Мойсеевцы виновались въ Лубенскомъ полк. судѣ съ предложеніемъ «представить крѣпости или другія доказательства» на спорныхъ поляхъ. Повидимому, дѣло рѣшено было въ пользу Матвѣевцевъ, такъ какъ эти поля остались въ ихъ владѣніи.

въ разсуждениї положенныхъ на него столь важныхъ зборовъ, же могъ ни отъ кого чимъ воспрепятствованъ быть... Всльдь за переводомъ дѣла въ Нѣжинскій судъ, назначены были для производства слѣдствія по жалобѣ Матвіевцевъ сотникъ (Кромкевичъ) Грип. Отіевскій и. зн. тов. Самойловичъ, на которыхъ обиженные жаловались, что они «несправедливо слѣдовали въ пользу Кр-го, а иль, Матвіевцевъ, бралили, сказывая при томъ: «что вамъ — разгѣ за два пальца благадѣяніе учинить» и съ онаго слѣдовія прочь согнали, а сотникъ Отіевскій Кр-ому крайній доброхотъ, п. ч. въ его, Кр-го, дѣлъ сотни, Кромкевичкую и Глуховскую, держали въ откупъ...». У насъ нѣть свѣдѣній — чѣмъ кончилось дѣло Матвіевцевъ съ Кр-мъ, но едва ли они могли его выиграть при тѣхъ поблажкахъ, которыя гетманская администрація видимо оказывала пронырливому откупщику. А. №. 1. дѣл., 25 х., 26 с. Б. №. 43 дѣл., 70 х., 12 бд. х.

С. Великая и Малая Селеніи, первая при долинѣ оз. устья Оржицы, а вторая при Сулѣ. Название сель происходит отъ слова *селеніе*, почему можно подагать, что В. Селенская, если она возникла раньше Малой, поселена на мѣстѣ древняго городища или селища, которое естественно должно было возникнуть въ такомъ защитномъ мѣстѣ, какое представляетъ уголъ образуемый Оржицей при ея владѣніи въ Сулу. Оба эти села остались свободными по отсутствію крестьянъ, а отсутствіе послѣднихъ обусловлено, вѣроатно, тѣмъ обстоятельствомъ, что приволье въ угодьяхъ дало возможность первымъ насыпникамъ настолько разбогатѣть, что они могли занять выгодное положеніе козаковъ¹⁾... Только въ пол. XVIII в. являются въ этихъ селахъ подсобѣдки, которыхъ посадили на скучленныхъ козачьихъ земляхъ сотники Пиковцы. При какихъ обстоятельствахъ производилась здесь скучля, указываетъ, напр., разсказъ 1767 г. козака В. Селенской Черкащенко, какъ, ок. 1727 г., сотникъ Ив. Пиковецъ отнялъ у его бабки 12 дней поля за два рубля, «наниты» послѣднею въ долгъ въ шинкѣ сотника. Другой козакъ того же села, Зѣнецъ Пушкиренко, рассказывалъ, что было у него поля на 6. дней и сѣнокосный помѣрежъ съ лугомъ, пересѣкимъ лозою и флькомъ; за

¹⁾ Вспомнимъ преданіе объ образованіи козачьаго сословія въ гетманщинѣ: «кѣмъ сѣли ходѣ, тогда можемъши именоваться съ козаки, а подѣйшіе остались чѣмъ мужикагъ». Опис. Ст. Малор. I, 381.

этую землю давалъ ему Великоселецкій попъ Иванъ Маеровичъ 60 р.; но около этой земли, на рч. Иржавцѣ, сотникъ Степанъ П-цъ устраивалъ хуторъ; желая къ послѣднему присоединить землю Пушкаренка, П-цъ поступилъ (1747 г.) такимъ образомъ: сначала приказалъ Пушкаренку ваять у него, П-ца, верховую лошадь для козачьей службы, требуя за лошадь сѣнокосный «помѣрокъ». А когда П-ко той лошади братъ не соглашался, то сотникъ приковалъ его къ пушкѣ на цѣлую недѣлю... И принудилъ сотникъ П-ка взять лошадь въ 25-ти рубляхъ, а ему отдать «помѣрокъ съ лугомъ, безъ поля», при чёмъ купчай П-цу онъ, впрочемъ, не далъ. Когда же Пушкаренко ушелъ въ Прусскій походъ, то П-цъ принудилъ его жену на тотъ помѣрокъ и крѣпость выдать, подъ видомъ добровольной продажи, а пахатнымъ поемъ П-цъ закладыть, потомъ, безденежно и владыль имъ до смерти, а послѣ смерти П-ца, полемъ тѣмъ продолжала владѣть жена его, вышедшая замужъ за бригадира Детилли»... Третій примѣръ еще характернѣй: сотникъ не лично отнимаетъ у козака землю, а предоставляетъ возможность этого насилия—своему пріятелю. Козакъ Кирпанъ рассказывалъ, что въ 1748 г. сотникъ Степ. П-цъ приказалъ ему «для войсковой службы исправить выборную верховую лошадь. И хотя Кирпанъ и имѣлъ такую лошадь, цѣною рублей въ 17, но только сотникъ той его лошади къ выбору не принялъ, объявивъ, что хотя бы онъ купилъ и другую, то онъ все таки лошади этой не приметъ; а приказывалъ сотникъ К-ни купить лошадь у Городисского сотника Ивана Кодинца, съ которымъ былъ въ дружбѣ. А когда онъ, К-нь, лошади у Кодинца покупать не хотѣлъ, то П-цъ тѣсnilъ его—«чрезъ цѣлую недѣлю, пушкою». И принужденъ былъ К-нь купить у Кодинца лошадь, но такъ какъ тотъ просилъ за нее 35 р., а денегъ не было, то К-нь долженъ былъ отдать К-цу вмѣсто денегъ: «леваду, съ садомъ вишневаго, сливнаго и грушеваго дерева, луку на 100 копицъ сѣна, поле пахатное дней на 15 и озеро». Земля эта находилась рядомъ съ хуторомъ Кодинца Ржавцомъ, почему послѣднему такъ и хотѣлось добыть себѣ эту землю. Впрочемъ, кромѣ лошади, К-цъ далъ К-ни еще и 15 р. деньгами. На отнятыхъ земляхъ Пиковцы заводили хутора и садили въ нихъ подсосѣдковъ, а населеніе В. и М. Селецкихъ осталось свободнымъ отъ закрыщенія, кромѣ незначительного числа подсосѣдковъ, которыхъ посадили на

своихъ земляхъ козаки же¹⁾). А. Кз. В. Селецкая — 70 дв., 99 х., 102 с. подс. сотен. есаула Юска Федоренка 3 дв., 3 х., 3 с. Кр. ильз. «Своб. двор.» — 12, въ томъ числѣ школа. Б. Кз. 86 дв., 172 х., 2 бд. х. подс. 11 дв., 15 х., 32 бд. х. М. Селецкая: А. Кз. 12 дв., 17 х., 16 с. Подс. б. т. И. Кулябки, 4 дв., 4 х., 4 с. «Своб. дв.» 15, въ томъ числѣ школа. Б. Кз. 20 дв., 45 х., 1 бд. х. Подс. 9 дв., 9 х., 10 бд. х. Кр. ильз.

С. Онушки (Онушковцы), рч. Оржица, по судьбѣ своей сходны съ Селецкими и возникли вмѣстѣ съ послѣдними. Впрочемъ, въ Онушкахъ были крестьяне, какъ это видно изъ универсала 1709 г., по которому здѣшніе послолитые были отданы въ послушаніе Лукомскому священнику Левицкому, который передъ тѣмъ устроилъ себѣ здѣсь водянную мельницу. Въ 1734 г. Онушковцы обѣ этомъ такъ разказывали: «отъ текущой по-подъ селомъ наимѣнъ Онушками рѣчки Оржицы, что отошла танка (рукавъ?) подъ онимъ же беломъ, зъ оной въ прошлыхъ, давнихъ годѣхъ, черезъ дорогу ишоль поточокъ велми малъ; а когда осѣдлостю людей оное село размножалось, загатили мы на ономъ поточку гатку для перѣѣзду всѣмъ людамъ потребного... Когда же тую гатку начала вода портить и рвать, и затѣмъ не могли мы оную удержать, въ то время оставивши оную, загатили на иншомъ мѣстцу, выше къ прописанной танци, и въ прошлыхъ же годѣхъ на оной, первіе нами гаченной гаткой, священникъ Лукомскій о. Петръ Левицкій построилъ млинъ о 3-хъ колахъ, съ согласного позволенія нашего и по позволителныхъ гетманскихъ универсалахъ»... Первый универсаль Левицкому данъ былъ Мазепинъ, 1 авг. 1708 г., — «на засыпаніе греблѣ и построеніе млинка, для пожитку своего, въ Онушкахъ, на р. Оржицѣ»; а черезъ годъ Скоропадскій позволилъ Левицкому — «отбирать послушенство отъ Онушковскихъ послолитыхъ»: «вамъ, войтови с. Онушокъ, за всѣми тамошними послолитыми людми, чрезъ сіе наше универсальное писаніе нехай будетъ вѣдомо, ижъ яко прежде сего, зъ певныхъ респектовъ нашихъ ку пречестному о. Петру Петровичу, священнику Лукомскому, писали до васъ присягніи ма-

¹⁾ Но и подсобѣдковъ было мало, такъ какъ къ 19 февр. 1861 г. въ В. Селецкой оказалось крѣпостныхъ всего 85 «ревизскихъ душъ», принадлежавшихъ семи владѣльцамъ — Познякамъ, Шароменкамъ, Тараненкамъ, Загребамъ и др. (Списокъ имѣнъ участк., волостей и обществъ Полтавск. чуб. Полтава. 1868. Въ 4.). Всѣ эти «спомѣщники» вышли, конечно, изъ козачаго населенія того же села.

шили листовъз, приказуючи, абыстро его честности во всиныхъ рабочихъ чинили послушенство, такъ и теперь тому же о. Петру передпій нашъ респектъ яляючи, симъ универсаломъ нашимъ писано грозить, мѣти хочемъ и реиментаресо приказуемъ, абыстро бесь жадной відови и спреки, о. Петру тое же отдавамъ послушенство и въ належитыхъ приказанихъ его же поводными билы... Однакожъ владѣніе Левицкихъ было не продолжительное: по ревизії 1740 г. у нихъ было адѣль всего 3 дв... посполитыхъ, а потому изъ нихъ изчезаютъ, и въ Онушкахъ остаются: одни подсобѣдки, которыхъ поселили на скиталяемыхъ группахъ Онушковскіе же посадки¹⁾. А: Кс: 43 дв., 68 х., 79 с. подс.: 1 дв., 1 х., 1 с. Кр. церкви: Луки Иса. Левицкаго З. дв., 3 х., 3 с. Б: Кс: 58 дв., 112 х., 1 бд. х. Кр. жигъ. Подс.: 12 дв., 22 х., 18 бд. х.

Д: Трибна: А: подс: Андрея Марковича 7 дв., 7 х., 7 с. Б: (Трибока) маіора Кулебки 7 бд. х.²⁾.

Д: Муравьевка: А: Кр. подионника: Луб. Апостола: 20 дв., 28 х., 32 с. Б: не показана.

Д: Самосѣдина: поселена ок. Городища (см. ниже) на рч. Кривой Рудѣ, Яковомъ Марковичемъ. А: Кр. б. т. Марковича: 8 дв., 15 х.,

¹⁾ Приводимъ адѣль характерный примѣръ изъ отрапортій сотника Пиковаца къ боярьству Онушковскому козакамъ: «1707 г., марта 24. Евангель с. Онушковъ Омѣлко Краснічай, Иванъ, Максимъ и Михаилъ Онушковъ—при сочиленіиъ въ ономъ селѣ генер. описи, въ комисіи показали, что имѣли де они при с. Онушкахъ... дѣдовскія и отческія добра (следуетъ перечисленіе), да Ивана и Максима родной братъ Хведоръ Онушко имѣть жилой дворъ съ двома избами и коморою рубленіемъ, лѣсь липового и осинового дерева и пустое ставище; и общество вѣтъ ихъ на рч. Сржикѣ рыболовно, въ длину изъ 1 версту, а ширину 30 саж., комю добрами и владѣніемъ. А годовъ тому въ 18, когда съ нихъ Хведоръ въ блудодѣяніи зобнился, то за тогъ его преступокъ показанный его дворъ и лѣсь умершій сотникъ Стефанъ Щѣковецъ насилию и безденежно отнялъ, посему онъ Хведоръ и безвѣстно сойти принуждѣнъ, а за тѣмъ его исходомъ, онъ же сотникъ насилию женихъ его Хведора Насѣца за покизаніе ставище 8 рублей, Омелку Краснічному за шомѣрокъ въ землю 2 р., Ивану за помѣрокъ, козу и лѣсь—15 р. даль, а показанною ихъ общюю рыболовною рѣчкою бесь всякой куплѣ насилию и безденежно завладѣль и на ономъ пустомъ ставищиъ предписаннаго лѣсовъ мениню водинную выстроить и владѣль по свою смерть, по смерти же его Щѣковца всѣмъ тѣмъ завладѣла и понынѣ владѣть жена его, вышедшая взамужже за брегадира Датили, Елена направлена, а ихъ ко владѣнію не допускаеть неправильно жъ». (Изъ Румынъ описы).

²⁾ Название происходитъ, повидимому, отъ слова *tryb*=мельничное колесо. См. это слово у Линде. См. также, с. Лищовку (ниже), около которой показана вод. мельница, «зовемая Тримъ».

16 с. Б. не показана, п. ч. въ 1746 г. была отсуждена Оболонскому (Зап. Як. Марковича, II, 233), который, кажется, на этомъ мѣстѣ поселилъ свою слободу *Оболоновку*. (См. ниже).

С. Ивановка. А. Кр. Лукомск. сотника Ивана Пиковца, которымъ и поселена, 13 дв., 26 х., 26 с. Б. Кр. жены подкомор. Ивана Остроградского 74 дв., 104 х., 40 бд. х.

С. Степановка, А. Не показана, такъ какъ поселена (Степаномъ Пиковцомъ) позже. Б. Кр. Подком. Ивана Родзянки 53 дв., 71 х., 22 бд. х.

Кромъ этихъ поселеній, по вѣдомости 1781 г. въ Лукомской сотнѣ показаны: 1) с. Ляшовка (см. Горошинск. сотню), 2) Слоб. Рокитна — Кодинцовъ, Кр. 32 дв., 38 х., 13 бд. х. 3) Слоб. Кривая Руда — генерала Шамшева, Кр. 42 дв., 44 х., 33 бд. х.

По ревизіи 1740 г. въ Лук-ой сотнѣ значится всѣхъ хуторовъ — 44, при чёмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что составъ Лукомской сотни къ 1781 г. вѣсколько измѣнился сравнительно съ 1740 г., почему количество хх. 1740 и 1781 гг. точно сравниваемо не можетъ быть. По вѣдомости 1781 г. въ Лукомск. сотнѣ показано хуторовъ — 43, преимущественно полков. и сотенной старшины; въ нихъ: 14 дв., 20 х., 206 бд. х. Наибольшіе хутора принадлежали в. т. Кодинцу (8 дв., 11 х., 9 бд. х.), писарю земск. и сотнику Хильчевскому (27 бд. х.), майору Крыжановскому (38 бд. х.) и друг.

Горошинская сотня была выдѣлена изъ Лукомской въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., вѣроятно, при Румянцовѣ (А. И.), котораго Безбородко, правившій тогда должность генер. писаря, убѣдилъ нѣкоторыя сотни подѣлить пополамъ и тѣмъ создать новые уряды; замѣщеніе послѣднихъ, какъ говорили, приносило Б-ку хорошіе доходы...¹⁾ Въ 1764 г. лѣвобережная часть Горошинской сотни, повидимому, была перечислена въ составъ тогда же учрежденной Новороссійской губерніи, но въ слѣдующемъ году это отчисленіе было отмѣнено²⁾). Горошинская сотня занимала оба берега Сулы, начиная отъ устья рч. Оржицы и оканчивая примѣрно устьемъ той рѣчки, которую впослѣдствіи стали называть Буромкою. Правый берегъ, какъ нагорный и кромъ того орошаемый двумя-тремя притоками Сулы, заселился раньше. Лѣвый

¹⁾ Русск. Арх. 1875 г., I, 813.

²⁾ Записки Як. Марк., изд. 1859 г., II, 395.
отд. п.

берегъ, какъ представлявшій почти єдни низыны, до XVIII в. былъ почти совсѣмъ пустъ; заселился же онъ, главнымъ образомъ, въ срединѣ XVIII в. Изъ Горошинскихъ сотниковъ извѣстны Григорій Довгій (1739—740) и Петръ Сахновскій (1756—763). Послѣдній, будучи уроженцемъ Черниговскаго полка, получилъ Горошинское сотничество, конечно, по свойству съ генер. писаремъ Безбородкомъ¹⁾. Близостью къ Безбородку слѣдуетъ объяснить и то особое участіе, которое Сахновскій принималъ въ дѣлѣ Клищинскихъ козаковъ. (См. с. Клищинцы въ Чигр.-Дубр. сотнѣ).

М. Горошинъ, р. Сула, извѣстенъ съ к. XI в.; въ лѣтописи подъ 1084 г. говорится: «гонихомъ Половды за Хороль, иже Горошинъ взяли». Запустѣвшій послѣ татарскаго разоренія, Г. вспоминается затѣмъ лишь въ к. XVI в. (см. стр. 98). Отновленный Г. привлекъ къ себѣ первоначальное населеніе удобствомъ устройства здѣсь водяныхъ мельницъ, при Горошинской чрезъ Сулу плотинѣ. Въ 1618 г. Г. называется еще *новою осадою*²⁾; по списку Шефельцкаго здѣсь значится 341 «господарей» и 15 мельничныхъ «коя». Во втор. пол. XVII в. Г., благодаря своему мѣстоположенію, стала значительнымъ поселеніемъ; по ревизіи 1729 г. здѣсь было 170 крест. двор., кромѣ козаковъ; но черезъ 15-ть лѣтъ—ихъ осталось всего лишь 50. Убыль эта произошла, повидимому, отъ выселенія Горошинцевъ въ тѣ слободы и хутора, которая стала здѣсь садить мѣстные сотники Пиковцы и друг. сотенная старшина. Свободными Горошинскіе крестьяне оставались до 1744 г., когда отданы были по именному указу императрицы Елизаветы, въ пріѣздѣ ея въ Малороссію, генер. бунчучному Демьяну Оболонскому. Указъ гласилъ: «пожаловали мы генер. бунчучного Демьяна Оболонского за его службы въ Мал. Россіи... въ Лубенскомъ полку, въ сотнѣ Лукомльской, селомъ Горошиномъ, со всѣми принадлежностями, кромѣ обрѣтающихся тамъ козаковъ и ихъ грунтовъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе...» Причиною необычайной милости императрицы, было, какъ говорить преданіе,—сходство въ лицахъ жены Оболонского съ матерью императрицы Екатериною I³⁾.

¹⁾ Безбородко и Черниг. обозный Иванъ Сахновскій женаты были на родныхъ сестрахъ, а Горошинскій согнікъ былъ сыномъ этого обознаго.

²⁾ *Zrdla Dziejowe*, XXI, 283.

³⁾ Дн. Записки Як. Марковича, изд. 1859 г., II, 218. За это сходство, кромѣ пожалованія маєтностями, императрица еще крестила у Оболонского дочь, при чёмъ подарила его женѣ 400 червонцевъ и полштуки штофу. Т. ж., 213.

Въ приведенномъ указѣ интересно, что Горошинъ названъ селомъ *Лукомльской сотни*, въ то время, какъ Горошинъ въ 1744 г. былъ сотеннымъ мѣстечкомъ и даже городкомъ, какъ иногда его называли въ дѣловыхъ бумагахъ. Повидимому, это обстоятельство преднамѣренно было скрыто предъ тогдашнимъ правителемъ Малороссіи Бибиковымъ, такъ какъ такой грубой ошибки не могла сдѣлать генер. канцелярія, изъ которой вѣроятно было взято это свѣдѣніе для написанія указа... Преднамѣрность ошибки тѣмъ правдоподобнѣе, что генер. бунчучный Оболонскій былъ человѣкъ вообще очень изворотливый... Былъ онъ сыномъ Сосницкаго сотника, женатаго на падчерицѣ Глуховскаго сотника Ялоцкаго, который умирая оставилъ значительныя свои маestности вдовѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Но кромѣ пасынка была еще и падчерица—мать Оболонскаго, о которой въ завѣщаніи отчима не было ничего сказано. Занимая видное положеніе въ Глуховской администраціи, Мануйловичъ, повидимому, проводилъ въ люди и родного своего племянника Оболонскаго. Это обстоятельство не помѣшило послѣднему начать противъ дяди судебный процессъ за наслѣдство Ялоцкаго. Процессъ Оболонскому былъ выигранъ уже послѣ смерти Мануйловича, при чёмъ онъ получилъ большую и лучшую часть имѣній Ялоцкаго¹⁾). Отсюда видно, какимъ практикомъ въ жизни былъ Оболонскій. Также точно онъ воспользовался и неожиданно полученнымъ Горошиномъ, поотнимавъ у соседей земли изъ подъ ихъ слободъ на томъ основаніи, что ему отданы *всѣ Горошинскія земли*, кроме козачьихъ. Для этого Оболонскій, прежде всего, привель въ извѣстность границы принадлежавшихъ къ Горошину земель; границы эти, указанныя мѣстными старожилами, были слѣдующія: «по правую сторону внизъ по р. Сулѣ до урочища Оманчи, что надъ р. Сулою, *разстояніемъ отъ Горошина верстъ на 18-ть*, а отъ Оманчи, возвратясь чрезъ р. Сулу, на урочище Пришибъ, а отъ Пришиба на Робленую могилу да на Бикуновъ станъ, а отъ Бикунового стану на Острую могилу и на Маслачики на Ромодановскую дорогу; отъ Ромодановской же дороги на Чуйковъ крестъ и на Голыя могилы, на Жостѣръ и до саги, вверхъ р. Сулы, до старинного пере-

¹⁾ Опис. Стар. Малор. II, 423. — О выигрышѣ процесса съ Пироцкимъ, наследникомъ Мануйловича, Марковичъ замѣтилъ въ своемъ *Дневнике*: «Оболонскій надъ Пироцкимъ въ судѣ выигралъ *по честной своей претензіи.*» (29 мая, 1746 г.) Авторъ *Дневника* хочетъ сказать о бевиравственности процесса со стороны Оболонскаго...

возу Горошинского, а отоль внизъ р. Сулою паки до Горошина». Въ этомъ описаніи можно узнать теперешнее Посулье, простирающееся отъ с. Калкаева до с. Демьянки; заключало оно въ себѣ десятки верстъ... На этомъ пространствѣ мѣстно старшино было поселено нѣсколько слободъ и хуторовъ, о снесеніи которыхъ Оболонскій и началъ въ генер. судѣ дѣла. Дѣла эти онъ выигралъ, такъ какъ даже и такой казуистъ, какъ Яковъ Марковичъ, и тотъ долженъ былъ снести свои—слободу Самосѣдовку и х. Криворудскій¹⁾). На мѣстахъ бывшихъ слободъ и хуторовъ, Оболонскій самъ началъ садить тѣ же слободы и хутора и садилъ ихъ, повидимому, очень успѣшно, такъ какъ наследникамъ своимъ оставилъ вмѣсто Горошинскихъ степей—нѣсколько сель. У Оболонского было два сына, Демьянъ и Александръ, и дочь Надежда. Главная часть наследства генер. бунчучаго почему то перешла къ одному сыну его Демьяну, который къ к. XVIII в. сталъ однимъ изъ видныхъ богачей въ Малороссіи²⁾). А. Кз. 78 дв., 107 х., 117 с. Пдс. сотника Долгаго и друг. лицъ, въ томъ числѣ и козаковъ, 26 дв., 26 х., 26 с. Кр. сооб. 35 дв., 35 х., 38 с. «Своб. двор.»—56, въ томъ числѣ «старцовъ»—12 дв., компанейцевъ—20 дв., шинковъ—2, школа, «шпиталь». Хуторовъ Горош.—7. Б. Кз. 111 дв., 167 х., 26 бд. х. Кр. пр.-майора Оболонского (Демьяна?) 77 дв., 108 х., 78 бд. х. Пдс. разн. лицъ 12 дв., 16 х., 36 бд. х.

Поселенія праваго берега Сулы.

М. Оржица, рч. Оржица, недалеко отъ ея впаденія въ Сулу. Оржица возникла не позже нач. XVII в., такъ какъ въ 1649 г. могла быть уже центромъ особой Оржицкой сотни, входившей въ составъ Крапивянского полка. Но дальнѣйшій ростъ этого поселенія былъ прер-

¹⁾ Днєвн. Записки, II, 233.

²⁾ У Демьяна Дем-ча Оболонского (въ 1767 г.—бунч. товар, а въ 1798 г.—коллежск. совѣтникъ) въ к. XVIII в. было 7830 душъ крест. об. пола, въ слѣдующихъ имѣніяхъ: въ м. Горошинѣ—1509, с. Оболони—1895, с. Демьянівкѣ—952, д. Липнигахъ—645, д. Новоселицѣ—453, с. Степановкѣ—517, м. Еремѣевкѣ—119, с. Калайдеицахъ—44, г. Глуховѣ—55, с. Уадицѣ—20, с. Семеновкѣ (Глуховск.)—127, с. Бачевскѣ—295 и д. Степановкѣ (Глуховск.)—209 Женатъ Д. Д. Об. былъ на Надеждѣ Александровнѣ Якубовичъ, дочери Прилуцкаго полковника. Дочь Об-аго Надежда была замужемъ за сербомъ Родиономъ Степановичемъ Пламенацомъ, при чемъ въ приданое получила отъ отца Хорольское село Вишняки. Пламенацъ былъ Гадацкимъ полковникомъ и имѣлъ (купленныхъ) болѣе 1700 д. крест. (Гадичъ, Розбышовка, Сватки, Лучка, Венславовка и х. Оксаковщина), всѣ эти имѣнія Пламенаца, за его бездѣтствомъ, впослѣдствіи перешли къ Оболонскимъ.

ванъ татарскими нападеніями во время козацкихъ междуусобий, начавшихся послѣ смерти Б. Хмельницкаго; въ это время Оржица, находясь на «шляху татарскомъ» (см. стр. 98), была разорена и почти запустѣла. Въ универсалѣ Дорошенка (июнь 1668 г., подъ Срѣбнымъ) читаемъ: «видячи мы мѣстечко Оржицу запустощенное и знищеннное, обывателей тамошнихъ подъ нашу особливую беремо оборону, отъ вшелякихъ тяжаровъ уволняющи. Теди мѣти хочемъ и пилно приказуемъ, абы жаденъ зъ старшины, чернѣ войска Запорозскаго зъ высланнихъ нашихъ, и чатовниковъ, и ватажниковъ, купами и поединдемъ, чрезъ Оржицу ъдуучимъ, становисками, noctыгами, попасами, отпочивками, вымаганнемъ стацій и якихъ колвекъ датковъ, бранемъ подводъ, овшемъ шарпанинами и найменшими трудностями обывателей Оржицкихъ обтяжати и аgravовати не вожился, подъ срокимъ войско-вымъ каранемъ». Изъ другого Дорошенкового универсала 1669 г. видно, что при разореніи Оржицы разорена была и церковь: «поглядающи на знищеніе людей Оржицкихъ, а зычачи хвалы божіей умно-женя, якосмо прошлого року перевозъ човновій на рѣцѣ Оржици будучій на будоване церкви тамошное конферовали, такъ и теперь, поневажъ еще въ будовли церковь не взяла скутку, тотъ же перевозъ надаемъ къ обивателемъ Оржицкимъ, аби доходъ приходячій зъ него отбирали, толко жъ не на свою, але на церковную потребу оборо-чали...»¹⁾.

Оправившись отъ разоренія, О-ца вошла въ составъ Лукомской сотни и до 1734 г. оставалась свободною, а въ этомъ году отдана была Требинскимъ. Это были сербы, вышедши въ Малороссію вмѣстѣ съ другими земляками, при Петрѣ В., за обѣщанными тутъ «деревнями на пропитаніе», за службу въ войну съ турками²⁾. Требинскихъ выпло-

¹⁾ Румянц. Опись.

²⁾ О своемъ происхожденіи Славуї Требинскій разсказывалъ такъ: «Онъ, Сла-вуї, былъ у венеціанъ воеводою въ Кощелновомъ (Кастель-ново) и въ 1711 г., во время бывшей съ салтаномъ турскимъ войны, ревностию по благочестію пришелъ отъ туду къ нимъ въ Монтенегрию, съ компаніею своею, для службы царскаго величества, оставилъ тамъ всякую честь и получаемое жалованье, и служилъ противъ турковъ, всего христіанства непріятелей, вѣрою, плати на компанію деньги свою и бытъ съ нимъ (?) въ совѣтѣхъ, за что домъ его и маєтности венеціане разорили и сродники его странствуютъ въ чужихъ сторонахъ; того ради, желая остатца въ Россійскомъ государствѣ, и въ 1715 г. царское величество пожаловалъ его, воеводу Славуї, за тѣ его показанные службы, во знакъ нашей царского величества милости, нашимъ пар-

три брата, Славуи, Алексе́й и Максимъ; всѣ они поселились почему то въ Лубенскомъ полку и отсюда въ тридцатыхъ годахъ, не дождавшись обѣщанныхъ деревень, обратились въ иностранную коллегію дѣль и просили по «убожеству» дать имъ два села—Круподеринцы и Савинки (Яблоновск. сотни). Коллегія нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скучности, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ предписано было Шаховскому дать Требинскимъ въ Лубенскомъ полку 70 дворовъ. А когда дворы эти Шаховскимъ были даны въ Оржицѣ и въ Плеховѣ, то Требинскіе стали хлопотать о формальномъ отводѣ имъ пожалованныхъ маєтностей, при чёмъ настаивали, что поселенные вокругъ Оржицы хутора также должны войти въ составъ пожалованія. Послѣ долгихъ хлопотъ, въ 1743 г. изъ генер. к-ри посланы были капитанъ Нѣмчиновъ, б. т. Иванъ Бѣрло и в. тов. Ст. Холодовичъ, которые назначили слѣдующія границы пожалованнымъ землямъ: «начавъ отъ м. Оржицы, вгору, стрижнемъ рѣчкою Оржицею до лѣска, зовемого Верпетина-стѣнка, и тамо на дубѣ крестъ вырубленъ; тамъ же другого дуба порубленного пень виденъ, на которомъ былъ крестъ вырубленъ, по сказкамъ старожиловъ, асауломъ полк. Луб. Иваномъ Павловичемъ съ другими товарищи, когда ограничение чинено было между Оржицею и Денисовкою. А съ того лѣска Верпетиной стѣнки пошелъ плугомъ заоръ въ степъ на двѣ могилки; а съ тихъ могилокъ на третью могилу, которая лежить по семъ боку шляху, идучаго въ Оржицѣ до Денисовки; а съ той могилки чрезъ оній шляхъ до трохъ могилокъ, гдѣ и крестъ выкопанъ; а оттуда на могилку зовемую Товстую, а отъ той могилы чрезъ шляхъ, идучій изъ Оржицы до Золотоноши, а оттудова, чрезъ великий Злодѣйскій шляхъ, идучій зъ Веремѣевки до Савинецъ; а оттудова степомъ по-за озерами до степу Ирклѣвскаго и по край того степу до вершины балки Буромки, по тое мѣсто, гдѣ Злодѣйскій шляхъ чрезъ ту балку переходить; а по-надъ тою балкою Буромкою и по-надъ дорожкою, идучою изъ Буромки до шляху Злодѣйскаго и до шляху, идучаго зъ

третомъ ему же воеводѣ Славую, за тѣ его показанія службы и за утрату пожитковъ, повелѣно быть въ нашихъ Малороссійскихъ городѣхъ и дать на пропитаніе деревню». Арх. генер. канц., № 8768.

Оржицъ до Ирклѣва; а отъ той дороги по-надъ тою дорожкою до могилъ Трохъ-Братовъ, а отъ тихъ могилъ на могилу стоячую при урочиши Троцкого, гдѣ крестъ викопанъ; а отъ могилы черезъ дорожку, идущую зъ Мокнача до Иржавця и чрезъ ярокъ къ шпилю окопу, лежачаго коло левады атамана Оржицкого Антона Сеперенка, близъ его хутора, гдѣ внизу на болотѣ, отъ Сули рѣки западшомъ, стоять вербы, съ которихъ на одной крестъ вирабали; а тимъ болотомъ просто къ стрижню Сули рѣки; а тимъ стрижнемъ въ гору до того мѣста, гдѣ Оржица рѣчка въ Сулу впада, а тою рѣчкою Оржицею вгору стрижнемъ, по-узъ село Плеховъ къ мѣстечку Оржицѣ и тако на семъ боку рѣчки Оржицѣ ограниченіе мѣстечку Оржицѣ и селу Плехову окончилось...» Получивъ вмѣстѣ съ этими землями и Оржицкихъ крестьянъ въ свое владѣніе, Требинскіе почему нашли болѣе удобнымъ выселить ихъ изъ Оржицы въ особую слободу; это видно изъ того, что показанные по ревизіи 1740 г. 15 крест. дворовъ Требинскихъ въ Оржицѣ, по вѣдомости 1781 г.—уже незначатся, но вмѣстѣ у Требинскихъ является около Оржицы новая слобода—Чутовка, земли которой входили въ границы сдѣланнаго въ 1743 г. отвода. За то къ к. XVIII в. въ Оржицѣ, сравнительно съ 1740 г., увеличилось число подсобѣдковъ, которыхъ тутъ садила преимущественно жѣстная старшина, при помощи своего начальническаго вліянія. Напр., по купчей 1763 г., Оржицкій козакъ Голубъ продаетъ своему сотнику Петру Сахновскому ниву за 2 р. 40 к.—«для покупки къ войсковой службѣ шабли». А. Кз. 75 дв., 111 х., 123 с. Пдс. Оржицкихъ козаковъ—5 дв., 5 х., 5 с. Кр. Славуя Требинскаго 15 дв., 16 х., 16 с. Кроме того, «свободныхъ» двор.—33, изъ которыхъ 14 принадлежать «компанейцамъ». Хуторовъ ок. Оржицы—8. въ нихъ: Б. Кз. 108 дв., 182 х., 29 бд. х. Кр. «разн. влад.» 1 дв., 1 х., 5 бд. х. Пдс. разн. влад. 24 дв., 38 х., 55 бд. х.

С. Плеховъ, устье рч. Оржицы. Судя по названію, тождественному съ старымъ Черниговскимъ селомъ (рч. Пакулька) можно предполагать, что Оржицкій Плеховъ поселенъ выходцами изъ-подъ Чернигова. Это могло случиться въ 1651 г., когда по свидѣтельству Самовида, «ко-зацтво, востающе въ городакъ (т. е. въ сѣверной Малороссіи) воинъ следило зъ тихъ городовъ, кидаючи набытки свои у городъ, къ Полтавѣ и тамъ слободы поосаживали...» Въ 1734 г. Плеховскіе крестьяне

были отданы Требинскимъ¹⁾. (См. м. *Оржица*), за которыми и оставались до к. XVIII в. А. Кз. 26 дв., 44 х., 56 с. Пдс. 4 дв., 4 х., 4 с. Кр. Слав. Требинского 5 дв., 6 х., 5 с. Свободн. дв.—20, изъ нихъ компанейцевъ—14. Хуторъ—1. Б. Кз. 27 дв., 82 х., 3 бд. х. Кр. б. т. Данила Требинского, 15 дв., 23 х., 9 бд. х. Пдс. 1 дв., 1 х., 14 бд. х.

С. Чутово, р. Сула, поселено послѣ 1740 г., Требинскими, при чёмъ сюда были, повидимому, переведены крестьяне ихъ и изъ м. Оржицы. (См. выше). Б. Кз. нѣть. Кр. подполк. Ив. Требинского съ братьями, 57 дв., 76 х., 23 бд. х.

С. Мохначъ, при устьи небольш. рч., впадающей въ Сулу, поселеніе перв. пол. XVII в.²⁾. Крестьяне отданы Мазепою Луб. протопопу Якову Орѣховскому, которому затѣмъ подтвердилъ ихъ и Скоропадскій, по универсалу 1709 г.; отъ Якова это имѣніе перешло къ его внукамъ, изъ которыхъ Иванъ былъ тоже Луб. протопопомъ, а Михаилъ—сотникомъ Лукомскими. Затѣмъ, къ к. XVIII в. владѣніе Орѣховскихъ въ Мохначѣ исчезаетъ, а взамѣнъ являются здѣсь ранговые крестьяне Луб. полковника. Какъ это случилось— объяснить не умѣемъ. А. Кз. 8 дв., 12 х., 14 с. Пдс. 11 дв., 16 х., 16 с. Кр. Луб. протоп. Ивана Орѣховского, 26 дв., 29 х., 29 с. Своб. двор.—20 и хут.—2. Б. Кз. 12 дв., 24 х., 1 бд. х. Кр. раптов. Луб. полк. 43 дв., 56 х., 14 бд. х. Пдс. 2 дв., 3 х., 4 бд. х.

М. Буромна (Буромля), небольш. притокъ Сулы, называющіяся Буромкою. Поселеніе Б-ки должно быть отнесено къ к. XVI или нач. XVII в. Въ книгѣ Больш. чертежа Б-ка упомянута какъ «градъ Буромля». Можетъ быть, что название Буромли перенесено на лѣвый берегъ переселенцами изъ Буромли Волынской, какъ съ лѣв. берега оно перенесено затѣмъ въ Слободскую Украину³⁾. Есть свѣдѣніе, что Буромцы во втор. пол. XVII в. переселялись и въ значительномъ количествѣ въ Горошинъ, конечно, ради лучшихъ экономическихъ условій въ послѣднемъ. О

¹⁾ «Включивъ изъ с. Плехова посполитыхъ два двора, кои по прежнему свободными находиться должны»—сказано въ универсалѣ.

²⁾ Рѣчка эта иногда наз. Мохначемъ, но, конечно, такъ ее называли по имени села, такъ какъ вся небольшая рѣчки, не имѣвшія особыхъ названій при возникновеніи около нихъ поселеній, получили названія сихъ послѣднихъ. *Мохначъ* напоминаетъ старинное Черниговское село *Мохнатинъ*...

³⁾ М. *Боромль* въ Дубенск. у. и м. *Боромля* въ Ахтырск. у.

такомъ переселеніи говоритъ актъ 1697 г.— «мы, обыватели бывшіе Буромскіе, а теперъ остаемъ Горошинскіе, Хведоръ Иваненко, атаманъ Горошинскій, и при мнѣ товариства версвтового: Ивана Иващенка, Матвія Лысого и т. д. и при томъ тожь биттю Мойсея Рочка, кти-тора Спасского изъ братію того жъ храму церкви божой, Хведора Козулѣ и проч., и при многихъ тамъ товариства, яко и братства церковного, чинимъ всѣмъ вѣдомо такъ обывателемъ Горошинскимъ, тежъ и стороннимъ людямъ, ижъ по обрадѣ и позволенію выше помянутихъ особы, видячи п. Василя Леонтіевича, зятя Кулябчиного, обывателя Лубенского, же зъ нами посусѣдску отъ которыхъ часовъ жючи, и жадного человѣка запромежку нась, Горошинцовъ, нѣкого не оскорбивъ, а теперъ просить насть, мешканцовъ, абысмо ему зъ ласки людей добрыхъ, подали луку волную на сѣножать у кгрунтъ Буромскомъ. Теди мы давши мѣстце прозбѣ п. Василя, позволяемъ ему, п. Василю Леонтіевичу, зачавши верху Буромки, отъ крайнего лѣсу, хуторомъ ставши, усю Буромку угорѣ собѣ въ сѣножать изняти и сѣно косити для своего добра...»¹⁾). Изъ этого акта видно, что зятю Кулябки отдѣлено было значительное пространство побережій рч. Буромки въ ея верховьяхъ; значитъ, населеніе городка Буромки было невелико и въ землѣ не нуждалось. Здѣшнее посполитое населеніе, начиная уже съ Зеленскаго, находилось въ ранговомъ владѣніи мѣстныхъ полковниковъ, а послѣ упраздненія полковаго управлениія было пожаловано Безбородку въ числѣ 2000 душъ²⁾). Во время нахожденія ранговыхъ имѣній въ вѣдѣніи скарбовой канцеляріи, Требинскіе захватили часть Буромскихъ земель и Безбородку пришлось вести съ ними судебные процессы. Въ 1797 г. Б-ка писалъ къ Г. П. Милорадовичу:

¹⁾ Въ концѣ акта приписка: «И тожь Василь Леонтіевичъ, видячи ихъ такую любовь и склонность, и за туу ихъ ласку дарую на церковъ божию Спасскую бѣлого же лѣза 150 аркушовъ, ризы, килимъ шпонскій, воздухъ табиновій въ потребами едамашковими, воздушковъ два меньшихъ едамашковіе, параквицѣ двое, едини едомашковіе, а другіе лудановіе. А если мене Господь подержитъ, обѣцуюся церкви божой не запоминати. Еще и могоричу далемъ тимъ же Горошинцамъ вѣдерокъ три.—По всякихъ церемоніяхъ зволилемъ я Василю Л-чу на прозбу обывателей Горошинскихъ обицываемъ и дароваемъ на церковъ божию Горошинскую грощей готовыхъ пять (?) до чого еще позволяю дворище Романовское, мнѣ зосталое по блаженной памяти отца моего второго Ивана Кулябки, и комурку, на томъ же мѣстцу въ дворѣ стоящую...»

²⁾ «Кн. Безбородко», Н. Григоровича, I, 90.

«надѣяся на вашу ко мнѣ дружбу и на самую справедливость вашу, прошу васъ всепокорно охранять меня противъ вашихъ земляковъ (Милорадовичи по происхожденію—сербы) драгихъ юнаковъ: Эрцыговачей, Угричичевъ, Требинскихъ, а болѣе всѣхъ извѣстныхъ Новака и старого Данила (Требинскаго), которые по привычкѣ называть—наша земля, наше небо,—ищутъ присвоить и отъ дачь моихъ Буромскихъ къ ихъ деревнямъ Мохначу, Чутову и Плехову...»¹⁾. А. Кз. 12 дв., 17 х., 20 с. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 с. Кр. рангов. Луб. полковн. 87 дв., 109 х., 111 с. Своб. дв.—42, въ томъ числѣ *старцевъ* (нищихъ)—6 и *компанейцевъ*—15. Б. Кз. 32 дв., 56 х., 7 бд. х. Б. ранг. Луб. полк. 151 дв., 228 х., 65 бд. х. Пдс. 1 дв., 1 х., 2 бд. х.

С. Ляшовка, двѣ рѣчки, называемыя въ бумагахъ Буромкою и Ляшовкою. Поселеніе перв. пол. XVII в. По универсалу 1719 г. отдана Славую Требинскому, сотнику Иркліевскому, какъ «доставшаяся ему за женою Еленою Пиковцевою, бывшею въ замужъ за умершимъ сотникомъ Вас. Пиковцемъ, по универсаламъ прежнихъ гетмановъ...» Затѣмъ, Л-ка была возвращена сыновьямъ В. Пиковца и досталась Степану, дочерью котораго Ульяною была продана Вас. Родзянкѣ. (См. выше стр. 110) Ляшовка представляла богатую маетность, какъ видно изъ описанія ея въ купчей 1762 г.—«при томъ же селѣ гребля на рѣчкѣ Буромкѣ и мельница о 2-хъ колахъ, да другая весняная мельница на той же рѣчкѣ, зовемая *Трибъ*²⁾», при ономъ селѣ футоръ, прозвыв. *Горбовка* съ мельницею лодейною, сѣнокосныя луки: Дубровна, Высокая, Потапова, Нистулинъ Кутъ да хуторецъ противъ Горбовки поселенный». А. Кз. 45 дв., 64 х., 70 с. Пдс. 3 дв., 3 х., 3 с. Кр. канцеляриста суда генер. Ст. Пиковца, 41 дв., 52 х., 65 с. Своб. дв.—28. Б. Кз. 51 дв., 115 х., 6 бд. х. Кр. б. т. Вас. Родзянки, 69 дв., 107 х., 22 бд. х. Пдс. 11 дв., 16 х., 24 бд. х.

С. Мал. Буромка, рч. Буромка, возникла изъ хутора, устроеннаго Василіемъ Леонтовичемъ на землѣ, подаренной ему Горошинцами въ 1697 г. (см. м. Буромка, стр. 137). Въ нач. XVIII в. возникли споры за земли, присоединенные къ хутору Леонтовичемъ, вслѣдствіе чего сыновья Василія Леонтовича Федоръ и Яковъ *Базилевичи* (т. е. Васильевичи) обратились къ Апостолу, который и утвердилъ за ними

¹⁾ Тамъ же, II, 536.

²⁾ См. выше стр. 128, гдѣ указана д. *Трибка*.

земли около ихъ хутора—«въ ширину, верстъ якбы четири, а вгору, до вершины (рѣчки Буромки) верстъ больше шести». Ни по ревизії 1740 г., ни по вѣдомости 1781 г. м. Б-ка—не показана.

Сл. Скаржиновка (Крестителево), вершина рч. Буромки, поселена въ пол. XVIII в. Луб. полков. сотникомъ Михайломъ Скаржинскимъ. Первая церковь построена здѣсь, тѣмъ же Мих. Скаржинскимъ, въ 1779 г.¹⁾. А. Кр. сотника Скаржинского 11 дв., 11 х., 12 с. Б. Кр. Скаржинскихъ, 55 дв., 64 х., 56 бд. х.—Основатель слободы былъ Литовскій шляхтичъ Александръ Скаржинскій, который по окончаніи наукъ въ «Оршинской академіи», служилъ переводчикомъ латинскаго и польскаго языковъ при «генералитетѣ» русской арміи во время войны съ Польшею (1736 г.). Въ это время Ск-ій принялъ православіе, а по окончаніи войны просилъ у тогдашняго правителя Малороссіи награжденія. Вслѣдствіе этой просьбы Ск-ій, въ 1737 г., былъ назначенъ Лубенскимъ полк. сотникомъ, по предварительномъ представленіи отъ Киевскаго архіепископа Рафаила Зaborовскаго удостовѣренія, что Ск-ій «въ правилахъ кафолического исповѣданія вѣръ утвержденъ». Принявъ православіе, Ск-ій вместо Александра сталъ зваться Михайломъ. Сотникомъ Ск-ій оставался до 1750 г. Во время своего сотничества Ск-ій и поселилъ настоящую слободу. Онъ оставилъ трехъ сыновей Петра, Михаила и Ивана; изъ нихъ Михаилъ былъ сотникомъ 2-й полк. сотни, а послѣ введенія губ. учрежденій—Лубенскимъ повѣтовымъ маршаломъ, а Иванъ—сначала Луб. полк. хоружимъ, а потомъ—Золотоношскимъ повѣтовымъ маршаломъ²⁾.

Поселенія лѣвао берега Сулы.

С. Калнаевъ, р. Сула, возникъ не позже перв. пол. XVII в. Посполитые остались свободными, при чёмъ, повидимому, значительная часть ихъ переписалась въ козаки. А. Кз. 22 дв., 36 х., 39 с. Пдс. ильз. Кр. свб. 4 дв., 4 х., 4 с. Своб. дворовъ—6. Б. Кз. 41 дв., 60 х., 16 бд. х. Кр. коронныхъ—3 дв., 4 х. Пдс. 7 дв., 10 х., 1 бд. х.

Д. Наромъ, неизнач. притокъ Сулы, возникло не позже полов. XVII в. А. Кз. 20 дв., 31 х., 31 с. Кр. свб. 2 дв., 2 х., 2 с. Свободн. двор.—3. Б. Кз. 35 дв., 51 х., 4 бд. х. Кр. ильз. Пдс. 3 дв., 3 х.

¹⁾ Полтавск. губ. вѣд. 1874 г., № 19, стр. 771.

²⁾ Киевск. Стар. 1898 г., іюнь, 399.

С. Худолѣвка, оз. Синебоково, возникла не позже перв. пол. XVII в. По универсалу 1715 г. Скоропадскій подтвердилъ вдовѣ полковника В. Савича—с. Худолѣвку съ «степомъ» Строкачами; эти маєтности пріобрѣтены были Савичемъ, какъ кажется, безъ всякаго участія гетманской власти, можетъ быть, по преемству отъ Зеленскаго. Предполагая, что владѣть Худолѣвкою Савичъ могъ только при наличности посполитаго населенія, слѣдуетъ допустить, что это послѣднее было переселено на степь Строкачи, такъ какъ уже въ 1740 г. въ Худолѣвкѣ крестьянъ не было, а на Строкачевской степи явилось довольно значительное поселеніе. Мы уже видѣли, что сыновья полковника Савича Худолѣвку и Строкачи продали Любистку, послѣ смерти котораго эти имѣнія перешли къ Полторацкимъ. А. Кз. 56 дв., 78 х., 90 с. Пдс. 10 дв., 10 х., 10 с. Кр. нѣтъ. Свободн. двор.—12. Б. Кз. 56 дв., 114 х., 3 бд. х. Кр. нѣтъ. Пдс. 20 дв., 37 х., 20 бд. х.

Д. Строкачи, поселены на степи того же имени Савичами, (повидимому, сыновьями полковника). Вмѣстѣ съ Худолѣвкою проданы Любистку. (См. выше). А. не показаны. Б. Кр. ст. сов. Полторацкаго, 37 дв., 56 х.

Д. Жостеръ¹⁾ (Нов. Калкаевъ) поселенъ сотникомъ Василіемъ Пикковцомъ ок. 1715 г., а когда П-цъ умеръ, то тогдашній полковникъ Марковичъ отнялъ этотъ хуторъ у его вдовы и впослѣдствіи передалъ его сыну Якову (см. стр. 123). Жостеръ не былъ отобранъ Оболонскими, можетъ быть, потому что устроенъ былъ, повидимому, на земляхъ Калкаева, почему впослѣдствіи и перемѣнилъ свое старое название Жостеръ на—Нов. Калкаевъ. Находясь по близу съ Строкачами, владѣльцы Жостера постоянно спорили съ владѣльцами послѣднихъ изъ за земельныхъ захватовъ. Въ маѣ 1750 г. въ дневнике Як. Марковича записано: «староста пишеть, что Любистковъ (люди) въ Жостерѣ воловъ взяли, скотъ со степу согнали и сбили, овецъ много побили и пастуховъ до полусмерти били». А. Кр. генер. подскарб. 11 дв., 11 х., 11 с. Б. Кр. подпоруч. (Михайла) Марковича 22 дв., 37 х., 7 бд. х.

Согнавъ съ Кривой-Руды слободы и хутора, Оболонскій поселилъ свои три слободы — Оболоновку, Новоселицу и Липняги. Въ 1781 г. въ

¹⁾ Жостеръ=thamnus catharticus.

Оболоновкѣ было: 151 дв., 168 х. и 11 бд. х., въ Новоселицѣ—39 дв., 49 х. и 10 бд. х. Населеніе Липняговъ не показано. Кроме этихъ Криворудскихъ слободъ, Оболонскій поселилъ еще одну—Демьяновку, при Сульскомъ заливѣ; на границѣ съ Чигр.-Дубр. сотнею; въ 1781 г. въ ней было 85 дв. и 100 х.—По вѣдомости 1781 г. въ Горошинской сотнѣ показано всѣхъ хуторовъ—95, въ нихъ: 113 дв., 274 х. и 274 бд. х. Болѣе значительные хутора принадлежали козакамъ Крысамъ, Симонамъ, Крикунамъ и Слинкамъ; въ хут. коз. Крысы было:—24 дв., 38 х. и 15 бд. х.

Чигриндубровская сотня занимала оба берега Сулы, при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣніи, но раньше тутъ были поселенія. Монахи Кіевскаго Пуст.-Никольскаго м-ря сохранили интересный документъ, по которому дворянинъ Михаилъ Павша въ 1512 г. завѣщалъ Никольскому м-рю «селище Климятинъ, у Черкасскому повѣтѣ, на Днѣпрѣ, ниже Черкасъ» со всѣми угодьями и «съ Сулскимъ входомъ, што въ Сулѣ рѣцѣ Климятинскіе входы» и совсѣмъ тѣмъ, «што изъ старины къ тому Климятину тягло и прислушало»¹⁾). Въ границы Климятинскихъ земель монахи включали, помѣтъ, побережье Днѣпра отъ уроцища Бѣлобережья до озера Дубка», на пространствѣ 25 верстъ, и—вверхъ по Суле—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра. На земляхъ Климятинскаго селища монахи, въ томъ же XVI-мъ вѣкѣ, успѣли устроить, по видимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель производилось уже помимо монаховъ, нахлынувшими сюда съ конца XVII-го вѣка населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое заселяло эту пустынью сначала по своему произволу, а потомъ по позволенію захватившихъ Посулье Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣренію, на самомъ Климятинскомъ селищѣ, и добились въ 1612 г. решения Люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого решения въ исполненіе не смогли... (см. ниже, м. Жовнинъ). Когда же поляки были удалены изъ лѣвобережной Украины, то Пустынно-Никольскіе монахи немедленно предъявили у новаго властителя—свои притязанія на Климятинскія земли, доказывая, что на этихъ земляхъ поселены: Жовнинъ, Еремѣевка, Чигриндуброва, Власовка...

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, I, 45.

Богданъ Хмельницкій, не провѣряя правъ монастыря, выдалъ ему универсаль, подтверждавшій право на земли Климятинскаго селища, безъ всякаго указанія границъ этихъ земель. Желая восполнить недостатокъ универсала Хмельницкаго, монахи воспользовались татарскимъ разореніемъ принадлежавшаго имъ Пивскаго монастыря и успѣли просить, въ 1670 году, другой гетманскій универсаль, у Многогрѣшнаго, уже съ подробнымъ указаніемъ границъ тѣхъ земель, которыхъ будто-бы принадлежали къ Климятинскому селищу. Въ универсалѣ Многогрѣшнаго читаемъ: «такъ какъ Пивскій м-рь, состоящій подъ властю монастыря св. Николая Пуст. Кіевскаго, разоренъ со всѣми своими маєтностями, а между тѣмъ, желая, чтобы на томъ мѣстѣ святомъ Пивскомъ хвала божая отправовалася и помножене (яко за давнихъ часовъ прошлихъ) брала, позволяемъ—«монастиръ на Пивскомъ мѣстцу, гдѣ и давно бывалъ, велебному въ Богу г. отцу Алексѣю Турови, игумену монастира св. Николая Пуст. Кіевскаго, будовати и реставровати. Тудежъ, гдѣ колвекъ городищъ и селищъ здавна тому мѣстцу святому служачихъ найдутся, слободи на нихъ обволивати, а людемъ всякимъ на тие городища и селища приходити, будоватися и жити позволяемъ, а напередъ того нѣмъ на тие селища люде сходитимутся, жѣбы братіи въ томъ монастири мешкающей выживлене мѣло быти, всѣ грунта тому монастыреви, зъ давнихъ а вѣкопотомныхъ часовъ служачie, отъ разныхъ побожнихъ фундаторовъ наданніе, нижей спецификованніе, оразъ зъ побожности нашое, приворочаемъ и вшелякихъ зъ тихъ грунтовъ угодій и пожитковъ, якося сами въ собѣ за писаніемъ побожнихъ фундаторовъ, мають одбирати и уживати позволяемъ же; всѣ зась листи на тіе мѣста, села, грунта и всяkie угодія мѣючіе симъ нашимъ листомъ конфѣрмуемъ и апробуемъ. А то тіе суть городища, селища и грунта: Климятинъ, а нинѣ ся называетъ Жовнинъ, уходи Климетинскіе, або Жовнинскіе, около Сули—Бѣлобережа, Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро, Старецъ озеро и иніе озера, уступніе и запустніе, около тихъ уроцищъ; противко Верем'евки—уходи Чигриндуровскіе около Сули и Днѣпра ажъ до Пивовъ городища, Лапинцъ, вишней Лапинецъ—озero Золотое дно, Максимовка, перевозъ на Сулѣ, а зъ Сули черезъ Днѣпръ до Старой слободы, давнѣйшихъ Воронихъ Лузъ, противко Воронихъ Лузъ—Солониця озеро; тамъ-же озеро около м-ря Пивскаго, до Іорданки, гдѣ упадаетъ у Днѣпра, подъ Уласовкой, то есть—Дѣдъ,

Налистенъ, Бѣлобереже, а по той сторонѣ Днѣпра—одѣ Крилова озера, суть разніе по границу, которая называется озеро Дубокъ, всего уходу на сѣмь миль, почавши отъ Бѣлобережа ажъ до озера Дубк...»¹⁾. Такимъ образомъ Многогрѣшный утвердилъ за Пуст.-Никольскимъ м-ремъ мѣстность, заключавшую въ себѣ кромѣ южной части Чигрин-дубровской сотни, еще значительную часть и Кременчугской²⁾. Земли эти введены были въ царскія грамоты, которые выданы были м-рю въ к. XVII в. Но не смотря на эти акты, Никольскій монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на Климятинскія земли, потому что людская память расходилась съ монастырскимъ притязаніемъ, не зная, чтобы монастырь когда либо владѣлъ землями, которыхъ присвоивалъ, основываясь на документѣ какого то Павши.. Монахи молчали и ждали удобнаго времени для возобновленія своихъ притязаній.. Послѣднія были возобновлены лишь при императрицѣ Аннѣ, когда въ 1731 г. Никольскій м-ръ началъ судебное дѣло о Климятинскихъ земляхъ, которая послѣ двадцатилѣтняго процесса и были присуждены монастырю, при чёмъ послѣднему присуждались и три главные центра сотни: Чигриндуброва, Жовнинъ и Ерем'евка. Такимъ образомъ монастырь осуществилъ свое право на дарь Павши лишь чрезъ *дѣльти сорокъ лѣтъ* послѣ самаго дара.. Только благопріятныя для монаховъ времена могутъ объяснить такой успѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ.

Изъ Чигриндубровскихъ сотниковъ намъ извѣстны: Иванъ Луненко (1672 г.), Семенъ Пашкевичъ (1690), Ярема Илляшенко (1695—1700), Иванъ Булюбашъ (1706—1737), Александръ Бутовскій (1737—1760) и сынъ его—Данило Бутовскій (1760—767), наслѣдовавшій урядъ отъ своего отца. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Иванъ Булюбашъ и Александръ Бутовскій, правившіе сотнею болѣе полузвѣка и захватившіе за это время—на десятки верстъ земельныхъ угодій, которые тутъ же и заселяли слободами и хуторами. Особенно много земель захватилъ Булюбашъ, устройство слободъ и хуторовъ на которыхъ продолжалъ и сынъ его — Демьянъ. Преемникъ Булюбаша по уряду — Александръ

¹⁾ Румянц. Опись.

²⁾ Прилагаемая вѣдь карта Климятинскихъ земель, составленная во втор. пол. XVIII в., заключаетъ въ себѣ указаніе всѣхъ перечисленныхъ въ универсалѣ Многогрѣшного уроціщъ и представляетъ интересный документъ для исторіи топографії южнаго Полесья. Карта эта взята нами изъ бумагъ Пуст. Никольскаго м-ри.

Бутовскій — по происхожденію былъ «воловъ», т. е. выходецъ изъ Молдавіи. И Булюбашъ, и Бутовскій замѣчательны еще тѣмъ, что, противъ обычаевъ своего времени, вели горячую борьбу съ полковникомъ Галаганомъ за Еремѣевскихъ и Липовскихъ козаковъ, которыхъ Галаганъ «подверталъ въ подданство». Борьбу эту не слѣдуетъ впрочемъ приписывать другимъ побужденіямъ, кроме личныхъ интересовъ этихъ двухъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій защищали козаковъ отъ Галагановскаго порабощенія, завидуя богатству Прилуцкаго полковника и находили, что на тѣхъ же самыхъ козаковъ, для обращенія ихъ въ «подсосѣдки» у нихъ—мѣстныхъ сотниковъ—было гораздо больше правъ, чѣмъ у полковника чужого полка да при томъ еще и богача...

Мѣстечко Чигриндурова, на прав. берегу р. Сулы, при ея соединеніи съ Днѣпромъ—рѣчкою Переволочною¹), судя по названію, можетъ быть выселкомъ изъ Чигирина, явившимся здѣсь не позже нач. XVII в., такъ какъ уже въ 1636 г. Чигриндурова получила отъ Іереміи Вишневецкаго слѣдующій «листъ» «на права и вольности»: «мѣщане мои Чигриндуровскіе просили мене, чтобы имъ права и вольности такъ, якъ и инимъ городамъ моимъ, надать и ведлугъ листу и привилегія имъ данного, ассигновалъ, чтобы повинность выседѣвшіи двадцать лѣтъ на свободѣ, отдавать и отправовать имѣли, чего—для желанію и прошенію ихъ удовлетворяя, симъ листомъ и привилегіемъ данимъ обѣщалъ я—податей и повинностей никакихъ съ пихъ не взимать, поколь дастъ Господь Богъ, что мѣщане Чигриндуровскіе по силѣ листу моего 20 лѣтъ на свободѣ виседятъ. А выседѣвшіи свободу, мѣщане имѣютъ и должны будутъ давать чиншъ на всякий годъ, такъ богатшій, яко и убогшій, по сознатію намѣстника моего либо и того, который по повѣленію моему будетъ чиншъ выбѣрать. Къ тому жъ, дабы мѣщане вѣдали, что до ихъ майдебурскаго права надлежить, а что за приходъ намѣстниковъ моему тамошнему имѣть быть: первое, всякий судъ намѣстнику моему оставляю, войта и бурмистра, яко и въ иныхъ городахъ моихъ, отъ суда не отдалая, которимъ грошъ третій долженъ ити; тоже позволяю мѣщанамъ моимъ имѣть воскобойню съ ледовней и броваръ, всякие одумерліе спадки на близкихъ кревнихъ надлежать имѣть, а урядъ мой

¹) Какъ сказано въ Румянц. Оп.

никакого препятствія чинить имъ въ томъ не будетъ. Если бы котоое мѣщане къ городу поддатись, а праву майдебурскому не подлежать хотѣли—и тое въ ихъ волѣ будетъ. Во время ярмарки, отъ воза по два гроши бурмистрамъ и войту надлежать имѣть, а болѣе ничего. Что жъ надлежатиметъ въ городѣ къ избѣранію войта и всякихъ урядниковъ, къ собѣранію поборовъ для градской нужди и къ висланію обѣихъ щетовъ, въ томъ мѣщане безъ намѣстника моего дабы ничего отправовать не вожились; а кто бы тому противился, смертью казненъ быть имѣть. Тожъ дозволяется имъ медъ ситить, пива на шинкѣ варить, отдавши доходъ арендарскій, то есть капчизны (*kaps-czuzna*) золотой полскій еденъ. А что принадлежитъ къ продажи горѣлокъ, то шинкарь и на христини и весѣлля горѣлки простой кварту имѣть мѣщаномъ продавать по два гроши литовскіе, а двойной кварту по—грошѣй литовскихъ, а кварту и гарнецъ такой мѣры быть должны, какъ въ городѣ моемъ Лубняхъ. Греблѣ подчинять мѣщане всегда должны будуть, а если бы убитокъ какой въ замедлѣніи млиновъ за ихъ нерадѣніемъ билъ, то наградить мнѣ повинни будутъ. А кто бы въ подчинки гребель, баркановъ, валовъ, въ защищеніи и караулѣ города и крѣпости, также и въ иныхъ повинностяхъ, ослушнимъ билъ, на таковыхъ 10 копѣй литовскихъ полагаю. Къ оборонѣ города и крѣпости всѣ цеховіе надлежать имѣть, также и жиди. Смотрѣть тщательно имѣть, дабы покой такъ зъ сосѣди, яко и съ пограничными людми, а імянно зъ Москвою нарушимъ не былъ, такъ чтобы никакимъ Московскимъ людемъ защиты не было¹⁾). Также, (чтобы) границы ихъ пустошени не были бѣ, о чемъ зноситись имѣть зъ намѣстникомъ моимъ тамошнимъ. Наблюдать того, дабы козаки, бродящіе люди²⁾) самоволно за границы общего владѣнія зъ маєтности моей Чигрин-дуброви не входили³⁾), безъ вѣдома намѣстника моего тамошнего. А кто бы дерзнулъ за границу для нарушенія покой ввойти, а былъ бы пойманъ, таковый смертю казненъ быть имѣть. Позволяю тоже, онимъ мѣщанамъ моимъ, канунъ два разы въ рокъ употреблять на свою ползу обратить, одинъ канунъ на Рождество Христово кадокъ три, другій канунъ на Кузму и Деміана—также кадокъ три, а воскъ

¹⁾ Въ подчинникѣ—*zastępek żadnych*, т. е. чтобы не было никакъ приదирокъ.

²⁾ «*Kozacy, hulsię ludzie*».

³⁾ «*nie wtargali*».

до церкви отдавать имѣють. А что въ семъ листѣ моемъ выше и ниже написано и упомянуто, то все симъ листомъ и привилегіемъ моимъ подданнымъ моимъ Чигриндубровскимъ, имъ самимъ и ихъ по-
томкомъ вѣчными часы утверждаю. Для лучшой памяти сей мой листъ
рукою власною подписаній съ приложенемъ печати моей, имъ дать
повелѣль. Дѣялось въ Пѣратинѣ, 20 дня мѣсяца марта, 1636 году¹⁾.

Приведенный документъ указываетъ, что Вишневецкой почему то нашелъ нужнымъ населенію лишь недавно возникшой слободы дать право на городское устройство («какъ и инымъ городамъ моимъ»). Обстоятельство это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Чигрин-
дуброву пришло населеніе преимущественно городское, уже знакомое съ правами и обязанностями мѣщанъ, а потому и выросившее у Вишневецкаго себѣ право на то устройство, которымъ оно пользовалось въ своей митрополіи, которую вѣроятно былъ Чигиринъ. Послѣдній былъ разоренъ въ 1611 г. и въ это время часть его на-
селенія могла перейти на лѣвый берегъ²⁾. По населенію Чигрин-
дуброва, повидимому, не превосходила сосѣднихъ двухъ поселеній—
Еремѣевки и Жовнина, которая при образованіи полкового управ-
ленія въ 1649 г. были назначены сотенными центрами. Начавшіяся послѣ смерти Б. Хмельницкаго междуусобія въ Малороссіи повлекли за собою значительное перемѣщеніе населенія въ юго-западной ея части: явившіеся на Украину татары, въ качествѣ союзниковъ того или другого коновода партіи, разоряли попуті села и заставляли ихъ жителей удаляться въ болѣе защитныя мѣста. Имѣется точное свѣдѣніе, что въ 1661 г. были такимъ образомъ разорены три Кре-
менчугскія села: Власовка, Максимовка и Городище (Градижскъ³⁾). По близости этихъ сель къ южному Песочлю, не могло при этомъ не пострадать и это послѣднєе. И дѣйствительно мы видимъ, что назначенный здѣсь въ 1649 г. два сотенныхъ центра, Еремѣевка и

¹⁾ Переводъ съ польского, вмѣстѣ съ копіей оригинала, быть присланъ въ 1749 г. Дубенскими полковникомъ въ генеральную канцелярію, когда послѣдняя собирала свѣдѣнія о городахъ и мѣстечкахъ въ Малороссіи и о юридическомъ бытѣ ихъ на-
селенія. «Листъ» Вишневицкаго былъ присланъ въ копіи польского оригинала съ русскимъ переводомъ, который вдѣсь и приведенъ. «Материалы для истор. городск.
посел. въ Малороссіи», рабн. наш. б-ки.

²⁾ Słown. Geogr. I, 784.

³⁾ Акты Ю. З. Россіи, V, 95.

Жовнинъ, въ это время перестаютъ быть центрами, а является новый центръ—Чигриндуброва. Въ 1672 г. видимъ первого Чигриндубровскаго сотника—Ивана Луненка¹⁾. Чигриндубровское посполитое населеніе оставалось свободнымъ до пол. XVIII в., когда монахи Пуст.-Никольского м-ра поработили его на томъ основаніи, что мѣстечко это, вмѣсти съ Жовниномъ и Еремѣевкою, поселено на Климятинскихъ земляхъ. (См. ниже, Жовнинъ и Еремѣевка). Впрочемъ прежде, чѣмъ Чд-ва была отсужена монахамъ, въ ней уже было посажено достаточное количество подсосѣдковъ сотенною старшиною и преимущественно сотникомъ Бутовскимъ. Во времія монашескаго владѣнія посполитое населеніе Чд-вы значительно уменьшилось; уменьшилось и число подсосѣдковъ. Слѣдуетъ думать, что и посполитые, и подсосѣдки расходились, убѣгая отъ тяжелаго монастырскаго «подданства». А. Кз. 114 дв., 123 х., 161 с. Подс. 62 дв., 62 х., 66 с., въ томъ числѣ сотника Александра Бутовскаго—17 дв., 17 х., 18 с.. Кр. сеоб. 62 дв., 66 х., 83 с. Подс. посп. Чигрдубр. 7 дв., 7 х., 7 с. Свободн. дв.—54, въ томъ числѣ: запорожск. коз.—3, «служителей городовыхъ»—10 («атаманъ почтовій»), «старческихъ хатъ»—4, «мѣрочниковъ»—6 школъ—3, шпиталей—3. Б. Кз. 125 дв., 178 х.. Кр. Пуст.-Ник. м-ра 37 дв., 53 х. Подс. 38 дв., 69 х., 8 бд. х.

М. Жовнинъ, р. Сула, поселенъ въ нач. XVII в. Вишневецкими, при чѣмъ, по утвержденію Пуст.-Никол-хъ монаховъ, занято было самое «Климятинское селище». Претендую на это селище, монахи въ 1612 г. начали противъ Вишневецкихъ судебный процессъ, доказывая, что подъ Ж. занята монастырская земля. Вишневецкие были «позваны» къ суду, какъ видно изъ слѣд. донесенія вознаго: «року теперь идучого 1612, мѣсяца августа 30 дня, позвозвъ (исковъ) два земскихъ Кіевскихъ, въ одно слово писанныхъ, отнеслемъ до мѣстечка Жовнина.... по ихъ милостей пановъ Юрия, каштеляна Кіевскаго, и Михаила, старосту Овруцкого, княжать Вишневецкихъ; а то.... о посягнене добръ церковныхъ Климятинскихъ, которыхъ до церкви божое м-ра Николскаго К-го Пустынскаго належать, а черезъ княжать ихъ милостей гвалтовне посягнени (насилино заняты) суть.... и до показаня права, еслиъ якое на тые

¹⁾ Т. ж., IX, 910.

добра мѣли»¹⁾.... Искъ Никольскихъ монаховъ былъ разрѣшень Люблинскимъ трибуналомъ въ ихъ пользу, какъ значится въ донесеніи вознаго Смоговскаго (1619 г.) — «былъ есми на справе и потребе велебного въ бозѣ его мил. отца Рафаила Непитущаго, игумена м-ра Николскаго.... ѿздиль есмы зъ декретомъ отъ суду головного трибуналу Любелскаго, выданнымъ до маєтности велможнаго его мил. княжати Еремія Михайловича Корыбутовича Вишневецкаго и матки его, яко опекунки, панее Раїны Могилянки, кнежны Михайловое Вишневецкое место Климятина, прозываемое Жовнинъ, хотечи екзекуцию учинити въ добра ихъ Климятичи, яко ихъ власные, за шкоды тисечу копъ грошей Литовскихъ и осовитость перепалую, взгядомъ забраня кгрунту Климятинского сказанную и присужоную; и кгдымъ до тое маєтности приехалъ, тамъ самое кнежны ее мил. не засталъ, только урядника ее мил. неякогось на тотъ часъ будучаго Добку, которому декреть головний трибуналный указавши, пыталемъ, еслижъ увезаня (ареста) и чинена отправы (исполненіе рѣшенія) у тую маєтность, яко ихъ власную, Климятичъ, прозываемое Жовнинъ, и за шкоды суму пнезей тисечу копъ грошей Литовскихъ, которая есть поводомъ на позваныхъ всказаная, допускаеть? — на что мне поведиль, же я дей, пане возный, жадного росказаня отъ кнежны ее мил. паніе своее на то не маю, для чего увязане не допускаю и бороню, якожъ не допустиль и можно заборонилъ, што я осведчivши... ни съ чимъ прочъ отехаль»²⁾.... Изъ этого донесенія видно, что рѣшеніе Люблинскаго трибунала, постановленное противъ Вишневецкихъ, не могло быть приведено въ исполненіе потому, что В-ie были слишкомъ сильные люди, чтобы подчиниться невыгодному для нихъ судебному приговору. Такимъ образомъ Жовнинъ, вопреки этому рѣшенію, остался во владѣніи Еремія В-аго.

Название слободы Жовниномъ можетъ быть имѣть связь съ древнерусскимъ поселеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Жолнина или Желны, о которомъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1116 годомъ. — По списку Пшеездѣцкаго въ Жовнинѣ, въ к. XVII в. значится 312 господарей. Во всякомъ случаѣ въ 1649 г. Жовнинъ былъ настолько зна-

¹⁾) Выпись изъ кн. гродск. воев. Киевскаго, 29 дек. 1612 г. Акты Пуст.-Ник. монаст. въ Церк.-Арх. Муз. Киевск. Дух. Акад.

²⁾) Тамъ же.

чительнымъ поселенiemъ, что стала центромъ особой сотни Чигиринскаго полка (Реестра, изд. Бод., 18). Но къ срединѣ втор. пол. XVII в. населеніе Ж-на настолько умалилось, что онъ пересталъ быть сотеннымъ центромъ и вошелъ въ составъ Чигриндубровской сотни. Притязанія Никольскаго м-ря на Ж., какъ съвѣтъ на мѣстѣ Климятинскаго селища, возобновлены были со втор. пол. XVII в., но благопріятныя для монаховъ времена настали лишь къ пол. XVIII в., когда Жовнинское посполитое населеніе отдано было, вмѣстѣ съ Чигриндубровою и Еремѣевкою, во владѣніе Никольскому м-рю, согласно рѣшенію сената. (См. ниже, Еремѣевку). До этого времени здѣшніе посполитые оставались свободными. Только сотникъ Булюбашъ успѣлъ посадить здѣсь значительное количество подсосѣдковъ. Въ 1742 г., когда по мысли Безбородка, число сотенъ было увеличено, Жовнинская сотня вновь была образована, при чемъ ее составили села: Гусиное, Лялинцы, Клищинцы, Липовое, Матвѣевка, Лебеховка, Галицкая, Кривая Руда, Святыловка, Горбы, Гринки, Сидоры, Кринки, Столбоваха.... Изъ Жовнинскихъ сотниковъ втор. пол. XVIII в. извѣстны: Иванъ Булюбашъ (1762—768) и Данило Булюбашъ (1774). А. Кз. 140 дв., 174 х., 219 с. Подс. козачьихъ—13 дв., 13 х., 15 с. и Булюбаша 38 дв., 38 х., 38 с. Кр. своб. 57 дв., 60 х., 64 с. Свобод. двор.—24. Б. Кз. 204 дв., 284 х., 8 бд. х. Кр. Никольск. м-ря 35 дв., 51 х., 8 бд. х. Подс. (безъ обозн. влад.) 42 дв., 51 х., 22 бд. х.

М. Еремѣевка, рч. Свинотопъ, ок. Днѣпра, поселена, повидимому, Еремей, Вишневецкимъ, назвавшимъ поселеніе въ свое имя. Въ 1649 г. Е-ка назначена была центромъ отдаленной сотни Крапивянскаго полка. Смуты, продолжавшіяся въ Малороссии въ первое десятилѣtie послѣ смерти Б. Хмельницкаго, умалили населеніе Е-ки, она перестала быть сотеннымъ центромъ и вошла въ составъ Чигриндубровской сотни; но къ к. XVII в. Еремѣевка снова оправилась и стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.—Когда по Прутскому договору 1711 г.—правая сторона Днѣпра, принадлежавшая Россіи, отошла къ Польшѣ и тогдашній Чигиринскій полковникъ Игнать Галаганъ лишился и полковничества, и своихъ маетностей, то Скоропадскій въ возмѣщеніе послѣднихъ отдалъ Галагану Е-ку, около которой послѣдній уже владѣлъ с. Липовымъ. Получивъ Е-ку, Галаганъ не довольствуясь крестьянами, сталъ привлекать во свое «подданство»

и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были высланы на строеніе Киевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Киеву полковъ, то Е-скіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился универсаль Скоропадскаго Е-му атаману съ выговоромъ за непослушаніе: «донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу Киевопечерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государственныхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше «глупство и ослушаніе» прицая, симъ нашимъ универсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рѣментарско приказуемъ, чтобы, не заглядаючись на власть пана Галагана, полковника Прилуцкаго, и не страхаючись его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали» и пану полковнику Лубенскому, какъ своему старшему, всякое должно послушенство въ войсковыхъ услугахъ отдавали, попрежнему до полку къ сотне Чигриндубровской «прислушая»... А если бы кто изъ васъ, товариства Е-скаго, и нынѣшнему универсальному указу нашему оказался противенъ, такового тогда велимъ, какъ «противника и бунтовника», насильно братъ и, забивши въ колодки, въ Глуковъ подъ арестъ привозить, и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать»¹⁾.

По ревизії 1723 г. въ Е-кѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ. Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ «бояръ» и «куренчиковъ». А между тѣмъ и Никольскіе монахи нашли возможнымъ снова заявить свои притязанія на земли Климатинскаго селища и въ 1731 г. начали противъ Галагана судебный процессъ за Е-ку, требуя послѣднюю въ собственность. Процессъ этотъ, по тогдашнимъ порядкамъ, затянулся на многие годы. Галаганъ, опиралась на царскую грамоту, которой Е-ка утверждена была за нимъ въ 1714 г., повидимому, не особенно беспокоился монашескими притязаніями. Его болѣе беспокоили тѣ события, которыми сопровождались сначала устроеніе Украйнской линіи, а потомъ походы

¹⁾ Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г., № 5. Здѣсь означено ошибочно 1709 г., но универсаль долженъ относиться къ 1720 г., когда строилась Киевская крѣпость.

Польский и Крымский (1730—1736). Для сооружения первой, правительство — въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ — слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. События эти отразились на Еремѣевскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: «по ревизіи 1731 г. въ Е-кѣ числилось дворовыхъ людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы Украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ настали противъ Поляковъ и Турокъ походы, да поставлены были въ Е-кѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненія льда на Днѣпрѣ, то Е-скіе подданные, оставя свои дворы впустѣ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто Малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Е-кѣ принадлежащихъ и на Е-ской землѣ Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единаго человѣка не осталось».—Такъ разсказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ невзгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для Крымского похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Е-кѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои «куренчики», вслѣдствіе чего и не откуда взять указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ—отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, чтѣ Булюбашъ и поспѣшилъ исполнить въ 1734 г. По окончаніи Крымской войны, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Е-ки пополнить тамошними козаками и стать ихъ тѣснить, заставляя переходить къ нему въ подданство. Но за козаковъ вступилъ преемникъ Булюбаша—Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрь 1745 г. писалъ: «въ маєтности моей Е-кѣ козаки и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываются мнѣ надлежящихъ повинностей, безправно владѣя мою землею, и такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ сотникъ Бутовскій до надлежящихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ». Въ заключеніе Га-

лаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ, какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе о томъ—кто изъ козаковъ живеть на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселяясь въ Е-ку уже послѣ 1711 г., и сами не знали — на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить Е-скихъ козаковъ, желая, чтобы они «подписались быть его подданными»... Какія мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ разсказываетъ Бутовскій: «въ бытность мою въ Еремѣевцѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ ономъ мѣстечку чинимыя абышитованнымъ Прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ Е-скихъ куренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобраны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежить воинскому человѣку, онъ посыпаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ — лозу, колоды дерева, чтѣ найдеть во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворѣ перевозить приказывается. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращается. Видя такое насилие, многіе козаки подписались—въ подданство. Также сѣнѣ, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубить козачьи лѣса и поотнимать у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацтво или грунтъ, на которомъ живеть, козачьимъ свидѣтельствуетъ, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видаль я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишетъ Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобы противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или — чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ «древнему обыкновенію, яко побережные, могутъ не токмо въ иныхъ мѣста, но

и за Днѣпъръ, въ Польскую область, учинить побѣгъ... Такія же свѣдѣнія о насилияхъ Галагана сообщалъ въ Глуховъ и Е-скій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. «Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писаль атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и ваши статки (имущество) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачихъ, сгоняетъ и бьетъ непощадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались»...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было решено: спросить Е-скихъ козаковъ—«желаютъ ли они, оставя имѣючіеся подъ оными козачи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за нимъ въ подданствѣ, и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачи грунта описать и спросить—кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козачаго званія, коимъ бы можно по наслѣдству грунта эти, для отбыванія за нихъ козачьей службы, отдать... А онымъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочеть, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею»... Это необычайное распоряженіе Глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣднему полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насилиямъ и уже фактически были его подданными.—Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены «бояре» Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею, т. е. въ козачествѣ, или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что «они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣючіеся козачи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онымъ въ подданствѣ». Такимъ образомъ Галаганово верстаніе Е-скихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которая тутъ же рядомъ, въ другихъ случаяхъ, преслѣдовала переписку козаковъ въ крестьяне, дабы не умалялось количество служилыхъ людей. Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не приш-

лось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи послѣдовало въ 1749 г. сенатское рѣшеніе, по которому Е-скіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Никольскому монастырю. По описи отдатчиковъ (Миргор. полк. судья Федоръ Остроградскій и Переясловскій сотникъ Леонтьевичъ) м-рю при этомъ было отдано въ Е-кѣ: 88 дворовъ, съ 112 хатами, и 41 пустыхъ дворовъ, съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизії 1723 года въ Е-кѣ числилось крестьянъ около 400 двор., то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ—менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ—уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжесть повинностей державческихъ и общественныхъ и слободы, въ которыхъ крестьяне находили временные льготы, ради которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Засимъ Е-скіе крестьяне оставались въ монастырскомъ подданствѣ до 1764 г. Къ к. XVIII в., кромѣ монастырского, въ Е-кѣ является еще владѣніе и Оболонскаго; по крайней мѣрѣ оно значится по вѣдомости 1781 г., безъ точнаго его отдѣленія отъ монастырского. А. Кз. 163 дв., 237 х., 260 с. Подс. козаковъ куренныхъ Галагана—7 дв., 7 х., 7 с. Козаковъ куренныхъ Галагана—38 дв., 52 х., 58 с. Кр. Прилуцк. полковн. Галагана—66 дв., 72 х., 84 с. Б. Кз. 212 дв., 440 х., 51 бд. х. Кр. Никольск. м-ря и Оболонскаго—150 дв., 241 х. 43 бд. х. Подс. 38 дв., 69 х., 8 бд. х.

Д. Погорѣлая, при одномъ изъ Днѣпровскихъ рукавовъ, рядомъ съ Еремѣвкою, поселена Игнатомъ Галаганомъ ок. 1720 г. Козаковъ здѣсь, разумѣется, быть не могло. А. Кр. Галагана 22 дв., 30 х., 44 с. Своб. дв.—2. Б. Кр. Никольск. м-ря 18 дв., 39 х., 10 бд. х.

С. Лялинцы, Днѣпровскій заливъ¹), поселены въ перв. пол. XVII в., а въ к. его — принадлежали охочекомонному полковнику Ивану Рубану, который владѣль имъ, пока не пошелъ въ монахи. Затѣмъ, въ 1701 г. Мазепа отдалъ Л-цы Переяславскому епископу Захарію Корниловичу, по слѣдующему универсалу: «Мѣючи по должности нашей рейментарской не только о цѣлости отчизны Малороссійской неусыпный промыслъ, лечь и о благосостояніи церквей божіихъ—горливое и ревностное попеченіе, яко разъ коштомъ и стараніемъ налимъ запустѣлый, упалый и въ килко-сотнолѣтномъ забвніи,

¹⁾ См. карту Климатинскихъ земель.

зъ неменшимъ православія святого жалемъ, зостаючій престолъ епископіи Переясловской—воздвигнулисмо, реставровалисмо и въ перво-бытное свое благолѣпіе привелисмо, такъ хотячи въ немъ ку прещанію самой превысокой особы архиерейской ясне въ Богу превелебнѣшаго его мл. отца Захарія Керниловича, первого на воздвигненномъ томъ отъ насъ престолъ епискоца Переяславскаго, и всѣхъ при немъ сослужащихъ належитое учинїти доволство, надаемъ его м-ти, властію намъ отъ Бога врученною гетманскою, на монастырь той престолный Переяславскій .... село прозываемое Лялинецъ, которое то село некгдись, зъ ласки нашей войсковой, въ своей мѣль державѣ небожчикъ отецъ Іосифъ¹⁾ Рубанъ, будучи на урадѣ полковнитства охочекомонного»...

Получивъ это село и пользуясь отсутствіемъ точныхъ границъ Лялинскихъ земель, Переяславскіе монахи стали захватывать и земли соседнихъ поселеній. Лялинцы отданы были м-ремъ въ завѣдываціе особому монаху-городничему, который, повидимому, сразу не помирілъ съ соседями и вызвалъ со стороны ихъ жалобы, которыхъ Мазепа разрѣшилъ, въ 1707 г., особымъ универсаломъ, очень интереснымъ для исторіи топографіи южнаго Посулья. Сначала Мазепа повторяетъ въ немъ указаніе на свои заботы «о помноженіи церквей, святыхъ», а затѣмъ говорить о своихъ стараніяхъ—искоренить «сусѣдские споры и ссоры», по поводу возникшихъ несогласій у новыхъ Лялинскихъ владѣльцевъ съ ихъ соседями, «Мы, гетманъ, по должностіи христіанской, къ большой чести, хвалѣ и славѣ всемогущаго Бога, къ разширению и помноженію церквей его святыхъ, воздвигнувши старожитній, отъ килкохъ сотъ лѣтъ запустѣлій епископіи Переяславской престолъ особливимъ нашимъ стараніемъ, коштомъ и накладомъ, яко всяческое фундаторско о благосостояніи оного прилѣжное имѣть попеченіе, такъ хотячи, aby и мажи подданными той же катедры Переясловской обывателми села Лялинецъ, зъ ласки надцой и войсковой наданного, въ заводѣ (спорѣ) ихъ о грунта чрезъ немалое время точившомся съ жителями мѣстечокъ Чигриндуброви, Жовнина, Бужина²⁾, Веремѣевки и с. Гусиного—споры, ссоры, незгоды, турбациі

¹⁾ Повидимому, Іосифомъ Рубанъ назывался въ монашествѣ.

²⁾ С. Бужинъ, Чигринск. у., находится на правомъ берегу Днѣпра. Участіе этого села въ спорахъ за лѣвобережныя земли указываетъ, что некоторые правобережные поселенія отчасти пользовались угодьями на лѣвомъ берегу—еще и въ нач.

и заборы устали, впредь не отновлялися и всеконечне были искоренены, а покой святій, згода и сусъдская пріязнь утверждена была и въ потомній часъ моцно трвала, границу вновь тамъ учиненную и старую поновленную въ семъ 1707 году, умислне зсиланными отъ боку нашего комисарами п. Алексѣемъ Туранскимъ, сотникомъ Глуховскимъ, и п. Елисеемъ Козловскимъ, канцел. войск., по жалобѣ всѣхъ козаковъ и посполитства сотнѣ Чигриндубровской передъ нась, гетмана, занесенной на честного отца городничого Феофила катедри Переяславской Лялинского и жителей тамошнихъ всѣхъ обще, намъ на писмѣ обширне подданную, ствержаемъ»... Граница эта въ универсалѣ «спецѣфѣкуется» такъ: «Первая отъ м. Чигриндуброви, почавши отъ р. Сулы, выше гребли Воинской¹⁾) (гдѣ при той греблѣ для пріѣзжающихъ всякихъ людей до млиновъ на волнѣ вишукъ конямъ попущено мѣсце) черезъ шляхъ, идучій отъ Чигр-вы до Лялинецъ просто на Холодное озеро, дорогою чрезъ Глушецъ озеро до стадницѣ небощика Рубана, гдѣ озеро Рѣзакъ найдутся, а отъ Рѣзаковъ до самого Днѣпра, прозываемого Три Днѣпры, и тамъ ниже Закутного озера, противъ Самойлового острова; на уроцишѣ Сокирянскомъ конецъ границы, якая вся вновь опредѣлена и тридцатма и трома копцами означена. Другая—отъ мѣстечка Жовнина, почавши отъ Шышпового Горба, надъ самою Сулою рекою знайдуючогося, черезъ дубники на могылы Острую и Крутую, по надъ комишамы великими, а отъ тыхъ могыль чрезъ шляхъ, идучій до Жовнина отъ Лялинецъ кучугурами до самой речки Боброди Мокрой; тая зась рѣчка Мокрая Бобродь пополамъ раздѣлена: отъ Лялинецъ—Лялинцямъ, а отъ Жовнина—Жовнинцямъ до Левочкового луга. Сяя вся границя по старихъ концяхъ опредѣлenna и вновь свѣжыми копцами утвержденна. Третая, отъ м. Веремѣевки и с. Гусиного—почавши отъ козацкого чилядского старинного окопу, отъ самого Бистрика рѣчки, дорогою, по надъ рѣчкою Старцемъ (где правая сторона отъ Днѣпра Лялинцямъ, а лѣвая Веремѣевцямъ и Гусинцямъ), на уроцище Погребище до Хви-ніовскаго озера, чрезъ шляхъ Веремѣевскій до Чигринъ-Дуброви идучій, по близу рѣчки Сухой Боброди, ажъ до Мокрой Боброди,

XVIII в., вѣроятно, продолжая это пользованіе съ того времени, когда правобережное населеніе владѣло здѣшними Сульскими „угодами“.

¹⁾ Воинская Гребля—теперь деревня, находящаяся между Чигриндубровою и Лялинцами.

где обоихъ рѣчокъ вершины въ купу зойшлися, конецъ границъ просто Горба Высокого, вишие Кисличиного луга. Сяя граница вновь учиненна и концами узнанена. Особно три острова Днѣпровые, прозываемые Печинскій, Старечій и Кривецкій, лозами зарослие, якіе, яко здавна не разграничены, але волны били до робляня сѣновъ и рубана лозъ околичнимъ мѣстечкамъ Чигриндубровъ, Веремѣевъ, Жовдину, Бужину и селамъ Гусиному и Лялинцамъ, такъ и теперь безъ ограничения вишъмененными нашими комиссарами узнаны быти за волние жъ и свободно общое тимже мѣстечкамъ и селамъ вживане позволенны». Впрочемъ самое точное обозначеніе границъ едва ли могло совсѣмъ прекратить земельные споры между перечисленными въ универсалѣ поселеніями, такъ какъ земли послѣднихъ находились въ той приднѣпровской полосѣ, которая постоянно мѣняла и мѣняетъ свой видъ—вмѣстѣ съ происходящими измѣненіями въ направленіи Днѣпровскаго русла.

Уже и по ревизіи 1740 г. въ Лялинцахъ козаковъ не значится; но такъ какъ поселеніе это было старое, то слѣдуетъ думать, что козаки здѣсь были, но изчезли подъ давленіемъ монастырскаго начало, которое, какъ и прочие державцы,—старалось избавляться отъ козаковъ въ своихъ селахъ, чтобы стать полнымъ въ послѣднихъ властьцемъ. А. Кз. нѣть. Кр. Переясл. м-ря 53 дв., 54 х., 57 с. Б. Кз. нѣть. Кр. Переясл. м-ря 81 дв., 109 х., 59 бд. х.

С. Гусиное, рч. Каира, около Днѣпра, возникло не позже половины XVII в. Въ 1695 г. «селце» Гусиное было отдано Мазепою Чигриндубровскому сотнику Яремѣ Ильяшенку за службу, «которая онъ, будучи въ порубежномъ городѣ, всегда тщательно и желательно творилъ». Гетманскій универсалъ въ томъ же году былъ подтвержденъ царскою грамотою. Ярема Ильяшенко въ народѣ звался Шолудькомъ. По смерти его Гусиное перешло къ сыну его Кириллу, котораго стали звать Шолудченкомъ. Подтверждая вдовѣ Кирилла право на Гусиное, Скоропадскій въ универсалѣ 1715 г. писалъ: «презентовала намъ Кирилова Шолудченкова монаршую... грамоту и унѣверсалъ антесессора нашего небожчику свекровѣ еи Яремѣ Ильяшенку на село прозываемое Гусиное и просила нашего на тое потвержденія», что гетманомъ и было исполнено. Сынъ Кирилла Федоръ, въ 1720 г., жаловался Скоропадскому, что Галаганъ получивъ Еремѣевку, началъ обижать его, Федора, съ братьями и вообще Гусинцевъ: одинъ дубовый

гай приказалъ на греблю свою Ерем'евскую срубить, а другой гай *такъ* захватилъ въ свое владѣніе, поотбиралъ отъ Гусинцевъ пахатныя ихъ поля и поотдавалъ ихъ Ерем'евскимъ своимъ подданнымъ. Гетманъ выслалъ своихъ чиновниковъ, которые и поновили границу, отдѣлявшую Гусинскія отъ Ерем'евскихъ земель, въ томъ видѣ, какъ она указана была Яремъ Ильяшенку «зъ очевистого сознанія нѣякого старинца Дениса», вѣроятно еще свидѣтеля заселенія Гусиного¹⁾.— Сыновья Кирилла Ильяшенка стали писаться Кириловичами, а потомки ихъ усвоили себѣ двойное прозваніе — Кириловичей-Ильяшенковъ. А. Кз. нѣтъ. Кр. значк. тов. Семена Кирилбовича 8 дв., 8 х., 8 с. Б. Кз. нѣтъ. Кр. в. тов. Григорія Кириловича 16 дв., 27 х., 34 бд. х.

С. Клищинцы, р. Сула, поселены не позже перв. пол. XVII в.; въ 1690 г. Мазепою отданы, вмѣстѣ съ друг. имѣніями, Ильѣ Новицкому, послѣ смерти котораго перешли къ его сыновьямъ Ивану, Якову и Григорію, а когда послѣдній ушелъ за Мазепою, то часть его въ отцовскомъ наслѣдствѣ сдѣлалась какъ бы свободно... По этой причинѣ одна изъ маетностей Новицкихъ, с. Нехаевка (Сосниц. у.), была отдана въ 1715 г. Гаврилу Милорадовичу. Имѣя этой случай въ виду, генер. судья Лысенко сталъ просить придерживающую тогда въ Малороссіи власть дать и ему изъ той же хитроизмышленной части Григорія Новицкаго два села — Клищинцы и Галицкую. Для большей убѣдительности, что эти маетности, по своему количеству поспособныхъ, могутъ быть зачтены за часть Григорія Новицкаго, Лысенко представилъ свѣдѣнія о количествѣ числившихся по ревизіи 1735 г. въ принадлежащихъ Новицкимъ маетностяхъ — дворахъ. Удовлетворившись этими свѣдѣніями, кн. Шаховской представилъ въ Петербургъ о награжденіи Лысенка маетностями; отвѣтъ былъ полученъ утвердительный и въ 1737 г. Лысенку былъ выданъ, уже А. Румянцовымъ, универсаль на сс. Клищинцы и Галицкую «съ угодіемъ, да на греблѣ на р. Сулѣ, шесть колъ помолныхъ, а одно ступнное». По ревизіи 1735 г. въ Клищинцахъ состояло поспособныхъ 33 двора, а по ревизіи 1723 г. ихъ было — 86 дв. («тяглыхъ — 26, тяглоубогихъ — 16, пѣшихъ крайнеубогихъ — 39 и вдовъ — 5»). Уменьшеніе крестьянского населенія произошло, конечно, вслѣдствіе возникновенію въ это время въ бассейнѣ южной Сулы множества слободъ. Козачьяго населенія въ К-цахъ въ 1737 г. было почти столько же, сколько и крестьянскаго.

¹⁾ Румянц. Опись.

Первою заботою Лысенка въ новой маєтности было увеличение числа крестьянъ. Для этого было два пути: зазывать ихъ изъ числа «блукавшихъ»—объщаниемъ тѣхъ или другихъ льготъ и—перепискою мѣстныхъ козаковъ въ крестьяне. Но такъ какъ «верстаніе» козаковъ въ крестьяне было запрещено, то имъ пользовалась только старшина и при томъ влиятельная, которая могла отстоять новыхъ своихъ «подданныхъ» въ случаѣ протеста мѣстного сотника или полковника. Знаніе Лысенка, какъ члена центральной администраціи, было несомнѣнно. Поэтому Лысенко началъ съ переписки козаковъ въ крестьяне. Впослѣдствіи Кл-скіе козаки рассказывали, что генер. судья въ это время «поработилъ» ихъ болѣе 15-ти дворовъ. Жаль стало бывшимъ козакамъ своего козачества—только черезъ 20 лѣтъ, когда новый державца Кл-скій Федоръ Лысенко (сынъ ген. судьи) сталъ предъявлять ужъ очень большія требованія къ своимъ «подданнымъ». Поверстанные въ крестьяне козаки обратились, въ 1758 г., къ своему полковнику съ ходатайствомъ—изслѣдовать ихъ происхожденіе и затѣмъ обратить ихъ въ прежнее козачество. По этому прошенію полковникъ ничего не сдѣлалъ, рассказывали впослѣдствіе жалобщики, а державца Лысенко, служа въ Глуховскихъ канцеляряхъ, пожаловался тамъ на «непослушаніе подданныхъ» и выпросилъ посылку въ Кл-цы войск. канцеляриста Фому Леонтовича, который долженъ былъ усмирить жалобниковъ. Самимъ удобнымъ способомъ усмиренія «бунтовщики»—въ старой Малороссіи считалось временное «закиданіе» ихъ въ погребъ...¹⁾). Этотъ способъ употребилъ и Леонтовичъ. «Сыскавши всѣхъ жаловавшихся», онъ «позакидалъ» ихъ въ погребъ, съ завязанными назадъ руками, и держалъ тамъ недѣль двѣ, а потомъ, «выводя изъ погреба, потрижды, покладая, биль немилосердно»... Такимъ образомъ «бунтовщики» снова «подвернуты были подъ владѣніе» Лысенковъ²⁾... Но этого Лысенкамъ показалось мало. Познакомившись съ исторіей Клищинскихъ козачихъ семействъ, Лысенки нашли, что

¹⁾ Опис. Стар. Малор., II, 458.

²⁾ Лысенки не ограничились однимъ усмирениемъ своихъ крестьянъ, но воспользовавшись симъ случаемъ, постнимали у нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣнныя земельные угодья; напр., у Тимка Радченка отобраны: «рыболовній изъ дѣдизній и лугъ, стоятій надъ Сулою, отнято чрезъ угроженіе, а деньги 18 р. 50 к. насилино дано»; у Степана Іовы—«слуку отнято, еще отцемъ его занятую, за якую насилино у дворъ учинято таліяръ два». Съ другихъ крестьянъ взято по 3 и по 4 рубли, «которыми деньгами Леонтовичъ подѣлился съ приказчиками».

многіе изъ этихъ козаковъ прежде были посполитыми и такъ какъ въ Кл-цахъ поселились на «владѣльческой» землѣ, то поэтому должны быть обращены въ крестьяне, и что другіе козаки, хотя и несомнѣнно принадлежать къ этому сословію, но тоже живутъ на владѣльческой землѣ, потому что переселились въ Кл-цы послѣ «пожалованія этой маєтности» Новицкому, когда слѣдовательно свободныхъ земель тутъ уже не было... Отъ такихъ козаковъ слѣдовало, по мнѣнию Лысенковъ, отобрать всю владѣльческую землю. Прійдя къ такому заключенію, Лысенки поручили брату Осипу — подать отъ своего и «другихъ участниковъ» имени гетману просьбу о разслѣданіи, кто въ Кл-цахъ имѣлъ право оставаться въ козачествѣ. Въ поданной въ 1761 г. просьбѣ, Осипъ Л-ко писалъ, что «козаки с. Кл-ць, къ тому селу принадлежащое къ двору владѣльческому пахатное поле, которое и во владѣніи отца его по смерть было, самовольно завладѣли и между собою раздѣля, корыстуются... А особливо нѣкоторые изъ подданныхъ его, поселясь вновь близъ того жъ села Кл-ць на владѣльческой его землѣ, изъ подданства его сами себе исключаютъ, а приняты въ козаки неправильно. И просилъ онъ, Лысенко, о вышеписанномъ отъ его ясн-ти разсмотрѣнія». «И велѣно его ясн-ти ордеромъ, дабы отъ полк. Лубенской к-рии отправлено нарочнихъ двухъ старшинъ съ надлежащимъ имъ наставленіемъ, чтобы они, съѣхавъ въ с. Кл-цы, изслѣдовали правнымъ порядкомъ, при доказательствѣ отъ стороны его, Лысенка, кто именно изъ козаковъ и чѣмъ изъ принадлежностей къ тому селу Клищинцамъ завладѣлъ и буде найдется, что изъ надлежащаго къ тому селу степу, пахатного поля, сѣнокосовъ и друг. угодій—неналежно завладѣнное козаками тамошними, тое отдать во владѣніе его Лысенка съ другими къ тому селу соучастники. Да и ежели заподлинно сышется—кто изъ подданныхъ ихъ Лысенковъ, поселясь на землѣ ихъ же Лысенковъ, къ тому селу принадлежащей, и въ козаки вписанъ безъ должнаго о козачествѣ изслѣданія, тѣмъ велѣть быть въ подданническомъ ихъ Лысенковъ послушані; однакожъ имъ козачества доходить, ежели они почему довестъ имѣютъ, не возбранять»... Этотъ ордеръ указываетъ, что къ жалобѣ Лысенка гетманъ отнесся особенно внимательно, такъ какъ не смотря на неопредѣленность просьбы, въ которой не указывались ни тѣ земли, которыхъ захвачены козаками, ни тѣ «подданные», которые неправильно записаны въ козаки, было сдѣлано распоряженіе,

чтобы особо назначенные два чиновника все это разслѣдовали на
мощь... Мы не ошибемся, если скажемъ, что причиною такого
исключительного вниманія гетманской к-ріи къ просьбѣ Лысенка было
ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ главнаго тогдашняго дѣльца въ
той же к-ріи — Василія Туманскаго, который въ это время былъ
«старшимъ канцеляристомъ» генер. к-ріи, т. е. главнымъ помощни-
комъ генер. писара. Писаремъ же генеральнымъ былъ Безбородко,
настолько уже въ это время устарѣвшій, что въ мартѣ 1762 г. онъ
быть замѣненъ тѣмъ же самимъ Туманскимъ. Послѣдній былъ женатъ
на дочери генер. суды Лысенка и послѣ его смерти купилъ часть
Кл-ской маestности у своего шурина Федора Лысенка, почему и сталъ
однимъ отъ тѣхъ «участниковъ», о которыхъ говорить «ордеръ»
гетмана. Отсюда видно — какою влиятельный человѣкъ былъ заинтересо-
сованъ въ Клищинскомъ дѣлѣ. Но Туманскій почему то не находилъ
нужнымъ открывать своего участія въ немъ.—Лубенская полк. к-рія
Клишинскую «коміssию» поручила было сначала Пиратинскому сот-
нику Орѣховскому; но послѣдній былъ найденъ, повидимому, непри-
годнымъ для этого дѣла, почему сначала онъ заболѣлъ, а потомъ
отправленъ былъ въ какую то «комендирацію». Его замѣнили Горо-
шинскимъ сотникомъ Сахновскимъ, а «другимъ старшиною» былъ
назначенъ Горошинскій же атаманъ Ильченко. Повидимому, Сахнов-
скій для слѣдствія былъ приобѣднѣнъ Орѣховскаго, такъ какъ это былъ
свой человѣкъ, по свойству съ Безбородкомъ, котораго женихъ онъ былъ
роднымъ племянникомъ...

Послѣ этого, въ іюнѣ 1761 г., повѣренный Осипа Л-ка, в. т. Ге-
расимъ Завадскій представилъ Сахновскому списокъ 91-го человѣка
безъ точнаго объясненія, что это за люди¹⁾). Можно догадаться, что
это былъ списокъ тѣхъ «мужиковъ», которые неправильно, по мнѣнію
Лысенка, записаны въ козаки, при чёмъ указывался и захватъ ими

¹⁾ Всѣ эти люди были описаны, напр., такъ: «Павло Деревянка, въ отца захожій
и поселился на владѣльческой землѣ. Быть за прежде бывшими владѣльцами мужи-
комъ.—Компаніецъ Андрей Масникъ, захожій, купилъ грунтъ Думинича и живучи на
ономъ, завладѣлъ въ степи.—Олехвѣръ Забѣгайло, захожій въза Ромна, степомъ
владѣе.—Іванъ Палига, живеть на Жовтенка дворѣ и бояре того еще завладѣлъ.—
Сергѣй Ворона мужикъ и живеть на мужичомъ владѣльческомъ грунтѣ и съ оного
козакуе.—Кирикъ Гречка, захожій въ Оржицѣ, мужикъ, поселившись дворомъ и занялъ
зеваду.—Іванъ Тригубенко занялъ діцъ поселенія немало земли,» и т. д.

«владельческихъ угодій» (левадъ, степи...). Въ концѣ списка добавлено: «Сими вышеписанными, такожъ и особливо всѣми козаками Кл-скими, завладѣнно въ степи, яко то заоромъ отцемъ истца къ двору для пахання учиненнымъ, такъ подъ горою и Верем'евскимъ шляхомъ, прозываляемъ цѣлиннымъ степомъ да и прочими въ окружности Клишинскомъ найдуючи ми паҳатными и сѣнокосными землями, а особливо лугами, лѣсами и луками сѣнокосными, ~~заселеніе козаки~~ владѣютъ неналежно, а то залежить къ единственному владѣнію владельца по силѣ высочайшаго пожалованія». Эта приписка ясно обозначаетъ земельныя притязанія Кл-хъ «владельцевъ». Они говорять, что всѣ Кл-скія земли принадлежать имъ, за исключеніемъ козачьихъ. Но какія же земли должны были принадлежать козакамъ?—Видимо, что село К-цы было богато землею и здѣсь можно было еще и въ пол. XVIII в. занимать ихъ однимъ только «заоромъ», т. е. по праву первого займа. Это право, по мнѣнію Лысенко и его «участниковъ», принадлежало только имъ и никакъ не принадлежало козакамъ.... До «луговъ, лѣсовъ и лукъ», которыхъ не были заняты козаками до 1737 г., послѣдніе затѣмъ не имѣли уже права касаться, утверждали державцы, хотя бы эти земли лежали и «впустѣ». Съ своей стороны генер. судья Лысенко, не имѣя возможности эксплоатировать всѣ Кл-скія земли, означалъ свое имъ владѣніе одними згоражи, т. е. одного только проведеною вокругъ бороздою... Отсюда становится яснымъ почему Осипъ Л-ко и его участники не могли предъявить опредѣленныхъ требованій. А отвѣтчики между тѣмъ не знали—о чёмъ предъявленъ споръ и противъ чего имъ приходится возражать. Узнавъ о назначеніи «следственной комиссіи», отвѣтчики просили полк. судь разрѣшить имъ выставить своего повѣренного, а когда разрѣшеніе это было дано, то тѣ же отвѣтчики писали уже въ комиссію: «понеже отѣхъ, якобы къ селу Кл-циамъ на онаго г. Лысенка принадлежащихъ и пами будто завладѣнныхъ грунтахъ либо другихъ угодіяхъ мы нижайшіе отъ следственной комиссіи, а также и отъ исковой стороны—никакова объясненія не имѣмъ, безъ чего въ онай комиссіи ни самимъ намъ выводится (оправдываться), ни повѣренного отъ себѣ выставить не можно...». Поэтому отвѣтчики просили комиссію дать имъ «письменное объясненіе»—«хто именно зъ насъ изъ угодій г. Лысенка чимъ точно, отъ которого времени—якобы завладѣлъ и какова онаго г. Лысенка на кого изъ насъ въ чёмъ именно претенсія состоятъ?..». Къ этому

отвѣтчики добавляли, что безъ этихъ «объясненій» нельзя ихъ требовать и «въ отвѣтъ». Но комиссія ничего не могла сдѣлать, потому что она находилась въ полномъ подчиненіи у «истцовъ» и главнымъ образомъ—у Туманского. Жовнинскій сотникъ Булюбашъ, узнавъ объ этой комиссіи, требовалъ у Сахновскаго—допущенія «депутата» для защиты козаковъ; объ этомъ сообщено было Туманскому, а Т-й написалъ къ Луб. полковнику, жалуясь на вѣшательство Булюбаша; Кулябка немедленно предложилъ сотнику—«о ничиненіи никакого въ той комиссіи препятствія и помѣшательства», при чмъ, чтобы «о бытіи при той комиссіи депутата онъ не затѣвалъ бы», ибо если нуженъ будетъ еть которой стороны повѣренный, то онъ сами могутъ того требовать». Засимъ комиссія Сахновскаго приступила къ слѣдствію. Процедура при этомъ была такая: визывался каждый изъ записанныхъ въ «реестрѣ» и допрашивался—безъ какого либо указанія предмета допроса. Напр. «козакъ Кл-скій Андрей Масликъ, онъ же Компанѣцъ, допросомъ показалъ: онай Масликъ живеть въ с. Кл-цахъ на купленномъ нимъ козачомъ Думническомъ грунтѣ, и съ того грунту козачую отбываеть службу; поля пахотного и сѣнокосного и другихъ грунтовъ—во окружности Кл-хъ дачъ—и найменше за собою не имѣть». На этотъ отвѣтъ повѣренный Лысенка «во улику показалъ, что отвѣтчикъ на козачомъ купленномъ нимъ Думническомъ грунте живеть—въ томъ истецъ, вѣдая про то, не спорить; что жъ касалося до поля и другихъ грунтовъ, то яко отвѣтчикъ въ допросѣ своемъ показалъ, что за владѣніемъ своимъ во окружности Кл-ой ничего не имѣть, такъ про то истецъ съ доводомъ своимъ пристановился. Болѣе жъ ничего въ улику показать истецъ не имѣть». На этомъ допросѣ такого безземельного козака и кончался. Другіе давали показанія обширныя, въ которыхъ рассказывали происхожденіе какъ свое, такъ и своей земли, при чмъ при указаніяхъ на прежнихъ собственниковъ этой земли, «истцы» справлялись съ ревизскою книгою 1723 г. и если находили, что прозваніе прежняго собственника имѣлось въ этой книгѣ, то считали, что земля должна принадлежать ему, а если сидѣвшій на ней «отвѣтчикъ» по происхожденію былъ крестьянинъ, а не козакъ, то требовали, чтобы такой владѣлецъ былъ «обращенъ въ подданство». Если же въ ревизской книгѣ между крестьянами имени прежняго собственника не находилось, а отвѣтчикъ указывалъ на козачье происхожденіе какъ своихъ предковъ, такъ и земли, то отъ допрашивае-

мого требовалась присяга, что онъ говорить правду...¹⁾) Такіе допросы Сахновскій производилъ въ юлѣ 1761 г., за исключеніемъ нѣсколькихъ допросовъ, произведенныхъ въ мартѣ 1762 г. Всѣ показанія «отвѣтчиковъ» записаны почерками двухъ писцовъ, при чёмъ за не-грамотныхъ «отвѣтчиковъ» подписывался мѣстный «дячекъ» Андрей Григорьевъ. При всѣхъ допросахъ «улики» говорилъ повѣренный «истцовъ» Завадскій. Повѣренного у «отвѣтчиковъ» не было. Сколько человѣкъ допросилъ Сахновскій — нельзя сказать, такъ какъ не все «дѣло» сохранилось, но видно, что допросы были кончены въ юлѣ 1761 г. а въ мартѣ 1762 г. допрошено было лишь нѣсколько душъ, можетъ быть прежде отсутствовавшихъ. Засимъ слѣдственная комиссія остановила свои дѣйствія и ровно ничего не дѣлала до ноября 1763 г.. Только въ ноябрѣ и декабрѣ этого года Сахновскій и его товарищъ стали постановлять свои рѣшенія. По каждому допросу, гдѣ, послѣ показанія отвѣтчика, со стороны истцовъ заявлено было то или другое требование, — было постановлено рѣшеніе («по указу» и проч.), въ которомъ послѣ прописки обстоятельствъ дѣла, говорилось, напр., — «и по выслушаніи вышеписанного дѣла, усмотрѣно, что отвѣтчикъ Павло Кобзаренко, самъ себе созналъ мужикомъ и что на владѣльческой землѣ поселился и оною владѣетъ — въ дѣлѣ показалъ, для того опредѣлено: по сознанию самого отвѣтчика, быть ему зъ владѣнію нимъ землею за истцемъ Лысенкомъ и участниками его въ подданствѣ»²⁾.

¹⁾ «Азъ Семенъ и Филонъ Кириченко присягаемъ Господу Богу ... что отецъ нашъ никогда въ с. Клищинцахъ и иные инде не мужиковатъ, но козакъ бытъ и что намъ токмо тѣ добра, съ коихъ отецъ нашъ козаковатъ довелись, а мужичигъ какъ отецъ нашъ, такъ и сами мы не прихватили»..

²⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе тутъ же будто бы приводились и въ исполненіе, какъ видно изъ слѣд. приговора. „Козакъ Калининскій Федоръ Безъялко. Будеть тому годовъ зъ 8, какъ онъ вайшеди зъ-за Днѣпра въ с. К-цы, куниль себѣ для поселенія въ козака Савинского огородецъ, на которомъ выстроивши хатку, началь козаковать и иныи козакуетъ; почему жъ тотъ Савинскій проданнымъ отвѣтчику огородомъ владѣть — не знаетъ; козаковать же Б-ко стать самъ отъ себѣ, безъ всякого упису».. Истцы возразили: «Б-ко самъ призналь, что имѣть грунтъ отъ Савинского, а Савинскій самъ въ К-цы бытъ захожій человѣкъ уже за пожалованіемъ тозо села К-цы въ подданство Новицкаго и какъ самъ призналь — свободную изъ К-скагъ дачъ землю къ поселенію своему занять ... а та земля, яко пожалованная, за Лысенкомъ бытъ должна». Поэтому Сахновскій постановилъ: «помеже Савинскій по произведенію слѣдствію лежала мужикъ и отдать въ подданство Лысенку, такъ и владѣемого

Почему же Сахновский откладывалъ свои рѣшенія болѣе чѣмъ на два года? — Конечно не потому что у него не было времени постановить ихъ раньше, а потому что эта отсрочка нужна была — истцамъ... Изъ рѣшеній Сахновского видно, что они постановлены въ отсутствіи отвѣтчиковъ. Ниже мы увидимъ, что Туманскій утверждалъ что рѣшенія «всякому отвѣтчику того жъ года правнымъ порядкомъ объявлены» и «въ сохраненіе законовъ, въ сотенное Жовнинское правленіе — кому изъ козаковъ, отъ какихъ земель отказано — письменно дано знать»; однако же въ слѣдствіи Сахновского никакихъ слѣдовъ объявленія рѣшеній *каждому отвѣтчику* — нѣть, а имѣется, только копія распоряженія Жовнинской сот. к-рии, которымъ послѣдняя, извѣщая одного изъ своихъ урядниковъ, что «отъ в. тов. Герасима Завадскаго въ сотенной к-рии объявлено, что по иску Лысенка съ участниками, слѣдственною комиссией отсуждены отъ козаковъ Артема и Ивана Іовенковъ и друг. (имена ихъ перечислены) грунта (следуетъ перечислѣніе), вслѣдствіе чего сотенному уряднику поручается — явиться къ в. т. Герасиму Завадскому и требовать отъ него парочного и когда онъ опредѣленъ будетъ — ходить до показанныхъ козаковъ и объявить имъ, что оные, ежели пожелаютъ на тѣхъ владѣльческихъ грунтахъ жительствовать, то отправовали бы съ нихъ послполитскую должность, а буде не захотятъ въ послполитскомъ званіи быть, то оставили бъ оные грунта во владѣніи владѣльческому, а сами сошли на козачіе грунта. Сверхъ того объявить атаману Кл-му, чтобы онъ — отданыхъ въ подданство козаковъ, коихъ списокъ прилагается, выключилъ съ числа козаковъ и никаково до нихъ дѣла не имѣлъ...» (1763 г., 17 ноября). — Отсюда видно, что объявленіемъ рѣшеній распоряжался *тотъ самый повѣренный Лысенка и его участниковъ, который велѣ это самое дѣло въ комиссіи Сахновскаго...* Едва ли Кл-іе козаки могли признать дѣйствительными тѣ судебнныя рѣшенія, которые объявлялись подобнымъ порядкомъ... Медлили же «истцы» съ постановленіемъ (Сахновскимъ) этихъ рѣшеній, потому что ждали ревизіи, которая начата была въ мартѣ 1763 г. и окончена въ нач. 1764 г.¹⁾.

отвѣтчикомъ двора за козачій признавать не дѣлъ чѣго; къ тому же отвѣтчикъ, что захожий тѣ за Днѣпра въ К-ды и самъ сознать, для того опредѣлено: прописанного, В-ка, съ владѣемъ имъ дворомъ, истцу Лысенку съ участники въ подданство отдать, и отдать». (2 дек., 1763 г.).

¹⁾ Шафонск., Черниг. Намѣстн. 97.

Туманский, какъ дѣлецъ, конечно разсчитывалъ, что ревизскою запискою Кл-хъ козаковъ въ число ихъ подданныхъ все таки крѣпче затянетъ и безъ того запутанный уже узель.—Дѣйствительно, присужденные Сахновскимъ къ подданству козаки въ ревизію 1764 г. записаны были подданными Туманского и Лысенковъ. Послѣ этой записи «истцы» продолжали ожидать благопріятнаго момента, чтобы окончательно накрыть «отвѣтчиковъ» тово сѣтью, которая такъ терпѣливо и искусно исподволь на нихъ набрасывалась... Исполненія рѣшеній Сахновскаго истцы потребовали отъ Кл-хъ козаковъ лишь весною 1765 г., такъ какъ только въ маѣ этого года Кл-ды подали объ этомъ Румянцову жалобу, въ которой писали, что комиссія по иску б. т. Осина Лысенка «съ участниками» была учреждена въ Кл-цахъ, бывшимъ гетманомъ, «по докладу генер. писаря Туманской *въ закрытие* того, что онъ *въ с. Кл-цахъ купилъ* часть Федора Лысенка, *своекупное съ Осипомъ Лысенкомъ (своимъ швагромъ)* имѣя владѣніе, и самъ былъ истцомъ по тому *дѣлу*; что слѣдователи не потребовали отъ истцовъ объясненія—въ чёмъ заключается ихъ иску и не доаволили имъ, отвѣтчикамъ, выставить повѣреннаго, что слѣдствіе производилось въ «прѣважемъ домѣ» Лысенка въ с. Галицкой¹⁾), что при этомъ хотя они, отвѣтчики, и показывали о своемъ козачествѣ и о пріобрѣтеніи земельныхъ угдій отъ козаковъ, но ихъ показанія не провѣрялись—изъ «похлѣбства» къ Лысенку и Туманскому; что въ показанія ихъ записывалось—то что желалось истцамъ, а затѣмъ показанія подписывались «будто по ихъ прошенію» Кл-скимъ дачкомъ; что когда они, отвѣтчики, заявляли въ комиссіи о неправильномъ веденіи слѣдствія, то ихъ съ бранью прочь отсылали, при чёмъ случилось, что Лысенко тамъ же, въ комиссіи, Семена Реда по щекамъ билъ; что такими неправильными рѣшеніями слѣдователей у многихъ изъ нихъ жилые дворы и грунты отеуждены, а другихъ и самихъ въ подданство истцамъ отдано, что по тѣмъ рѣшеніямъ Лысенке, не давая имъ и малого срока, выгоняль изъ дворовъ въ зимнее время; что кроме того, 23 марта (1765 г.), «дозорца» Туманского, съ старостами Кл-скимъ и Галицкимъ, собравъ мужиковъ болѣе ста и нашедши гвалтомъ, у Дениса Палиги овецъ старыхъ 62 и ягнятъ—40, у Власа, Мирюхиного зяя,—овецъ 25 и ягнятъ 20—забралъ; и то чинили старосты за пастьбу нашего скота.

¹⁾ С. Галицкая отдѣляется отъ Кл-довъ р. Сухем.

на общей козачьей толокѣ, которую Лысенко самовольно присвоиваетъ. Дамъе Кл-іе козаки говорять, что жаловались они за такія свои обыды въ Луб. полк. к-рию, но тамъ ничего не сдѣлано, а лишь только приказчикъ Туманскаго Власъ Чорный съ мужиками, напавъ на Леска Головка, избилъ и изувѣчилъ его, угрожая при томъ и другихъ насы также бить, чтобы мы болѣе о козачествѣ своемъ и о разореніяхъ нынѣ не искали. Въ заключеніе жалобщики просили—неправильныя рѣшенія Сахновскаго уничтожить и опредѣлить другікъ слѣдователей, на которыхъ бы застройня отъ обѣихъ сторонъ быть не могло¹⁾. Какъ только получена была эта жалоба въ Глуховской коллегіи, немедленно туда же подалъ и Туманскій свою жалобу, уже не скрывая своего участія въ этомъ дѣлѣ. Въ своей жалобѣ Туманскій указывалъ, что по гетманскому ордеру, для облегченія отвѣтчиковъ, слѣдствіе произведено было на мѣстѣ, чтобы не вызывать ихъ въ Лубны, и потому «противъ иску о всякомъ пороанъ и самомъ малѣшемъ грунтѣ, съ каждымъ пороанъ завладѣтелемъ—веденъ судной процессъ, а потому и на всякой же грунтѣ пороанъ учинены рѣшенія прошлого еще 1763 г., которыя рѣшенія всякому отвѣтчику того же года обвязаны, и когда ни отъ кого несть отвѣтчиковъ на тѣ рѣшенія апелляціи не объявлено, то, въ сохраненіе на то законовъ, какъ въ сопленное Жовинское прааленіе—кому изъ козаковъ отъ какихъ земель отказано, писменно дано знать, такъ и тѣ земли во владѣніе намъ поручены; что при этомъ нѣкоторые изъ козаковъ—не дожидаясь и рѣшенія, поданными персонально доношеніями, признаю свое ненадежное завладѣніе, сами отъ тѣхъ земель отступились. И съ того времени поимѣ мы—тыми присужденными и отанными намъ землями, а нѣкоторыми и въ доведеніи намъ въ подданство жителемъ на тѣхъ грунтахъ,—владѣли безспорно, при чёмъ они, отвѣтчики, не только скоро по объявлѣніи имъ каждому учиненныхъ рѣшеній, но и послѣ, донынѣ, въ вѣлк. Луб. к-рию, ни въ судъ генеральный апелляціи о недовольствѣ своемъ тѣми рѣшеніями не представляли, да кромѣ того, при сочиненіи реєстровъ отъ промеждемъ (1764) году, чрезъ нарочныхъ ревизоровъ, съ отбома изъ самихъ и ноказанія о ихъ дѣяяхъ, родственникахъ и работникахъ, съ числомъ несломимыхъ смысль и нынѣ состоять. Въ недавнемъ же времени получилъ я отъ своего приказчика увѣдом-

¹⁾ Жалоба подписана 39-ю подлинами.

ление, что тѣ, отданые съ землями нашими тамошніе жители, доведшіяся посполитыми, ослушны вовсѧ учинились, а какъ не безъзвѣстно, что изъ нихъ нѣкоторые—*о поданномъ своемъ въ Малор. коллегію доношеніи—клевещутъ на меня съ шуриномъ моимъ Лысенкомъ*, будто мы ихъ изъ козаковъ самовольно привернули въ подданство, утаевая, что состоявшіяся рѣшенія о нихъ имъ объявлены и они по тому объявленіюapelляціи не показывали и нынѣ того, въ чёмъ кому именно изъ нихъ несправедливымъ рѣшеніе кажется — не представляютъ»... Поэтому Туманскій просилъ коллегію, провѣривъ все то, что онъ написалъ, «таковое ихъ непослушаніе прекратить» и «подтвердить, куда надлежить, чтобы безпрепятственное владѣніе присужденными имъ землями сохраненѣ было». Какъ видимъ, Туманскій излагаетъ дѣло совсѣмъ иначе, утверждая, что все было сдѣлано правильно, но не указывая однокожъ фактовъ, чтобы «отвѣтчики» знали о постановленныхъ противъ нихъ, болѣе чѣмъ черезъ два года позлѣ слѣдствія, рѣшеніяхъ и не объясняя почему между слѣдствіемъ и рѣшеніями слѣдовалъ такой долгій промежутокъ... Къ этому можно добавить, что давая такое, повидимому, удовлетворительное объясненіе противъ «клеветы» отвѣтчиковъ, Туманскій тѣмъ неменѣе совсѣмъ не былъ увѣренъ въ своей правотѣ и очень боялся, что вся произведенная «слѣдственнаю комиссией» машинація будетъ уничтожена... Это видно изъ записки, которую Туманскій написалъ 28 мая (1765 г.) къ своему старостѣ въ Кл-цы: «Отданныхъ намъ обще въ посполите, а теперь . . . . . себе козаками . . . . . ничемъ отнюдь не отягощать и обидъ имъ никакихъ не чинить, и до присужденныхъ и отданныхъ намъ . . . . . т. е. пакатного поля и сѣнокосовъ, такъ же до лугу нашего владѣльческого они и проче вступатца именууть *покуда крайнее о всемъ рѣшеніе воспослѣдуется*¹⁾». Очевидно, что Туманскій продолжалъ дѣйствовать по отношенію къ своимъ «отвѣтчикамъ» уклончиво, ожидая «крайняго рѣшенія»... Такое рѣшеніе и должно было теперь послѣдовать изъ коллегіи... И тутъ-то Туманскій напрягъ всю свою канцелярскую мудрость, чтобы «крайнее рѣшеніе» послѣдовало въ его пользу... Какъ извѣстно, въ это время Румянцевъ только что стала во главѣ гетманщины, а устроенная подъ его

¹⁾ Копія этой записочки представлена Кл-скими козаками къ дѣлу и Туманскимъ не отвергалась. Точки означены мѣста истѣвшей бумаги.

президентствомъ въ Глуховѣ Малороссійская коллегія—только что начинала свою дѣятельность «высшаго присутственаго мѣста» въ краѣ. Коллегія состояла изъ восьми членовъ, изъ великороссіянъ и малороссіянъ поровну; въ числѣ послѣднихъ былъ членомъ коллегіи и Туманскій, въ товариществѣ С. Кочубея, Ив. Жоравки и Д. Апостола¹⁾. Какъ бывшій генеральныи писарь Туманскій, конечно, первенствовалъ въ канцелярской дѣятельности коллегіи; очень влиятельнымъ членомъ былъ С. Кочубей, но это былъ Туманскому свой человѣкъ по совмѣстной ихъ службѣ при Разумовскомъ, а Жоравка и Апостолъ—дѣльцами вовсе не были.

По обѣимъ жалобамъ,—Кл-скихъ козаковъ и Тум-го,—коллегія постановила: вытребовать изъ Лубновъ слѣдствіе Сахновскаго, а пока оно будетъ разсмотрѣно, то «дабы называющіеся козаками, кои присуждены и отданы за истцовъ . . . Туманскаго и Лысенка, были послушными и въ отбываніи надлежащихъ повинностей и во владѣніи отданныхъ земель — препятствія не чинили, о томъ отъ полк. Луб. к-рии къ сотнику Жовнинскому, для притвержденія онимъ Кл-скимъ жителямъ, предложить». (22 авг., 1765 г.). Когда же слѣдствіе Сахновскаго въ Глуховѣ было получено, то коллегія отослала его, вмѣсть съ жалобами обѣихъ сторонъ, въ генер. судъ и — «велѣла учинить по онимъ надлежащее разсмотрѣніе и въ силѣ указовъ и Малороссійскихъ правъ рѣшеніе непродолжительно». При этомъ коллегія послала въ генер. судъ и новую жалобу Кл-хъ козаковъ, почти одинакового содержанія съ прежнею, но подписанную 41-мъ человѣкомъ и съ добавкою—«и всѣ обще». Въ тоже время и Лысенки, Осипъ и Павель, жаловались въ коллегію, что Кл-скіе козаки ихъ разоряютъ и «чинять похвалки». Пославъ всѣ жалобы истцовъ и отвѣтчиковъ въ генер. судъ, коллегія въ то же время предписала полк. Луб. к-ри распорядиться, чтобы тѣ изъ Кл-хъ жителей, относительно которыхъ состоялись рѣшенія Сахновскаго, безпрекословно исполняли бы послѣднія впредь пока послѣдуетъ «крайнее рѣшеніе». Луб. к-рия исполнила этотъ указъ. Но засимъ Осипъ и Павель Лысенки подали новую въ Глуховѣ жалобу, въ которой писали, что ни присужденіе имъ въ подданство козаки, ни тѣ, отъ которыхъ отсуждены имъ земли—не слушаютъ ихъ, нападаютъ на ихъ старость и грозятъ пожаромъ,

¹⁾ Шафонск., Черниг. Намѣsti., 98.

По этой жалобѣ коллегія послала въ Лубны новый указъ объ ускромлениі Кл-цевъ. На этотъ разъ Луб. гродской судъ послалъ въ Кл-цы Лукомскаго сотника Малкевскаго съ приказомъ—привести Кл-цевъ въ ловиновеніе. Это было уже въ мартѣ 1766 г.—Но Кл-цы въ это время были уже сильно возбуждены. Имъ конечно стало уже известно нажеприводимое рѣшеніе генер. суда, постановленное въ декабрѣ 1765 г., въ которомъ вся процедура Сахновскаго найдена была противозаконною. Поэтому Кл-цы на приглашеніе Малкевскаго — слушать своихъ владѣльцевъ и подчиниться имъ требованіямъ, отвѣчали, что «указнаго повелѣнія не слушаются и слушаться владѣльцевъ не будутъ». Когда же Малкевскій хотѣлъ было арестовать одного кримуна, то «они закричали съ великимъ шумомъ, что никакой обиды себѣ не допустятъ»... Малкевскій оставилъ Кл-цы ни съ чѣмъ, а Луб. гродской судъ обо всемъ этомъ донесъ въ коллегію.

Получивъ это донесеніе, коллегія потребовала отъ генер. суда увѣдомленія — что имъ сдѣлано по жалобамъ Кл-цевъ и Туманскаго? Судъ отвѣчалъ присылкою своего рѣшенія, постановленного еще 15 декабря 1765 г. Изъ этого рѣшенія прежде всего видно, что генер. судъ отнесся къ дѣлу очень внимательно. Подробно разсмотрѣвъ всѣ его обстоятельства, судъ нашелъ, что относительно претензій Туманскаго и Лысенковъ—за переписку крестьянъ въ козаки—Сахновскимъ слѣдствіе произведено неправильно, такъ какъ при этомъ не было принять въ руководство указъ 16 апрѣля 1723 г., а между тѣмъ «слѣдствія о направно покозачившихся слѣдуетъ чинить не иначе, какъ по силѣ этого указа»¹⁾ и что такъ какъ Сахновскимъ этого сдѣлано не было, то и «о бытіи такимъ отвѣтчикамъ въ подданствѣ истцовъ оною комиссіею учиненный произвожденія и рѣшенія за дѣйствительныя почтены не могутъ и по вышеписаннымъ обстоятельствамъ уничтожены быть должны». Относительно другой части иска Туманскаго и Лысенковъ — о завладѣніи козаками послопольскихъ грунтовъ—генер. судъ нашелъ, что и здѣсь Сахновскій производилъ дѣло безъ соблюденія законныхъ формъ, такъ какъ «козаки ссыкивали въ ту комиссию безъ надлежащихъ позовъ и безъдачи имъ

¹⁾ «По искамъ чимъ либо о козачествѣ—надлежитъ справляться въ давними и тогдашними козачими реестрами о дѣдахъ и отцахъ, также и самимъ истцовымъ, а буде не сыщется давнихъ реестровъ, о такихъ свидѣтельствовать Малороссийскимъ жителемъ»...

правныхъ сроковъ и на прошеніе ихъ, отвѣтчиковъ, списку истцева—
въ чёмъ именно претенсія его на оныхъ состоится, почему бы для
отвѣту повѣренного отъ себе они поставить могли, списковъ не дано...¹⁾).
Почему и тѣ—о завладѣнныхъ козаками послопитскихъ земляхъ—
коммисійскія произвожденія и рѣшенія, яко не противу правъ, а къ
тому еще и въ неподлежащомъ судѣ земскомъ учиненные, также за не-
дѣйствительныя почтены и оставлены быть должны...²⁾). Засимъ слѣ-
дуеть заключеніе суда: «и хотя по вышеписаннымъ резонамъ всѣ
означ. комиссіи рѣшенія, коихъ по оному дѣлу является до 60-ти,
яко непорядочно и не въ силѣ правъ учиненные, нынѣ отставить
слѣдовало, но яко нѣкоторые изъ отвѣтчиковъ, послѣ тѣхъ рѣшений
уже, истцу тое, о чёмъ на нихъ искаль состоялъ.... добровольно усту-
пили да и на поданныхъ въ недовольствѣ на оную комиссію двоихъ
доношеніяхъ подписались только человѣкъ 39 (следуетъ перечень
жалобщиковъ)... того ради судъ генер. приговорили: оныя только про-
извожденія и рѣшенія, коими присуждены отвѣтчики тѣ, которые на
доношеніяхъ подписались—истцамъ въ подданство, а въ нѣкоторыхъ
съ нихъ—жилые дома и грунты въ отбору только приговорены, яко
непорядочно и не въ силѣ правъ учиненные, отставить и отвѣтчи-
камъ и изъ грунтовъ освободиться, какъ они до иску истцовъ были;
о которыхъ же, хотя рѣшенія при дѣлѣ имѣются, а они на доноше-
ніяхъ не подписались, о тѣхъ разсужденія, безъ жалобы ихъ, чинить
нихъ не доходить; а тѣмъ, которые какъ они, доискаваніе на нихъ
истцемъ грунта, ему, истцу, поданными въ комиссію доношеніями, до-
бровольно повстуپали, такъ послѣ того въ коллегію а ни въ судъ гене-
ралній за то прозби никакой не заносили,—быть, по той добро-
вольной уступки ихъ, грунтамъ ихъ уступленнымъ — за истцами³⁾).

¹⁾ Тутъ же судъ приводить и статьи закона (Лаг. стат.), указывающія нару-
шения Сахновскими формъ процесса.

²⁾ «А что въ истцовъ г. писарь Туманский, въ подданномъ въ Малор. кол. до-
ношніи, показуетъ, что якобы отвѣтчикамъ оныхъ ком. рѣшенія правнимъ порядкомъ
были объявливани и какъ отъ нихъ отвѣтчиковъ предъ комиссіею на оныхъ рѣшеніяхъ
ни отъ него апелляціи не обжалывали, такъ во оныхъ и надлежавшее исполненіе учи-
нено, да и по томъ до объявленіи посыпѣ и въ полковую к-рию, а ни въ судъ гене-
ралній апелляціи не подавала, то ико на тѣхъ рѣшеніяхъ подпису доволства либо не-
доволства отвѣтчиковъ не имѣется и чтобъ признаніи были либо оъявливаніи—ника-
кое вида нѣть»..

³⁾ При этомъ ген. судъ замѣтилъ, что хотя на второй этажѣ извѣнѣй есть
добавка—«и всѣ обще», «однакъ по сему терпѣніу есть обще—заключить не прямично
апелляціи отъ всѣхъ тѣхъ Кл-скихъ козаковъ»...

Истцы же Лысенко и господинъ Туманскій, ежели пожелають на оныхъ козакахъ, о которыхъ рѣшенія нынѣ генер. судомъ отставляются, искать, то о посполитствѣ чемъ либо зъ оныхъ Клищинцовъ—должны подать искъ вновь въ судъ генер., почему противъ вышеписанного 1723 г. указа—подлежащое выизслѣдованіе и рѣшеніе учинено быть имѣть, а о завладѣнныхъ ими, отвѣтчиками, посполитскихъ грунтахъ, на всякого порознь завладѣтеля, вновь же искать имѣть правнымъ порядкомъ въ надлежащемъ судѣ земскомъ...»¹⁾). Это рѣшеніе генер. суда обращаетъ на себя вниманіе своимъ беспристрастіемъ вообще и особенно по отношенію къ вліятельному Туманскому, котораго увѣреніе—о соблюденіи по отношенію къ «отвѣтчикамъ» всѣхъ процессуальныхъ формъ—такъ обстоятельно судомъ опровергнуто данными самого дѣла. За нарушеніе этихъ же формъ судъ и призналъ постановленія Сахновскаго—не могущими имѣть силы судебныхъ рѣшеній, при чемъ добавилъ, что это его заключеніе касается лишь тѣхъ 39-ти лицъ, которыхъ подписались на жалобѣ.—Приговоръ генер. суда объявленъ изъ отвѣтчиковъ одному Сергею Воронѣ, который «остался имъ недоволенъ». «Прочимъ же его, Вероны, товарищамъ и сторонѣ исковой (т. е. Туманскому и Ос. Лысенку) за нехожденіемъ отъ нихъ по тому дѣлу, не объявлена». Послѣднее замѣчаніе указываетъ, что Туманскій какъ будто не придавалъ рѣшенію генер. суда никакого значенія... Тѣмъ не менѣе коллегія потребовала (въ пол. 1766 г.) это рѣшеніе и по полученіи, нашла нужнымъ разсмотрѣть его по существу, безъ чьей либо жалобы, а на томъ основаніи, что «оное генер. суда рѣшеніе должно быть подъ разсмотрѣніемъ коллегіи за искательствомъ Кл-скихъ жителей, кои по рѣшеніямъ комиссійскимъ присуждены въ подданство г. генер. писарю Туманскому и Лысенкамъ». Согласившись однако же съ рѣшеніемъ суда, коллегія добавила, что такъ какъ изъ присужденныхъ истцамъ въ подданство 27-ми человѣкъ, на жалобѣ подписалось только 5 человѣкъ, то остальные 22 человѣка, Павелъ Деревянка, Яцко Чепецъ съ товарищи, подписей которыхъ на жалобахъ нѣть, и въ коллегію а ни въ судъ за то просьбы никакой не заносили, должны быть послушными показаннымъ ихъ владѣльцамъ, г. ген. писарю Туманскому и Лысенкамъ, не чиня противностей

¹⁾) Рѣшеніе подписали: Илья Журманъ, Александръ Дубинскій, Александръ Мокріевичъ, Дамьянъ Оболонскій, Иванъ Александровичъ, Дамьянъ Бенковскій и Степанъ Илліщенко.

и ослушности, каковы отъ нихъ прежде слѣдовали, и не только имъ, (т. е. 22-мъ) не искашившъ о козачествѣ, надлежить быть въ послушаніи, но и такимъ, кои ищутъ козачества (т. е. 5-ти, подписавшимъ жалобу?)—до крайнего о ихъ козачествѣ рѣшенія (?), слушаться своихъ владѣльцевъ, изъ за которыхъ они того козачества доходить желаютъ». Посему коллегія постановила: послать въ Луб. полк. к-рю указъ и велѣть ей означенныхъ Кл-хъ жителей, подписавшихся на доношениихъ 39-ти человѣкъ, оставить по рѣшенію генер. суда, какъ они до иску истцовъ были, *впредь до крайнєго въ коллегії ихъ дѣлъ разсмотрѣнія*. А чтобы прочие Кл-скіе жители, Павель Деревянка и Яцко Чепецъ съ товарищи, всего 22 челов., помянутымъ владѣльцамъ были послушны и прорезостей не оказывали, въ томъ для приведенія ихъ къ новиновенію и наказанія за прежде оказанный отъ нихъ сотнику Малкевскому противности,— отправить изъ Малор. коллегіи по инструкціи сотеннаго компанейскаго старшину Хоменка, которому велѣть, забравъ оныхъ ослушниковъ подъ караулъ, въ страхъ другимъ, въ томъ же селѣ Кл-цахъ, наказать кіями и притвердить имъ съ подпискою—впредь таковыхъ прорезостей не чинить, а ежели кто съ нихъ намѣренъ козачества искать, въ томъ должны они въ силѣ указа 1723 г. доходить по генеральному суду». Это постановленіе коллегіи при совопоставленіи его съ рѣшеніемъ генер. суда—непонятно. Судъ сказалъ, что всѣ рѣшенія Сахновскаго—незаконны, а слѣдовательно и тѣ, которыми козаки присуждены въ подданство, но такъ какъ на эти послѣднія рѣшенія пожаловались только пять человѣкъ, то судъ отмѣнилъ рѣшенія Сахновскаго только по отношенію этихъ пяти лицъ, а относительно остальныхъ, присужденныхъ къ «подданству», но жалобы не подавшихъ (коллегія число ихъ опредѣляетъ въ 22 чел.), судъ говорить, что относительно ихъ рѣшенія Сахновскаго не могутъ быть отмѣнены безъ подачи жалобы, при чемъ срокъ на послѣднюю не могъ быть потерянъ, потому что рѣшенія Сахновскаго не были объявлены въ формѣ требуемой закономъ. Коллегія, *соглашаясь съ рѣшеніемъ суда*, говорить однако жъ совсѣмъ другое. Она называетъ 22 лица, отъ которыхъ жалоба не была подана—«неискавшими о своемъ козачествѣ», а 5 лицъ, подавшихъ жалобу—«ищущими козачства», рекомендую и тѣмъ, и другимъ—слушаться *своихъ владѣльцевъ* впредь «до крайнега ихъ дѣлъ въ коллегіи разсмотрѣнія» и указывая, что если кто хочетъ искать козачства, то пусть того ищетъ по закону...

Такимъ образомъ коллегія, (такъ, кажется, слѣдуетъ понимать) — приказала ждать своего «крайняго разсмотрѣнія» и тѣмъ пяти лицамъ, относительно которыхъ генер. судь сказалъ, что — «оставаться имъ, какъ они до иску истцовъ были» (стр. 171), т. е. коллегія и этихъ пяти лицъ не освобождала отъ послушанія владѣльцамъ, оставляя, значитъ, въ силѣ уже отмѣненные генер. судомъ относительно ихъ приговоры Сахновскаго... А 22-мъ лицамъ, которыхъ, согласно рѣшенію генер. суда, должны были только подать жалобу на рѣшеніе Сахновскаго, чтобы стать въ то положеніе, въ которомъ «находились до иску», коллегія разрѣшала отыскивать то ихъ козачество, котораго они были лишены незаконнымъ приговоромъ Сахновскаго....

Такое постановленіе коллегіи, явившееся при томъ безъ чьей либо жалобы на рѣшеніе ген. суда, конечно, должно было поставить въ недоумѣніе Кл-хъ козаковъ.... Отсутствіе логической послѣдовательности въ этомъ постановленіи послѣ рѣшенія генер. суда, само собою бросалось въ глаза и заставляло предполагать, что «членъ коллегіи» Туманскій долженъ быть принимать въ сочиненіи этого постановленія немалое участіе...

И тѣмъ не менѣе постановленіе коллегіи должно было быть исполнено.

Вместо назначенного Хоменка въ Кл-цы былъ посланъ почему-то другой — «сотенный компанейскій писарь» Емчевскій. Онъ оказался расторопнѣе Малкевскаго и въ пол. сентября донесъ коллегіи, что прибывъ въ Кл-цы и забравши указанныхъ ему лицъ подъ караулъ, онъ тутъ же, въ страхѣ другимъ, наказалъ ихъ кіями, а чтобы они и впредь слушались своихъ «владѣльцевъ», отобралъ отъ нихъ въ томъ подписку. При этомъ Емчевскій добавлялъ слѣдующее: «при заборѣ мною тѣхъ ослушниковъ подъ караулъ, оного села Кл-цъ козаки, человѣкъ до 40-ка, напившись пьяные, сами собою, съ дружьемъ и кіями, нашедъ въ мою квартиру, кричали необычайно и намѣревали мене бить и забратихъ мною подъ караулъ — отбить, но сотникъ Жовнинскій Булюбашъ прислалъ своихъ козаковъ и они уже усмирили бунтовщиковъ»¹⁾.

¹⁾ Кл-сіе козаки, жалуясь на Емчевскаго за отнятіе имущества, говорятъ, что при этомъ усмирѣніи онъ забралъ: у Гаврила Пижули коровъ двѣ съ телятами, а овецъ — 14, у Д. Максименка — овецъ 9, у Д. Орленка — овецъ 11, «да денегъ со всѣхъ насы взято и уплачено за напитокъ у дворцѣ» (въ усадьбѣ), компанейцемъ съ при-

Напуганные Кл-цы притихли. Притихли они въроятно еще и въ ожиданіи—«крайняго разсмотрѣнія ихъ дѣлъ въ коллегії»... Молчали Кл-цы до весны 1767 г., когда, съ началомъ полевыхъ работъ, Туманскій и Лысенко стали попрежнему требовать отъ Кл-цевъ послушанія на основаніи приговоровъ Сахновскаго.. Вида несомнѣнное пристрастіе коллегіи къ Туманскому, Кл-цы снова заволновались, какъ видно изъ слѣдующей жалобы Кл-скихъ «владѣльцевъ», поданной въ коллегію въ маѣ 1767 г.—«коллегіи изъ прежнихъ нашихъ жалобъ известно о происходившихъ въ шаестности нашей въ с. Кл-цахъ отъ жителей тамошнихъ, *ищущихъ казачество, немалыхъ намъ обидахъ и что оніе искатели казачества и никогда нечеловѣчествующіе о казачествѣ, подданныхъ нашихъ подговорили къ ненослушанію...* И вынѣ получили мы отъ приказчиковъ своихъ репорты, яко тѣ жъ ищущіе казачество, съ другими того же села козаками, подговори и изъ подданныхъ нашихъ и собравшишь человѣкъ до ста, напали съ величимъ стремительствомъ, гвалтовно, на домъ изъ нась генер. писаря въ селѣ и имѣючійся при ономъ домѣ садъ, окопанный и огороженный, разломавъ огорожу и ровъ засыпавъ, разорили и опустошили вовсе, такъ что все фруктовое дерево, однихъ прищепъ болѣе 200, а особливо сливы и виноградъ, вовся сламали, до основанія повредили и для крайнего истребленія—скотъ пустыли, при чемъ и овощный отгородъ весь опустошили... Сверхъ того, изъ тамошнихъ подданныхъ нашихъ, *кои о казачествѣ иску неизъ не имлютъ, смотря на такие отъ сосѣдовъ своихъ происходія безстрашія и самоволія...* пришли въ такую дерзость, что болѣе 30-ти человѣкъ сдѣлались послушными и объявили приказчикамъ — ежели кто къ нимъ придетъ для требованія ихъ къ обыкновенной подданической повинности, то они того въ смерть убьютъ»...

Изъ этой жалобы видно, что центромъ неповиновенія владѣльцамъ были тѣ приговоренные Сахновскимъ къ «подданству» козаки, которыхъ Туманскій называетъ по этому своимъ «подданными», «нигдѣ нечеловѣчествующими о казачествѣ», но которые сами себя продолжали разумѣть козаками... «Крайнее разсмотрѣніе коллегіей» дѣла ихъ—оставалось, попрежнему, пустымъ словомъ.

каечиками выплитой, у М. Головка—6 гривень, у А. Довбященка—7 гривень и т. д. О томъ, какъ приводилъ Емчевскій въ повиновеніе Кл-цевъ см. ниже—показаніе Тригорія Иващенка.

Въ отвѣтъ на жалобу Т-го коллегія приказала Луб. полк. к-ріи распорядиться объ усмирениі бунтовщиковъ, вслѣдствіе чего въ Кл-цы былъ посланъ полк. хоружій Михайло Булюбашъ съ сотниками Малкевскими (Лукомскими) и Бутовскими (Чигриндуровскими). Въ началѣ юля 1767 г. Булюбашъ донесъ въ Лубны, что исполнить порученія онъ не могъ, такъ какъ встрѣтилъ со стороны бунтовщиковъ сильное сопротивленіе, при чёмъ писалъ: взять пристойное число команды изъ сотни Чигр-ской, пріѣхали мы въ Кл-цы и когда начали было производить слѣдствіе о неповиновеніи подданныхъ, то всѣ того села жители, козаки и мужики, явясь къ намъ, объявили, что они какъ на квартиру Емчевскаго хотѣли нападеніе учинить, дабы арестованныхъ имъ своихъ товарищей отнять, такъ и садь Туманскаго они же разорили, потому что подъ тогъ садъ общей земли нѣкоторую часть принято... Что вслѣдъ засимъ онъ, Булюбашъ, съ товарищами приступилъ было къ наказанію оныхъ гвалтовщиковъ, для чего и послана была команда при Чигр-скомъ хоружему Синеокому для арестованія, но они, собравшись въ числѣ до 200 человѣкъ, съ приготовленнымъ къ бою разнымъ оружіемъ, взять себѣ не допустили, говоря, что они никогда бить себѣ не позволять и будутъ въ томъ до послѣднихъ мѣръ защищаться. Видя такое отчаянное свирѣпство, пробовали было мы словесно ихъ уговаривать—повиноваться «указному велѣнію», но они держа въ рукахъ приготовленное оружіе, отвѣчали, что пусть всѣхъ нась сошлютъ въ Сибирь, но мы сами не отдадимся!— Избѣгая «смертнаго убийства», Булюбашъ донесъ обо всемъ этомъ въ Лубны, а Лубны донесли въ Глуховъ. Видя, что сопротивленіе властямъ Кл-цевъ принимаетъ тревожный характеръ, коллегія распорядилась сама послать въ Кл-цы изъ стоявшаго въ Лубнахъ Ряжскаго полка премьеръ-майора Беклера — «для учиненія слѣдствія о послѣдовавшихъ отъ жителей Кл-кихъ продерзостяхъ и озарничествахъ». Вмѣстѣ съ этимъ приказано было выслать въ Кл-цы 200 козаковъ изъ сосѣднихъ сотенъ, подъ начальствомъ Бутовскаго.—Уже въ концѣ августа Беклеръ донесъ Румянцову о полномъ неуспѣхѣ своего порученія. Прибывъ въ Кл-цы, пишетъ Б., я объявилъ жителямъ о цѣли моего прибытія, т. е. что я прибыль для разслѣдованія о разореніи дому г. Туманскаго и для наказанія виновныхъ. На это я получилъ отвѣтъ, «что то разореніе сдѣлано ими для того, чтобы не было между ними никакого владѣльца, а чтобъ были всѣ козаками!

что ни одного подданного подъ владѣніе они не дадуть и будуть за одно стоять до послѣдняго человѣка». Къ этому Б-ръ добавлялъ, что ему удалось, впрочемъ, арестовать «съ подмандомъ» двухъ «самыхъ первоначальниковъ»—атамана Афанасія Ворону и Григорія Билима, а остальныхъ въ томъ дѣлѣ сообщниковъ, писалъ Б-ръ, не предвижу никакова способу переловить, потому что они никогда въ своихъ домахъ не noctируютъ, а находятся денно и ночно, со всякими орудіями и по большой части съ заряженнымъ ружьемъ, въ собраніи около 200 человѣкъ, почему опасаюсь отвѣта за учиненіе на нихъ сильнаго нападенія, такъ какъ они, по своей отчаянности, напали на посланныхъ для провѣдыванія ихъ собраній—сотенныхъ есаула Бѣлаша и хоружаго Мироненка, взади ихъ, били и убить хотѣли, а двухъ казаковъ изъ ихъ команды прибили... Боясь, чтобы при нападеніи на бунтовщиковъ не случилось убийства, Б-ръ спрашивалъ у Румянцова дальнѣйшихъ распоряженій. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ, Ворону и Билима Б-ръ отправилъ въ Лубны для заключенія въ тюрьму. Въ Лубны явился впрочемъ одинъ только Бидимъ, а Ворона бѣжалъ¹⁾. На донесеніе Б-ра Румянцовъ отвѣчалъ: «неожидаемо мнѣ объявляете о событияхъ, произшедшихъ во время вашего бытія въ с. Кл-цахъ, по ордеру моему, для слѣдствія... Едва вѣрить могу, что жители с. Кл-цъ нашлись дерзостными казать знаки безумнаго воспротивленія и причинить бои сотеннымъ старшинамъ и казакамъ, при васъ находящимся...» Затѣмъ Румянцовъ приказалъ Б-ру объявить Кл-цамъ «его повелѣніе—немедленно отвѣтствовать, въ чёмъ до ихъ касается слѣдственное дѣло. А если бы, паче чаянія, говорится далѣе въ приказѣ

¹⁾ Позже (въ декабрѣ 1767 г.) Кл-скіе казаки рассказывали, что и при Беклерѣ Лысенко принималъ немалое участіе въ ихъ усмиреніи. Такъ, когда Б-ръ, имѣвшій квартиру въ с. Галицкой, въ дворѣ Лысенка, потребовалъ къ себѣ наиболѣе влиятельныхъ изъ Кл-скіихъ казаковъ, то къ нему туда пошли атаманъ Афанасій Ворона и Григорій Билимъ. У послѣдняго при этомъ въ рукахъ были письменные документы (о казачествѣ?); увидѣвъ эти бумаги, Лысенко вырвалъ ихъ изъ рукъ Билима и «подрадѣ на малые лоскутки». Повидимому, Лысенкомъ же былъ и арестованъ Билимъ: «а въ томъ случаѣ, когда г. майоръ заболѣлъ, онъ, Лысенко, съ сотникомъ Чигрдбр-мъ взяли подъ караулъ, забыли въ колодки и отправили казака Билима въ сежвестръ Лубенскій, гдѣ оной, содержась между ворами и разбойниками, подъ карауломъ и умре...» Далѣе казаки говорятъ, что будучи окружены командою въ рабочее время, они были лишены возможности снять хлѣбъ, котораго сгнило до 10 тыс. копѣкъ, а «ипу ю пашню, на пії стоящую, и сѣнокосы—означенный Лысенко, юда съ командою, будто за охотою, нарочито повѣбивалъ»...

Румянцова, они и засимъ препятствовали производить оное, то въ такомъ случаѣ тѣхъ, кои упорствуютъ оправдаться предъ вами и идуть противъ владѣльцевъ, обовязать всѣхъ подписками, дабы они съ своими доказательствами явились ко мнѣ въ Глуховъ. Наконецъ, то ихъ самовольство до того уже дошло, что и власти своей команды не хотѣли повиноваться и дать росписокъ, чего хотя и воображать не могу, но тогда имѣете отъ Ряжского пѣхотнаго полка потребовать команды, *а въ случаѣ надобности хотя и весь полкъ*,—расположить оную въ томъ селѣ и всѣхъ послушниковъ забравъ, выслать ко мнѣ, съ которыми поступлено будетъ по всей строгости законовъ...» Черезъ двѣ недѣли Б-ръ отвѣчалъ Румянцову: «полученный ордеръ мною—въ с. Кл-цахъ обывателемъ объявленъ, но какъ они предъ симъ, такъ и нынѣ въ ослушности находятся и ничѣмъ склонить ихъ неможно, не токмо чтобъ они шли въ комиссію, но и росписокъ отъ себе не даютъ, объявляя, что мы сего не слушаемъ, потому что мы—всѣ козаки, а между нами подданныхъ не имѣется...» Одновременно съ донесеніемъ Б-ра Румянцову, пять человѣкъ изъ числа Кл-хъ козаковъ подали на имя императрицы прошеніе, въ которомъ писали, что вслѣдствіе подданныхъ ими, въ разные годы, жалобъ на Туманскаго и Лысенка за разореніе,—насыщеными по ихъ просьбамъ командами,—велько не единожды суду генер. о козачествѣ предковъ нашихъ и насть самихъ слѣдоватъ, почему о нѣкоторыхъ изъ насть въ ономъ судѣ генер. уже взяты изъясненія (?), хотя же большою частью изъ насть такѣ, которые какъ прежде были козаками, такъ и нынѣ въ службѣ находятся и по рѣшенію генер. суда 1765 г., по иску Туманскаго, *изъ козачества не исключены и отправляютъ козачью службу*, точію оные писарь генер. Туманскій и Лысенко грунтами нашими напрасно завладѣли, не дожидаясь крайняго окончанія тому дѣлу и не довольствуясь тѣмъ, что уже пользовались и приворочали нахально насть въ подданическую повинность безъ дозволенія высшей власти...» Затѣмъ разсказавъ о пребываніи въ Кл-цахъ Беклера,¹⁾ козаки пишутъ: «если же Лысенко имѣть на насть какую правную претензію, то пусть вѣдается судомъ, а не наводить на насть командъ, почему, ежели что и нынѣ касается до нашей виновности, то мы сами себя въ коллегію пред-

¹⁾ Тутъ же говориться, что Григорій Билимъ былъ арестованъ, безъ всякой причины, когда былъ позванъ въ комиссію для объясненій См. стр. 177.

ставляемъ, подвергая себя какому съ нами поступленію, но не ему (Лысенку) насть въ его домѣ бить и мучить... Слѣдовательно, и помянутой комиссіи (Беклера), нароя сторонѣ его, Лысенка, въ дворѣ его станцію имѣть не доводилось бы, яко же комиссія находится въ дворѣ Лысенка въ с. Галицкой, за $2\frac{1}{2}$ версты оть с. Кл-пъ». Это прошеніе уясняетъ намъ пониманіе козаками своего положенія. Они разумѣли, что рѣшеніе генер. суда освободило ихъ отъ приговоровъ Сахновскаго, предоставляя право Туманскому и Лысенку, *и безъ жалобы* 22-хъ, начать противъ нихъ новое дѣло *правеннымъ* порядкомъ....

Поданное на имя императрицы прошеніе передано было Румянцову и имѣло послѣдствіемъ выговоръ оть послѣдняго Б-ру, что онъ, «не нападъ еще виновныхъ, уже взялъ подъ караулъ атамана Ворону и козака Билима и вмѣсто спокойнаго веденія дѣла,—устрашалъ Кл-цевъ разными угрозами». Поэтому Румянцовъ предлагалъ Б-ру произвести слѣдствіе во всемъ согласно его ордеру, при чмъ поручилъ ему разслѣдовать и о поведеніи Булюбаша съ Малкевскимъ и Бутовскимъ, во время ихъ пребыванія въ Кл-цахъ. Октябрь и ноябрь Б-ръ производилъ слѣдствіе, которое и представилъ въ Глуховъ въ декабрѣ 1767 г. Слѣдствіе Б-ра состояло изъ двухъ частей. Прежде всего были допрошены тѣ лица, которые разоряли садъ Туманскаго; ихъ оказалось 43 человѣка; они рассказали, что 9 мая, въ день св. Николая, пошли они въ церковь, но когда оказалось, что, по отсутствію священника, «службы» не будетъ, то они, взявъ лопаты, пошли въ садъ Туманскаго и разломавъ огорожу тамъ, гдѣ Туманскій захватилъ подъ садъ часть большой дороги, засыпали тутъ же выкопанную имъ же, Туманскимъ, канаву, при чмъ вырвали посаженный тамъ слива-никъ и кромѣ того, пускали въ садъ и скотъ.

Вторая часть слѣдствія заключалась въ допросѣ 22 человѣкъ (см. стр. 172), отказывавшихся отъ подданства Туманскому и Лысенку. Всѣмъ имѣ былъ предложенъ одинъ вопросъ: «находился ли ты въ подданствѣ у г. ген. пис. Туманскаго, съ котораго мѣсяца и числа, такожъ предки твои или ты—владѣльческимъ строеніемъ или землею владѣли ли?—На этотъ вопросъ всѣ 22 лица показали, что были они прежде козаками, пока Сахновскій въ 1763 г. не приказалъ имъ «слушаться» Лысенка; что затѣмъ, въ 1765 г., они перестали отбывать послушаніе, пока снова не принудилъ ихъ къ тому послушанію Емчевскій, послѣ чего оставались они въ подданствѣ до 9 мая 1767 г.,

когда разорили садъ Туманского и рѣшили отказаться отъ подданства¹⁾. Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, Бѣръ представилъ и подпиську допрошенныхъ лицъ о томъ, что они будучи изобижены отъ владѣльцевъ, не могутъ отдать имъ себя въ послушаніе до дальней графской резолюціи, для выслушанія которой должны явиться въ Глуховъ 1 декабря (1767 г.).

Къ этой подпискѣ всѣ Кл-скіе козаки прибавляли просьбу, чтобы Румянцевъ обратилъ свое вниманіе на несчастную судьбу тѣхъ козаковъ, которыхъ Туманский и Лысенко желаютъ обратить въ крестьянъ.

Давшіе подпиську явиться въ Глуховъ 1 декабря, повидимому, исполнили это обязательство. Покрайней мѣрѣ, 7 декабря «походная к-рія» Румянцева потребовала отъ коллегіи свѣдѣній—какія имѣются въ ней дѣла объ ищущихъ козачества жителяхъ с. Кл-дъ—Іванѣ Ли-хонерстѣ, Грицкѣ Михаленкѣ и друг. (всѣхъ 14), а также—предки онъыхъ или они сами—въ какихъ званіяхъ состоять по прежнимъ и по послѣдней ревизії?—Коллегія дала справку (18 дек.), что дѣло о козачествѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ имѣется подъ разсмо-

¹⁾ Приводимъ здѣсь одно изъ такихъ показаній, добавляя, что въ главномъ—всѣ они тождественны. «Грицко Иващенко показалъ: отецъ мой родной прозвывался Савченко, состоялъ козакомъ и находился въ Крымскихъ походахъ, гдѣ и померъ тому лѣтъ 30, а жительство имѣть на своей старинной землѣ; а по смерти его, мать моя родная тую землю продала, ибо я еще въ малыхъ лѣтахъ былъ и жилъ у брата своего родного Екима Савченка, который грунтъ себѣ купилъ у козака Яковенка, гдѣ и воспитанъ; и жилъ съ нимъ, съ братомъ, до 763 г.; но, по прибытии Горошинской сотни сотника Сатновскаго, забрали у насъ худобу и прочее и приказали слушаться и подданическую повинность ему, г. подсудку Лысенку, отбывать; и по тому притѣсненію отбывали полтора года, а послѣ того, по имѣющимся нашимъ правамъ, отказались и жили свободно одинъ годъ или болѣе, а потомъ отъ брата своего перешелъ въ оставшуюся пустую хату Якова Кравченка, по отходѣ его въ Польшу, а имъ куплена у козака Семена Киришинки, которую мнѣ атаманъ Никифоръ Головченко показалъ въ 766 г.; а пахатного поля и сѣнокосовъ, какъ купленныхъ такъ и владѣльческихъ, не имѣю; а пропитаніе имѣю—единственно что выработаю въ людяхъ. И того жъ году, прибылъ компанійской писарь Емчевской, по небытности меня въ домѣ, взялъ брата моего въ дворъ г. ген. пис. Туманского, посадилъ въ погребъ и содержался одни сутки, а по прибытии моемъ, его брата выпустили, а меня въ томъ погребѣ содержали до двухъ недѣль, и вынувъ оттолъ, кіями были, отъ какова страху принужденъ отдаться въ подданство, которое отправлялъ сего году мая по 9-е число, и въ то время мое званіе переименовали Иващенкомъ. И о вышеписанномъ свидѣтельствую стариннымъ козакомъ Никифоромъ Головкою».

тропніемъ коллегіи, но еще не рѣшено, а дѣлается, къ докладу съ оною экстрактъ... Были доставлены въ коллегію и выписки изъ ревизскихъ книгъ. Но получивъ эти свѣдѣнія, Румянцовъ 22-го декабря передалъ Беклеровское слѣдствіе въ коллегію — «къ разсмотрѣнію по законамъ». Въ тотъ же день и ищущіе козачества жители Кл-скіе дали въ походную к-рію Румянцева подпись «въ томъ, что по имѣющемся въ коллегіи доношенію Туманскаго и Лысенка, якобы о починенныхъ ими гвалтахъ дѣлу, они имѣютъ явиться въ коллегію къ 20-му января 1768 г...»

Но въ коллегію Кл-скіе казаки уже не явились. Видимо, что не повѣрили они въ беспристрастное разбирательство своего дѣла тѣмъ учрежденіемъ, въ которомъ игралъ такую влиятельную роль Кл-скій «владѣлецъ» Туманскій, измыслившій судь Сахновскаго, откуда и начались ихъ бѣдствія.... Затѣмъ, пришла весна 1768 г. и въ Кл-цахъ снова «оказалось неповиновеніе владѣльцамъ», такъ какъ въ маѣ коллегія послала указъ полковнику Кулябкѣ, въ которомъ указывая, что въ Кл-цахъ снова возникло волненіе и неповиновеніе, при чёмъ то и другое приписывается («владѣльцами?») 43-мъ казакамъ и 14-ти «отложившимъ подданніемъ», приказывала узнать зачинщиковъ и предводителей и таковыхъ наказать публично плетьми; если же Кл-цы зачинщиковъ не покажутъ, то всѣхъ по реестру¹⁾ наказать и взять десять важнѣйшихъ, отправить въ Глуховъ на городовую работу, а подданныхъ отдать въ подданство владѣльцамъ». Вслѣдъ за націсаніемъ этого указа, Туманскій подалъ (12 мая) въ коллегію новую жалобу въ которой писалъ: «при другихъ многихъ дерзновенныхъ поступкахъ, происшедшихъ отъ жительствующихъ въ с. Кл-цахъ казаковъ, довольно уже известныхъ млр. коллегіи, атаманъ того села съ казаками, взволновавши весь народъ, сталъ, по безстрашію своему, не допускать меня съ соучастниками къ владѣнію полевыми землями, коими тесть мой судія генер. Федоръ Лысенко, а по смерти его — сыны, а также и я владѣли, причемъ заняли всѣ тѣ поля, не оставивъ намъ и малѣйшей части; да при этомъ ни сами земель тѣхъ не обрабатываются, ни подданныхъ моихъ къ нимъ не допускаются... А какъ нынѣ отъ млр. коллегіи повелѣно г. полковнику Луб. Кулябкѣ сѣхать въ то село для усмиренія предпомянутыхъ Кл-скихъ казаковъ

¹⁾ Реестра при дѣлѣ нѣтъ.

и приведенія отложившихъ тамошнихъ подданныхъ къ должностному послушанію, тѣ при семъ случаѣ млр. коллегії прошу ему же г. полк. Кулябкѣ препоручить, дабы онъ, въ бытность свою въ Кл-цахъ, подтвердилъ атаману съ козаками, чтобы они болѣе мнѣ во владѣніи пахатною и сѣнокосною землями никакого препятствія чинить не дерзали...» Просьбу эту коллегія передала Кулябкѣ.

Засимъ, въ началѣ юля, Кулябка донесъ коллегії, что взявъ съ собою 300 козаковъ, онъ отправился въ Кл-цы и потребовалъ повиновенія, но «то мое требованіе они презирая, явились ослушны и окопавсь, позаставлялись возами, землею понасыпанными, до 300 и болѣе, съ кіями, списами и косами на правецъ спорожженными...»¹⁾ Кулябка потребовалъ, чтобы Кл-цы явились къ нему и выслушали бы, покрайней мѣрѣ, указъ коллегії, но получилъ отвѣтъ, что тѣ не явятся, а предлагаютъ прислатъ указъ къ нимъ. Указъ былъ посланъ. Прочтя его, «осажденные» отвѣчали, что «указовъ коллегії, сената и графскаго ордера—слушать не будуть и себя ваять, безъ кровопролитія, не допустятъ». Не зная, что дальше дѣлать, К-ка послалъ къ «возмутившимся» священника—для увѣщанія. Послѣдній донесъ, что «возмутившиеся» дали ему такой отвѣтъ: «пріди ты, отче, къ намъ съ евангелемъ и всѣхъ насъ выисповѣдай! — А мы нынѣ, пришедшихъ къ намъ пушекъ, гранатъ и другой стрѣльбы—не боимось и въ руки ихъ не поддамось, а изъ своей землѣ желаемъ и умерти! И пусть та скурва старшина, полковникъ и сотникъ Булубашъ, да въ томъ числѣ и Іосифъ Лысенко, напередъ предъ командою идутъ къ намъ, ибо намъ де того и хочется, такъ какъ додому здоровы уже не имѣютъ пойти,—всмърть побъемо!»²⁾. Послѣ этого К-ка приказалъ сотникамъ Булубашу и Малкевскому—отправиться въ Кл-цы и занять квартирами дворы «возмутившихся» 43-хъ козаковъ и 12-ти крестьянъ. Но сотники не смогли исполнить этого приказанія, какъ видно изъ ихъ «рапорта», въ которомъ писали, что они нашли Кл-цевъ окопавшимися и вооруженныхъ, и что когда стало было они ихъ увѣщевать, но тѣ въ отвѣтъ—«коллегію и всѣхъ ея членовъ такими ругательскими словами брали, какихъ здѣсь и описывать не смѣемъ...» А когда сотники стали было разставлять для

¹⁾ Т. е. прикрепленными къ прямымъ палкамъ, въ видѣ ножей.

²⁾ Въ такихъ словахъ отвѣтъ «возмутившихся» записанъ въ «репортѣ» священника Василия Комарецкаго Кулябкѣ.

взекуцию козачью команду по дворамъ отказавшихся отъ подданничества, то «бунтовщики, выскочивши изъ своего окопа въ числѣ болѣе 200 человѣкъ, напали на нихъ, стали бить козаковъ безъ пощады, ружья и списы поотнимали... И если бы мы съ командою хотя малый сдѣлали отпоръ, то неминуемо произошло бы смертоубийство и кровопролитіе.. Не имѣя же приказанія вступать въ бой, мы оставили Кл-цы». О неудачныхъ своихъ дѣйствіяхъ К-ка донесъ (4 июля 1768 г.) въ коллегію и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій. Къ этому донесенію К-ка нашелъ нужнымъ послать, на другой же день, дополненіе, въ которомъ, какъ бы оправдываясь въ неуспѣхѣ своего порученія, писалъ, что онъ продолжалъ уговаривать Кл-цевъ, но что тѣ ничего не слушаютъ и «содержа при себѣ двѣ куфи горѣлки, выбѣгаютъ изъ своего *городка* съ разнымъ оружіемъ, почему я въ защиту себя и находящейся при мнѣ команды и для устрашенія бунтовщиковъ, нашелъ нужнымъ сыскать двѣ пушки, которая и содержу при себѣ. Но и того они не уважая, чинять похвалки—отбить тѣ пушки и какъ меня съ старшиною, такъ и команду—переколоть и перерубить... Тутъ же К-ка добавляетъ, что «онъ болѣе способу не находитъ къ усмиренію бунтовщиковъ, и кроме развѣ бы гранатами (которыхъ въ Лубенской артиллериї нѣть) выгнать ихъ за городъ и въ ту пору выловить и перевязать...»

Изъ этихъ донесеній Румянцовъ долженъ былъ убѣдиться, что расчитывать на К-ку нечего, почему тогда же распорядился послать въ Кл-цы Лютенскаго сотника съ его командою, приказавъ взять еще и изъ отряда К-ки сто человѣкъ. Объ увольненіи послѣдняго отъ Кл-скаго порученія ничего впрочемъ при этомъ не говорилось. Лютенскій сотникъ прибылъ въ Кл-цы въ томъ же іюль и—только что К-ка отдѣлилъ ему изъ своего отряда сто человѣкъ, какъ вслѣдъ засимъ изъ оставшихся у К-ки козаковъ — 77 человѣкъ «возмущились и не слушаясь приказа, запрягли возы и отѣхали въ domы свои самовольно»... Донося объ этомъ случайнѣ, К-ка прибавляетъ: «и потому я здѣсь быть съ малымъ числомъ козаковъ весьма опасенъ... И хотя я и въ другомъ селѣ нахожусь, отъ Кл-ца черезъ рѣку (т. е. въ с. Галицкой), но какъ показанные бунтовщики имѣютъ похвалки перебраться лодками и учинить на меня нападеніе, то мнѣ нечего ожидать болѣе, какъ безвременной смерти... Изъ находящихся при мнѣ козаковъ многіе, тайнымъ образомъ, отлучаются отъ команды,

ходять къ бунтовщикамъ и съ ними пьянствуютъ»... Послѣ этого трусливаго донесенія, К-ка, повидимому, былъ отпущенъ изъ Кл-цъ. Вернувшись въ Лубны, онъ занялся розысканіемъ самовольно ушедшихъ изъ его отряда козаковъ¹⁾). Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Лютенского сотника въ Кл-цахъ—изъ «дѣла» утрачены, но видно, что какое то «усмирение» тамъ послѣдовало, причемъ, Румянцовъ, повидимому, посыпалъ въ Кл-цы кого то для увѣщанія «бунтовщиковъ» отъ своего имени. Эта мѣра кажется и имѣла успѣхъ. Покрайней мѣрѣ, въ своемъ ордерѣ, посланномъ въ коллегію, въ сентябрѣ, Румянцовъ извѣщая послѣднюю, что «извѣстные бунтовщики жители с. Кл-цы, по его увѣщаніямъ, сами отложили теперь свой мятежъ и повинуясь послѣднему его приказанію, имѣютъ явиться въ Глуховъ къ суду», предложилъ коллегіи «дать указъ» генеральному суду, чтобы ихъ судить не только за прежнія преступленія, но и за нынѣшнія явныя возмущенія противъ начальства, что они дерзнули нападать противъ посланной съ полковникомъ Лубенскимъ Кулябкою команды... Ежели же они заразъ бы не явились въ Глуховъ, то призвать ихъ на срокъ указомъ и вышеписанное исполнить. Туда же сыскать и взятыхъ при возмущеніи изъ сихъ жителей посланными на нихъ командами, которые въ полковой Луб. к-рии содержатся, и отдать ихъ до окончанія дѣла на городовую работу». По этому распоряженію коллегія отослала Клищинское дѣло въ генер. судъ, где оно и было получено въ концѣ сентября. А вслѣдъ затѣмъ изъ Лубновъ прислано въ Глуховъ—«бунтовщиковъ жителей с. Кл-цы 9 человѣкъ да двѣ жен-

¹⁾) Бѣжавшіе изъ отряда Кулябки были переложены осенью того же года и по распоряженію Румянцева были отосланы въ Глуховъ, где «всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступление противъ порядка военной службы, до дальней о нихъ революціи приказано употреблять на городовую работу». По этому распоряженію полковникъ К-ка прислалъ въ Глуховъ 70 человѣкъ бѣглецовъ, которые и употреблялись на городовыя работы. Но затѣмъ, когда оказалось, что въ острогѣ не достало денегъ на кормъ «бѣглецовъ», то въ пол. ноября 1768 г. они были освобождены: «козаковъ полку Лубенскаго, которые по моему приказу содержатся въ Глуховѣ, что они отлучились безъ позволенія изъ команды полка К-ки,—освободить съ подкараулу, вмѣнивъ въ наказаніе употребленіе ихъ къ городовой работѣ; и хотя ихъ важное преступление надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ учиненію (sic), рождающемуся отъ утраченного мужества и всякаго военнаго порядка, упращается строгость наказанія ими заслуженнаго»... Такъ писалъ Румянцовъ въ своемъ ордерѣ объ освобожденіи бѣглецовъ.

щины», которыхъ коллегія приказала содержать въ острогѣ, съ прочими колодниками, до окончанія о нихъ въ генер. судѣ дѣла, съ употребленіемъ ихъ на ежедневную городовую работу.

На этотъ разъ генер. суду нужно было разрѣшить уже уголовное дѣло—о неповиновеніи и сопротивлѣніи Клищинскихъ жителей властямъ, не касаясь споровъ ихъ съ Туманскимъ за козачество и Кл-скія земли. Повидимому, Кл-цы поняли, что ихъ дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, потому что поспѣшили послать въ Петербургъ своего атамана (Трофима Билима) для подачи жалобы самой императрицѣ. Жалоба была подана, но за ея подачу Билимъ былъ арестованъ и отосланъ въ Глуховъ для суда вмѣстѣ съ другими, а поданная жалоба была отослано въ сенатъ; сенатъ, познакомившись изъ ея содержанія съ Кл-мъ дѣломъ, написалъ въ млр. коллегію (въ мартѣ 1769 г.), чтобы «оная по рѣшеніи дѣла, виновнымъ наказанія не чинила, но прежде въ сенатъ репортовала и когда они (Кл-цы) по дѣлу усмотрятся (сенатомъ) виновными, то за ихъ дерзновенія безъ наказанія не останутся...». Это распоряженіе указываетъ какъ будто на сомнѣніе со стороны сената въ безпричастіе коллегій....

Въ концѣ 1769 г. генер. судъ рѣшилъ Кл-ское дѣло, причемъ пять козаковъ—главныхъ зачинщиковъ—приговорены были къ смертной казни, а остальные козаки, за неявку ихъ къ суду—«къ выволанью» (т. е. къ изгнанію изъ государства). Рѣшеніе это было пересмотрѣно коллегіей, причемъ послѣдняя смертную казнь замѣнилъ «вѣчною ссылкою» къ Нерчинскѣ¹⁾). Затѣмъ, дѣло было отослано въ сенатъ, который только, кажется, отвергнулъ заключеніе коллегіи о гражданскомъ иску Туманского и Лысенка и отчасти измѣнилъ мѣру тѣлеснаго наказанія козаковъ. Перечисливъ въ своемъ рѣшеніи подробно всѣ преступленія Кл-хъ жителей, козаковъ и крестьянъ²⁾,

¹⁾ Рѣшенія генер. суда и коллегіи—не сохранились и лишь части ихъ видны изъ рѣшенія сената. Замѣна «высоловъ»—перечисленіемъ козаковъ въ «коронные подданые» принадлежитъ тоже, кажется, коллегіи.

²⁾ При этомъ сенатъ, между прочимъ, говорить, что Кл-цы «дерзнули вооруженною рукою не только ополчаться и сопротивляться, но и «пушки отнимали...». Изъ сохранившагося «дѣла» о Клищинскомъ бунтѣ не видно, чтобы фактъ отнятія «бунтовщиками» пушекъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Сколько видно изъ этого «дѣла», пушки были только въ отрадѣ Кулибки, но послѣдній въ своихъ «рапортахъ» объ отнятіи у него пушекъ—не говорить... Впрочемъ, мож. быть, свѣдѣніе объ отнятіи пушекъ находилось въ бумагахъ, изъ «дѣла» теперь утраченныхъ.

и согласившись съ заключенiemъ коллегіи о ссылкѣ пяти зачинщиковъ въ Нерчинскъ, сенатъ далъе говорить: «прочихъ же всѣхъ числомъ 120 человѣкъ, кои изъ козаковъ, вступившихъ въ столь дерзостный бунтъ и козачей службы неотправляющихъ, лиша ихъ козачего званія и выключа изъ списковъ козачихъ, яко бунтовщиковъ и недостойныхъ пользоватся козачими вольностями, написать въ мужики и отдать ихъ въ острогъ, въ городовую работу, на два года, а потомъ учиня, вмѣсто шпицрутены, въ томъ же с. Кл-цахъ, публичное имъ наказаніе плетми, причислить къ короннымъ имѣніямъ, въ равныя съ прочими подати ѹ повинности. А подданныхъ, собою назвавшихся козаками и противящихся въ послушаніи владѣльцамъ своимъ, (написанныхъ въ ревизії 1764 г., числомъ 185 челов., за владѣльцами ген. пис. Туманскимъ и б. тов. Лысенкомъ), кои изъ нихъ, подъ видомъ иску о козачествѣ, вступили въ бунтъ, въ силѣ сенатскаго указа 1762 г., сентября 2, бить кнутомъ, съ подтвержденіемъ, чтобы они владѣльцамъ своимъ должную повинность отдавали и впредь отъ нихъ о козачествѣ иску не принимать...»¹⁾). Тутъ-же сенатъ отмѣнилъ часть рѣшенія коллегіи, которою Туманскому и Лысенку присуждался гражданскій исѣ въ суммѣ 5563 р., за невладѣніе землями съ 1765 г., на томъ основаніи, что «такое взысканіе приговорено безъ доказательства, по одному только тѣхъ владѣльцевъ показанію». Рѣшеніе сената было представлено императрицѣ, которая приказала: «учинить по мнѣнію сената». Затѣмъ, рѣшеніе для исполненія было

¹⁾ Въ этомъ рѣшеніи для настъ остаются непонятными цифры осужденныхъ козаковъ (120) и крестьянъ (185), такъ какъ въ Кл-цахъ, повидимому, не могло быть такого количества домохозяевъ, а ихъ только, конечно, и разумѣвѣть рѣшеніе. По ревизії 1740 г. въ Кл-цахъ значилось: козаковъ—47 и крестьянъ—54 семействъ, а по вѣдом. 1781 г.—крестьянъ владѣльческихъ 138 катъ и коронныхъ (т. е. бывш. козаковъ)—35 катъ.—Впрочемъ, въ порученномъ Требинскому спискѣ—козаки значились и не написанные въ ревизії, какъ это видно изъ сѣдующаго мѣста даннаго ему ордера: «что же касается до ненаписанныхъ въ ревизії въ томъ же списку поименованныхъ, кои на поданномъ г. генер. Фелдмаршалу... Румянцову доношенія подписались козаками и заслуживающими равное жъ съ прочими наказаніе, обѣ оныхъ долженъ онъ, Треб., въ сотенникъ Жовнинскимъ правленіемъ, также и съ ревизіей (конечно, прежнемъ) учинить виправку и кто съ тѣхъ, ненаписанныхъ въ ревизіи, явится бывшіе козаками и мужиками, обѣ оныхъ онъ, Треб.. поступиль бы равно такъ, какъ выше сего о козакахъ и мужикахъ предписано). Относительно крестьянъ—остается думать, что число крестьянъ, записанныхъ по ревизії 1764 г. было значительно больше того числа ихъ, которое значится по ревизії 1740 г. и по вѣдомости 1781 г.

препровождено въ коллегію, а послѣдняя (6-го іюля) постановила: «къ забратію показанныхъ жителей Кл-скихъ, приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ и къ сидѣнію чрезъ два года въ острогѣ, а предъ тѣмъ къ учиненію экзекуціи, нарядить бунч. тов. Данила Требинскаго, съ приложеніемъ именнаго обѣ оныхъ Кл-скихъ жителяхъ, козакахъ и мужикахъ, по ревизіи 1764 г. списка». При этомъ коллегія командировала въ распоряженіе Требинскаго сто козаковъ изъ Ирклѣвской и Каневской сотенъ, «при самихъ сотникахъ», да команійскаго сотника Ярошкевича съ десятью команійцами. Съ этойю командою Требинскій долженъ быть ѿхать, по распоряженію коллегіи, въ Кл-цы и прежде всего—«забрать суженныхъ въ ссылку Сергія и Афанасія Воронъ, Трофима и Прокопа Билимовъ и Дмитра Режену и, заковавъ, прислать ихъ въ Глуховъ». А затѣмъ, прочихъ козаковъ, приговоренныхъ къ заключенію въ острогѣ, съ употребленіемъ въ городовую работу, Требичскій долженъ быть—раздѣлить на двѣ части и, забивъ въ ручныя и ножныя колодки, отправить одну половину въ Полтаву, а другую—въ Лубны, для употребленія въ работы при подчинѣ тамошнихъ крѣпостей. «Владѣльческимъ же мужикамъ, означеннымъ въ спискѣ, долженъ онъ, Требинскій, тамъ же въ с. К-цахъ, при себѣ, учинить наказаніе кнутомъ, для чего и заплечнаго мастера при сотнику Ярошкевичу изъ Глухова отправить...». Всѣ эти распоряженія легко было писать, но трудно было ихъ исполнить. Въ к. іюля Тр-ій доносилъ въ Глуховъ, что собравъ команду около Ирклѣва, онъ «секретно» послалъ въ Кл-цы нарочныхъ, чтобы тѣ «провѣдали о состояніи оныхъ бунтовщиковъ». Нарочные возвратившись, сообщили, что тѣ бунтовщики въ готовности къ оборонѣ находятся, въ полевую работу никто изъ нихъ, кромѣ женъ, не ходитъ, и содержать они «отводные каралуы». Тѣ же нарочные сообщили, что Кл-сіе бунтовщики, чрезъ своихъ «шпіоновъ», внимательно слѣдятъ за командою Требинскаго и приготовились къ оборонѣ, чтобы «себе крайне въ руки не допустить живыми...». Эти свѣдѣнія смутили Требинскаго и онъ донесъ въ коллегію, что въ виду малочисленности его команды, едва ли онъ справится съ бунтовщиками. Коллегія отвѣчала, что страхи его преждевременны и приказывала исполнить «все повелѣнное указомъ безотговорочно». Повинуясь приказу, Требинскій доносилъ въ августѣ, что по прибытіи его въ Кл-цы съ командою, на него напали бунтующіе, вооруженные ружьями, на-

правецъ набитыми косами и другими орудіи, и хотя онъ ихъ отбилъ, но они удались въ раньше устроенное укрѣпленіе, бралии его оттуда и стрѣляли въ команду, при чемъ ранили двухъ казаковъ... Однакожъ Тр-ій употребивъ нѣкоторыя хитрости, заставилъ ихъ бросить то укрѣпленіе и занять новое—въ селитренномъ «майданѣ»,—гдѣ они обставили себя бочками и возами, насыпанными землею. И какъ примѣчать можно, говорить Тр-ій, въ томъ укрѣпленіи бунтующихъ до 200 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей... Въ заключеніе, Тр-ій просилъ—«о прибавленіи команды изъ способнѣйшихъ сотенъ при командинрахъ, для взятія бунтовщиковъ...». По этому донесенію коллегія прибавила Требинскому еще 50 козаковъ и повторила приказаніе поскорѣе окончить порученіе.

Пока Тр-ій готовился засимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Кл-цевъ, послѣдніе рѣшили еще разъ пожаловаться въ Петербургъ и для этого послали туда Афанасія Ворону. Свѣдѣніе обѣ этой посылкѣ было получено въ коллегіи изъ сената, въ указѣ кото-раго говорилось, что Ворона подалъ челобитье съ прописаніемъ, что коллегія, по происку владѣльцевъ—генер. пис. Туманского и его шурина б. т. Лысенка, несправедливо представила императрицѣ, яко бы о сопротивленіи ихъ, природныхъ козаковъ с. Кл-цъ, при чемъ пригово-рила къ наказанію 180 челов. кнутомъ, и хотя де къ тому безвин-ному кровопролитію отъ коллегіи и присланъ былъ «профосъ», однако онъ товарищи его себя до того не допустили, положась всѣ твердо въ томъ—хотя до единой души, всѣ за правду умереть, а пока со-вершенно о томъ, нанесенномъ на нихъ несправедливомъ дѣлѣ, изслѣ-дованно будетъ, не допустить (присланной команды?); что поэтому Ворона просилъ, чтобы какъ о семъ дѣлѣ, такъ и о природномъ това-рищѣ его козачествѣ и земли той, на которой они сидять, чрезъ нарочныхъ изслѣдовать, а до того товарищамъ его никакого наказанія не чинить...». Несомнѣнно, что Кл-цы глубоко были убѣждены въ своей правотѣ и всячески пробовали обратить на свое дѣло вниманіе высшей власти, свободной отъ вліянія мѣстныхъ происковъ. Убѣжденіе въ своей правотѣ поддерживало у Кл-цевъ ту энергию, которую не сразу удалось сломить и энергическому Требинскому. Но сила сдѣлала наконецъ свое дѣло... Въ ноябрѣ Тр-ій прислалъ въ коллегію подробное описание своихъ дѣйствій—противъ «осажденныхъ». Получивъ подмогу, Требинскій пошелъ (21 сентября) съ командою въ Кл-цы, къ сели-

тренному «майдану», где засели бунтовщики и какъ только приблизился къ нимъ, то они, «не слушая увѣщаній, начали въ его команду стрѣлять изъ ружей пульами. И какъ то ихъ укрѣпленіе представляло добрый редутъ (ибо окопано было кругомъ рвомъ, вглубь и вширь по сажени, и высыпано валомъ выше человѣка, почему ихъ и видѣть было трудно), то онъ, Тр-ій, раздѣлилъ свою команду на двѣ части, изъ которыхъ одну послалъ на противоположную сторону ихъ укрѣпленія; бунтовщики попробовали было дѣлать вылазки, но онъ, Тр-ій,— отъ своей стороны,—лично отбивалъ эти вылазки, а съ другой—успѣшно штурмовалъ бунтовщиковъ Ирклѣевскій козакъ Магвій Драй, который одного изъ бунтовщиковъ и живымъ поймалъ, при чемъ впрочемъ и бунтовщики одного козака захватили и тутъ же въ смерть замучили, а другого опасно ранили. Но въ это время онъ, Тр-ій, успѣль вожечь около «майдана» хату, а потомъ приказалъ туда бросать солому и благодаря вѣтру, огонь отъ загорѣвшейся хаты вытѣснилъ бунтовщиковъ изъ майдана и они бросились бѣжать...» Хотѣль было Тр-ій не пустить бѣжавшихъ изъ майдана, но «ватажокъ» ихъ Прокопъ Билимъ, взявъ съ собою человѣкъ десять, напалъ на Тр-аго, чтобы дать возможность своимъ уйти отъ огня, и напалъ такъ «азартно», что бывшіе при немъ, Тр-омъ, козаки, человѣкъ до 30-ти, оставя его самаго, съ старшинами своими, бѣжали, почему Тр-ій принужденъ былъ отъ Кл-цевъ спасаться обороною, при чемъ хотя нѣсколькихъ и ранилъ, въ томъ числѣ и самого ватажка, но остальные пять человѣкъ изъ нападавшихъ—до тѣхъ поръ не отступали, пока его, Тр-аго съ ногъ не сбили и больно ранили... Козаки же его, Тр-аго, находясь отъ него въ 10-ти сажняхъ, никакой помочи ему не дали... Однакожъ, остальная «команда» овладѣла укрѣпленіемъ бунтовщиковъ и послѣдніе были арестованы. Посчитавъ ихъ, оказалось, что «по списку въ бунтѣ состояло 176 чел., изъ нихъ взято въ укрѣпленіи 53 чел., да оказалось убитыхъ 7 чел., а прочие всѣ бѣжали». Арестованный при этомъ «ватажокъ» Прокопъ Билимъ показалъ, что Дмитро Режепа уѣхалъ съ Афанасиемъ Вороною въ Петербургъ еще въ юнѣ мѣсяцѣ...

Получивъ донесеніе Тр-аго, коллегія распорядилась о повсемѣстной поимкѣ бѣглецовъ, поручивъ ему же, Тр-ому, наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія. Но поимка, повидимому, шла неуспѣшно; бѣжавшіе, большою частью, являлись домой сами и преимущественно—крестьяне. Къ пол. 1771 г. отослано было въ Лубны, по наказаніи

плетьми, козаковъ, подлежавшихъ заключенію съ употребленіемъ на работы—32 человѣка да отдано «владѣльцамъ», по наказаніи кнутомъ, болѣе 60-ти крестьянъ. Затѣмъ, Тр-ій долгое время собиралъ справки относительно тѣхъ козаковъ, имена которыхъ не значились въ ревизії 1764 г. Сколько было отдано владѣльцамъ—ихъ «подданныхъ», въ дѣлѣ неѣть точныхъ свѣдѣній, а относительно козаковъ Луб. к-рія позже доносила, что ю принятъ въ «коронное вѣдомство»—31 чел. да бѣжало и умерло—29 чел.

«Возмущеніе бунтовщиковъ» при взятіи ихъ Тр-мъ, родило новое дѣло—«объ учиненномъ ими вновь сопротивленіи б. т. Требинскому». Произведено было слѣдствіе и по рѣшенію коллегіи (15 дек. 1774 г.) новые бунтовщики осуждены были въ трехлѣтнюю ссылку въ Таганрогъ, съ употребленіемъ на общественные работы. И такъ, какъ сопротивленіе Тр-му было оказано исключительно козаками, то послѣ отбытія срока ссылки, они должны были быть перечислены въ «коронные подданные». Изъ осужденныхъ рѣшеніемъ 1774 г.—на лицѣ оказалось четыре человѣка да поймано было позже три человѣка. Приговоръ коллегіи о ссылкѣ ихъ въ Таганрогъ, вскорѣ затѣмъ, замѣненъ ю же—тюремнымъ заключеніемъ и городскими работами въ Лубнахъ, т. е. «новые бунтовщики» были приговорены къ тому же наказанію, которое было назначено и старымъ.

Засимъ, скажемъ нѣсколько словъ о пяти «главныхъ зачинщикахъ» Кл-скаго «бунта». Они были: Сергій и Афанасій Ворона, Дмитро Режепа, Прокопъ и Трофимъ Билимы. Всѣ они дѣйствительно были коноводами въ Кл-скомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что .ца рѣшеніи генер. суда 15 дек. 1765г. расписался одинъ только Сергій Ворона, слѣд. онъ только одинъ и рѣшился ближе познакомиться съ судебнѣмъ дѣломъ, при чёмъ познакомившись, смѣло заявилъ свое недовольство. Афанасій Ворона съ Режепою, узнавъ о сущности сенатскаго рѣшенія 1770 г., тогда же, лѣтомъ, отправились въ Петербургъ для послѣдней попытки—обратить на свое дѣло вниманіе высшей власти. Прокопъ Билимъ руководилъ въ качествѣ «ватахка» отпоромъ противъ «команды» Требинскаго и, наконецъ, Трофимъ Билимъ ѿздили въ нач. 1769 г., въ Петербургъ, где поданная имъ просьба императрицѣ, повела къ тому, что Кл-ское дѣло было пересмотрѣно сенатомъ, при чёмъ этимъ рѣшеніемъ былъ отвергнутъ громадный для того времени гражданскій искъ Туманскаго и Лысенка... У всѣхъ у пяти «за-

чинниковъ», повидимому, было достаточно энергіи, но едва ли не наибольшею энергіею отличался Трофимъ Билимъ. Это былъ сынъ того Григорія Билима, который безосновательно былъ арестованъ въ 1767 г., посаженъ въ Лубенскій острогъ и тамъ тогда же умеръ. (См. стр. 177). Послѣ присылки Тр. Б.-ма изъ Петербурга въ Глуховъ, онъ отсюда, въ маѣ, 1769 г., бѣжалъ, но былъ скоро пойманъ; въ 1770 г. онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ, но при отправленіи его послѣ этой поимки въ Глуховъ, онъ снова бѣжалъ съ дороги. Пойманный въ 1772 г., онъ былъ снова отправленъ въ Глуховъ и снова бѣжалъ.. Дальнѣйшихъ затѣмъ свѣдѣній о Трофимѣ Б.-мѣ въ дѣлѣ нѣтъ. Изъ пяти зачинщиковъ наказаніе понесли, повидимому, только двое—*ватахжокъ* Прокопъ Билимъ, взятый Тр.-мъ въ Кл-цахъ, да Афанасій Ворона, задержанный въ Петербургѣ лѣтомъ 1770 г. и оттуда присланный въ Глуховъ. Остальные трое гдѣ то затерялись...

«Клищинскій бунтъ» представляетъ собою любопытный эпизодъ изъ общественной жизни старой Малороссіи к. XVIII в. Породившія его причины наглядно показываютъ—какъ недостаточно обеспеченъ былъ народъ въ пользованіи насущными своими правами, когда съ послѣдними сталкивались личные интересы даже некрупныхъ лицъ, но умѣлыхъ канцелярскихъ дѣльцовъ. Судь Сахновскаго былъ измыщенъ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ; призванные имъ «подсудимые» не вѣрили въ дѣйствительность такого *домашняго* суда; негоднымъ судомъ признало послѣдній и высшее въ краѣ судебное учрежденіе и—тѣмъ не менѣе приговоры Сахновскаго возымѣли свою силу и населеніе цѣлаго села, невѣрившее и тогда въ возможность такого безправія, было разорено и уничтожено... Для насы въ высшей степени интересна роль, которую въ этомъ дѣлѣ играла Глуховская коллегія. Какъ видно, не смотря на присутствіе въ ней лицъ, которыя, казалось, могли гарантировать населенію правый судъ, въ коллегіи царилъ тотъ канцеляризмъ, при которомъ совсѣмъ трудно было народу добиваться правды.... Ни Румянцовъ, ни *прокуроръ*—не могли защитить народъ, когда дѣло касалось той старшины, которая при Разумовскомъ была вконецъ деморализована произволомъ, царившимъ въ ея общественной дѣятельности. А. Кз. 36 дв., 44 х., 47 с. Кр. генер. суды Лысенка 41 дв., 46 х., 54 с. Пдс. Лысенка «въ скупленныхъ хатахъ живущихъ» 7 дв., 7 х. 7 с. Своб. двор. 15. Б. Кз. 1 дв., 2 х. Кр. «коронныхъ» 26 дв.,

32 х., 3 бд. х. «Владельческихъ» (Туманского и Лысенковъ?) 94 дв.,
120 х., 18 бд. х. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 бд. х.

С. Матвеевка, р. Сула, выше Клищинець, поселена въ нач. XVIII в., Лукомскимъ сотникомъ Василіемъ Пиковцемъ и названа Матвеевкою по имени отца основателя. По наследству, М. перешла къ сыновьямъ Василія, сначала Ивану, а потомъ Степану; отъ Степана М. досталась его дочери Ульянѣ, бывшей замужемъ за Квиткою, а Ульяна продала М-ку, вмѣстѣ съ Ляшковкою, въ 1762 г., Василію Родзянкѣ. (См. стр. 110). Нахожденіе въ этомъ селѣ козаковъ и при томъ въ такомъ значительномъ количествѣ, сравнительно съ крестьянами, можетъ родить сомнѣніе въ возникновеніи этого села только въ началѣ XVIII в., но свѣдѣніе это вѣрно¹⁾, при чёмъ наличность козачьяго здѣсь населенія должна быть объяснена особыми условіями при заселеніи М., можетъ быть тѣми же самими, которыя имѣли мѣсто въ Мозолѣвкѣ. (См. ниже). А. Кз. 29 дв., 41 х., 51 с. Кр. Лук. сотн. Ивана Пиковца 11 дв., 12 х., 14 с. Своб. дв.—11. Б. Кз. 71 дв., 134 х., 4 бд. х. Кр. б. тов. Василія Родзянки 11 дв., 36 х., 4 бд. х. Пдс. 2 дв., 2 х., 7 бд. х.

С. Липовое, лѣв. бер. Сулы, поселено не позже нач. втор. пол. XVII в. Первоначально Л. находилось у самого берега Сулы, но побережный песокъ, надвинутый вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Сѣмакъ рассказывалъ въ 1745 г., что *дѣдъ и отецъ* его издревле жили въ Л-мъ, на уроцищѣ Сѣмаковкѣ; а потомъ, когда за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ... Л. было свободно до 1710 г., когда Скоропадскимъ было отдано Галагану, въ то время Чигиринскому полковнику; а когда, вслѣдствіе Прутскаго договора, Чигиринскій полкъ уничтожился, то Галаганъ, оставивъ правый берегъ Днѣпра, задумалъ было поселиться въ Л-мъ. Тамошній козакъ Цыбуля рассказывалъ въ томъ-же 1745 г., что «когда Галаганъ съ той стороны пришолъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули, а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ (т. е. усадьбу)...». Сначала Галаганъ встрѣтилъ тутъ соперника въ лицѣ полковника Мар-

¹⁾ Извѣстіе о поселеніи Матвеевки Василіемъ Пиковцемъ встрѣчается неразъяснимымъ въ спискѣ имѣній Пиковцовъ.

ковича, который задумавъ строить — себѣ гдѣ то около Липоваго — хуторъ, выпросилъ у гетмана присылку его чиновниковъ для отграничія земель, будто бы принадлежавшихъ къ Горошину и слѣдовательно свободныхъ для занятія подъ поселеніе¹⁾. Жалуясь на неправильное проведеніе этими чиновниками границы, Галаганъ въ 1721 г. писалъ Скоропадскому: «панове висланиі (Петръ Уманецъ, Семенъ Чуйкевичъ и Парфенъ Пекалицкій) прибувши въ селце Липовое, мою маєтность, отъездили тамъ поле робочое поузъ самое село, привертаючи до мѣстечка Горошина оное. А тамъ Липовское поле было здавна по шляхъ, що идеть ва Рясную могилу и по нивя Горошинское, що противъ Рясной могилы знайдується; а болшай тамъ не було жадной границы, кромъ, якъ вижу теперъ, кгдї замислиль полковникъ Лубенскій — фугоръ тамъ подъ селомъ Липовимъ строити, въ томъ почачаль въ цюю утискъ тимъ бѣднимъ людемъ чинитися для простору хуторовъ, що если бы могло, якъ панове вислannіе разсмотрували, событияся, то вси люде тіє бѣдніе Липовскіе принуждены будуть, любъ нехотя, врознь зъ села Липового розийтися, того ради, же не мѣтимутъ на томъ жити, поневажъ тамъ поле и такъ только въ одну руку знайдується...»²⁾. Письмо это очень интересно, показывая, что Марковичъ облюбовалъ себѣ мѣсто для хутора недалеко отъ села, тѣснить послѣднее, не смотря на то, что тутъ же рядомъ, на лѣвомъ берегу Сулы, къ сѣверу отъ Липоваго, — пустовали въ это время огромныя пространства, на которыхъ современемъ возникло нѣсколько сель. Очень можетъ быть, что тутъ были и личные счеты гетманского зята съ Галаганомъ, который часто досаждалъ Скоропадскому своимъ произволомъ. Въ приведеномъ письмѣ Г-нъ защищалъ конечно не «бѣдныхъ людей», а свои интересы. Въ Липовомъ, какъ въ Ерем'евкѣ, Г-нъ, вмѣстѣ съ крестьянами, завладѣлъ частью и козаковъ, обративъ ихъ въ «бояръ» и въ «куренчиковъ». Болѣе 30-ти лѣтъ мирились Липовскіе козаки съ такимъ своимъ похоженіемъ, но когда сотникъ Бутовскій возбудилъ дѣло о Ерем'евскихъ козакахъ (стр. 151), то стали жаловаться и Л-скіе. Такъ, въ 1745 г., они писали: «пра-дѣды, дѣды и отцы наши, поселясь въ с. Л-мъ, когда оно только что

¹⁾ На этихъ земляхъ Оболонскій впослѣдствіи садилъ свои слободы. См. стр.

²⁾ Изъ семейного архива Галагановъ въ с. Сокиренцахъ, Прилуцк. уѣзда. Этимъ архивомъ мы пользовались при жизни Г. П. Галагана.

садились, свободно пользовались затѣмъ нивами, ими же разработанными изъ цѣлинныхъ земель. Потомъ стали къ намъ въ село переселяться козаки и изъ другихъ мѣстъ, покупая грунты у старинныхъ Л-хъ козаковъ, и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія Л-ихъ «мужиковъ» во владѣніе Г-ну. И сначала владѣнія Г-номъ тѣми Л-ми мужиками, которыхъ въ то время—и знать было нечего, мы, козаки, ни отъ Г-на, ни отъ его приказчиковъ—не знали никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г., а въ семъ 1746 г. Г-нъ, наѣхавъ въ с. Л., сталъ чинить намъ несносныя и нестерпимыя обиды: бѣть, принуждаетъ «робить панцины», выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ и совсѣмъ хотеть повернуть нась себѣ въ подданство.... А нѣкоторые изъ нась уже и «поподвертались» къ нему въ подданство, со страху, что «весьма бѣть». Жалоба эта была написана 7 сентября, а 29-го того же мѣсяца Л-ie козаки снова писали, что Г-нъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, «наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на дома нѣкоторыхъ изъ нась, окна, лавы и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабирали, нивъ нашихъ собственныхъ на зяблѣ оратъ не позволяетъ, накошенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволяетъ, хутора наши разоряетъ...» Въ этой жалобѣ Л-ie козаки скрываютъ, что будто бы до 1745 г. Галаганъ ихъ не трогалъ; они боялись обнаружить, что фактически они давно уже стали въ положеніе крестьянъ. Дѣйствительно, по распросамъ высланного въ Л. полковникомъ Апостоломъ слѣдователя, оказалось, что многіе изъ Л-хъ козаковъ уже болѣе 30-ти служили у Г-на «боярами», а изъ бояръ естественный былъ переходъ въ крестьяне, чего Г-нъ и требовалъ, опираясь на многолѣтній фактъ... Но бывшіе Л-ie козаки думали было вернуть себѣ козачество, смотря на Еремьевскихъ сосѣдей, которымъ такая же попытка, при энергической поддержкѣ ихъ сотника, отчасти удалась. А. Кз. 25 дв., 40 х., 44 с. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 с. «Козаки куренные» Галагана 10 дв., 15 х., 17 с. Пдс. ихъ—1 дв., 1 х., 1 с. Кр. Галагана 24 дв., 28 х., 31 с. Своб. дв.—16. Б. Кз. 39 дв., 70 х., 12 бд. х. Кр. Галагана 72 дв., 112 х.

С. Галицкая, лѣв. бер. Сулы, поселена не позже пол. XVII в.; вмѣстѣ съ Клищинцами отдана была Мазепою Илью Новицкому, а потомъ, въ 1737 г.—Лысенку, вмѣстѣ съ тѣми же Клищинцами А. Кз. 3 дв., 7 х., 7 с. Кр. ген. судьи Лысенка 41 дв., 45 х., 48 с. Своб. дв. 9. Б. Кз. нѣть. Кр. б. т. Лысенка и Магденка 75 дв., 114 х.

С. Мозолевка, образовалась изъ Чигриндубровскаго выселка во втор. пол. XVII в. Мѣстные старожилы рассказывали въ 1729 г., что «прошлыхъ, давнихъ годовъ Чигр-дубр-ій обыватель Мозуль, осѣвши верстъ за три отъ Чигриндубровы надъ рѣкою, пасѣкою, занялъ тамъ себѣ ставокъ и дубину часть; а дорогою году, тотъ ставокъ и дубину, купивши у него, Мозуля, за 100 золотыхъ, полковникъ Иванъ Рубанъ назвалъ тотъ грунтъ по первому владѣльцу, Мозулю—Мозолевкою и устроилъ на немъ шинокъ и завелъ небольшое хозяйство. Умирая, Рубанъ Мозолевку завѣщалъ своему родичу Саливоненку, отъ которого этотъ хуторъ по куплѣ перешелъ къ Лукомскому сотнику Василію Пиковцу. А впослѣдствіи, когда часть Чигр-дубр-хъ жителей должна была выселиться, частью отъ весеннихъ Днѣпровскихъ наводненій, а частью «отъ умноженія песковъ», то для новаго поселенія были выбраны пахатныя поля, окружавшія Мозолевку». Это уже было при Скоропадскомъ. Такимъ образомъ Мозолевка превратилась въ значительный поселокъ и въ ней появилось козачье населеніе. Пиковецъ видя, что тѣ земли, которыми онъ считалъ своими, стали захватывать чужіе люди, обратился къ гетману, отъ которого и получилъ универсаль на Мозолевку. По смерти Пиковца, вдова его пошла замужъ за Требинскаго, который выхлопоталъ на Мозолевку и царскую грамоту. Имѣя послѣднюю въ рукахъ, Тр-ій сталъ требовать отъ переселившихся въ Мозолевку Чигриндубровцевъ—«подданства». Между тѣмъ наводненія и песчаные заносы продолжали выгонять изъ Чигр-дубр-вы ея жителей. Послѣдніе, видя, что переселяясь на собственныя свои поля къ Мозолевкѣ, они идутъ въ видимую неволю къ Требинскому, обратились къ Скоропадскому и «просили того позволенія, чтобы всѣмъ городомъ (Чигриндубровою) туда, къ Мозолевкѣ, перейти и тамъ новый городъ устроить, а женѣ Требинскаго—данныя за тотъ грунтъ первымъ ея мужемъ—деньги отложить (возвратить), ибо иначе,—если она всѣхъ жителей Чигриндубровы подвернетъ себѣ въ подданство, то не только городъ, но и вся сотня и название свое стратить¹⁾.—На такое наивное предложеніе—получить обратно заплаченныя Пиковцомъ деньги за хуторъ—Требинскій конечно не согласился, а пользуясь царскою грамотою и расположениемъ гетмана, старался всѣхъ новыхъ Мозолевскихъ по-

¹⁾ Арх. генер. к-рии (по Черниг. описи), № 4676.

селенцевъ обращать въ свое «подданство», какъ это видно изъ слѣдующаго распоряженія гетмана Скоропадскаго, обращеннаго къ сотнику Чигр-дубровскому: «Пане сотнику Чигр-дубровскій. Панъ Славуи Требинскій, сотникъ Иркліевскій, доносиль намъ жалосне, же иѣ которые люде въ слободцѣ Мозулювцѣ, на купленныхъ первымъ жены его мужемъ осаженной, поселившися и отзываючися козаками, не хотять его слухати, но подъ сотню до вѣшности усиловуются належати; прето, яко вяще то есть, ижъ хто на чиємъ купленомъ грунтѣ живеть, то до того и належати маеть, такъ мы засилаючи вѣшности, симъ листомъ нашимъ приказуемъ, абы таковыхъ люде, на купленномъ отъ Пиковца грунтѣ мешкаючихъ, до сотни не притягалъ, лечь оные заставали бы подъ послушаниемъ его, п. сотника Иркліевскаго; а ежели хто козакъ и козаковати схочеть, то уступивши съ купленного тамошнаго грунту, повиненъ иного себѣ искати помѣстя¹⁾. Однакожъ это распоряженіе не имѣло тѣхъ послѣдствій, на которыя, повидимому, разсчитывалъ Требинскій, такъ какъ переселившися въ Мозоліевку козаки продолжали владѣть землями и оставаться козаками. Повидимому, распоряженіе Скоропадскаго было парализовано распоряженіями Андрея Марковича, во время его полковничества. Такъ можно думать, судя по прошенію Ивана Пиковца, поданному въ 1749 г. въ генер. к-рию и объясняющему дальнѣйшую исторію Мозоліевки: «Имѣю я во владѣніи своеемъ слободку Мозолювку, на купленныхъ грунтахъ умершимъ отцемъ моимъ сотникомъ Лукомскимъ Вас. Пиковцомъ поселенную, которая со всѣми принадлежащими къ ней угодіями высочайшою грамотою и гетманскими универсалами утверждена; въ прошедшихъ же годахъ, во время малолѣтства моего, а паче во время гонения на домъ нашъ бывшаго Лубенского полковника Андрея Марковича, (которій и оную слободку, за высочайшою уже жалованною грамотою, дерзнулъ бытъ, въ бытность отчима моего Славуя Требинскаго въ Персидскомъ походѣ, отнять насильно, но отъ Малорос. бывшой коллегіи паки оная слободка во владѣніе отдана), козаки Чигр-дубр-іе и прочихъ сель жители начали при оной слободки поле пахать и цѣлинное розроблять, а послѣ и хуторѣ, многимъ числомъ, вкругъ поселили, между самимъ пахатнимъ полемъ, и съ тѣхъ хуторовъ скотомъ немалое въ хлѣбѣ дѣлаютъ шкоды и

¹⁾ Изъ Глухова, 1720 г., 7 сентябрь. Арх. генер. к-рия, № 8768.

крайное въ полѣ утѣшненіе, зачиихъ подданніе мои въ такомъ утѣшненіе будучи, прикумдены былъ поступить далѣ въ свободній степъ и тамо на хлѣбъ оратъ, и отъ того крайній послѣдоватъ непорядокъ, что Чигр-дубровціи прѣгчіе селяне содѣржать и нынѣ упорно нивы свой подъ слободкою мою, а мои подданніе прикумдени содѣржать подъ другими селами, въ свободномъ степу... Поэтому Пиковецъ просилъ — «учинить къ означенній слободки надлежащое, какъ въ пахатномъ полѣ, такъ и въ сѣнокосахъ, въ Днѣпровскихъ плавляхъ, отмежованіе». Изъ этого прошенія видимъ, что около Мозолевки много пахатныхъ земель было занято козаками, которыхъ въ это время было въ этомъ сель около 70-ти дворовъ, и Пиковецъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что его «подданніе» для займы новыхъ полей должны подвигаться въ «свободную степь», вместо того, чтобы «отбирать ближайшия къ селу нивы отъ козаковъ...». Какое «отмежеваніе» думалъ произвести Пиковецъ въ Мозолевскихъ земляхъ — понять трудно, такъ какъ не полагалъ же онъ, вѣроятно, возможнымъ выдѣлить козачьи земли изъ своихъ, т. е. уничтожить черезъполосицу. — Къ к. XVIII в. Мозолевка почему то перешла къ Требинскимъ¹⁾. А. №з. 43 дв., 69 х., 74 с. Кр. сотника Лук. Ивана Пиковца 43 дв., 54 х., 60 с. Своб. дв. 15. Б. №з. 50 дв., 77 х. Кр. Требинскихъ 20 дв., 26 х. Пдс. 10. бд. х.

С. Шушваловка, «сага» Лебеховка, образовалась изъ Чигриндубровскихъ выселковъ, занявшихъ на ложбинѣ, носившей название «саги» Лебеховки (теперь уроч. Рудка) — значительное пространство земель, лежавшихъ тогда впустѣ. Селились тутъ преимущественно козаки, но были и крестьяне. Въ нач. XVIII в. началъ занимать тутъ земли и сотникъ Ив. Булюбашъ и сталъ садить на нихъ своихъ подсобѣдковъ. Незначительное количество здѣшняго крестьянскаго поселенія отдано было въ 30-хъ годахъ на «рангъ» Гадяцкому полковнику Галецкому,

¹⁾ Интересно, что по прошенію Пиковца генер. к-рия однакожъ послала Лубенскому полковнику указъ — «дабы отъ опредѣлія кого пристойно, величь его, Пиковца, земли въ грунтамъ прочихъ помѣжниковъ, олеѣ которыхъ никакова не будеть отъ тозъ скору, обмежеваніе учинить...». Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Иванъ Пиковецъ въ это время былъ писаремъ (т. е. секретаремъ) генеральнаго суда, значитъ лицомъ выдачательнымъ; можетъ быть, только поэтому генер. к-рия и написала приведенный «сказъ», которого исполнить, повидимому, нельзя было. «Дѣло» по прошенію Пиковца указомъ генер. к-рия и закончилось, такъ какъ никакихъ бумагъ полк. Луб. к-рия объ исполненіи указа въ немъ неѣ.

оть котораго потомъ перешло въ ранговое же владѣніе генер. бунчучи. Якова Тарновскаго. А. Кз. 28 дв., 36 х., 46 с. Кр. Гадяцк. полковн. Галецкаго (ранговыхъ) 7 дв., 7 х., 8 с. Пдс., его же Галецкаго, 2 дв., 2 х., 2 с. Пдс. Булюбаша 12 дв., 12 х., 12 с. Своб. дв.—13. Б. Кз. 73 дв., 107 х., 8 бд. х. Кр. (коронныхъ?) 6 дв., 8 х. Пдс. разн. влад. 21 дв., 34 х., 25 бд. х.

Поселеніе Шушваловки было началомъ возникновенія по Лебеховкѣ и сосѣднимъ ложбинамъ—значительного числа хуторовъ, изъ которыхъ многіе превратились затѣмъ въ слободы и села. Заселеніе этихъ мѣстъ производилось главнымъ образомъ сотниками Булюбашами и Бутовскими, при чёмъ они сначала приобрѣтали незначительные участки, садили на нихъ крестьянъ, а затѣмъ уже присоединяли къ устроеннымъ хуторамъсосѣднія земли, которая только名义ально считались принадлежащими тому или другому ближайшему поселенію.

С. Лебеховка, «сага» Лебеховка, поселена сотникомъ Ив. Булюбашемъ въ нач. XVIII в., на земляхъ, скупленныхъ у окрестныхъ, преимущественно Чигриндубровскихъ, жителей. По имѣющимся у насъ купчимъ Б-ша видно, что эта скупля продолжалась во все время его сотничества, а сотничество Б-ша продолжалось болѣе 30-ти лѣтъ¹⁾ А. Кз. пѣть. Кр. «посполитѣ на купленныхъ сотникомъ Ив.

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ купчикъ. 1) 1709 г. Овсѣй Стачій продалъ «дубину, стоящую въ Лебеховцѣ, которая уже между покупкою п. сотника Чигр-дубр. Ив. Булюбаша знайдутся. .... ему Ив. Булюбашу ... за 4 рублѣ». 2) 1714 г., «Гвардіство Чигр-дубр., именно Василь Невинний, дядь, Иванъ Вѣлашъ, Стефанъ Магда .... и много на той часъ згодившагося чинимъ вѣдомо ... ижъ зъ любви нашей, якъ первей быль сотникомъ его ил. п. Булюбашъ у насъ, полецили ему въ Лебеховцѣ дубину Сергиенковскую и Войтовскую, теди и теперъ тое же потвержаючи, полецаемъ тую поманную дубину его ил. п. Ив. Булюбашу, сотниковѣ нашему Чигр-дубр., а онъ, п. сотникъ, за той грунтікъ отъ насъ вѣдомо купленіемъ способомъ пріймуетъ, поневажъ на церкви божіи, на милост. Спаса и на вікмуч. Георгія—по таліяру отдалъ...» 3) 1729 г. «Михайло Пустовуйть, житель Веремѣевскій продалъ ... Ив. Булюбашу, сотниковѣ Чигр дубр. ... дубину въ Лебеховцѣ съ полями, которое поднималь я цѣлиною, а именно: отъ шляху Жовнинского на Лебедеву могилу идучаго, долиною на Рокитнее озеро, на облоги, лежачіе узбочко отъ пуртъ (?); горою и долиною на ругъ Свѣтайловой могилы .... за тое поле принялъ я денегъ два рублѣ и шкалу».. 4) 1730 г. «Значк. тов. полку Луб., сотни Чигр дубр., державца села Гусиного» Семенъ Кириловичъ «свою дубину, стоящую отъ Шушваловки и дубинкамъ Лебеховскимъ, п. Ив. Булюбашу, сотни Чигр-дубр., продалъ за копъ осмъ...» 5) 1736 г. «Старинній обиватель Чигр-дубр. Кирило Протасъ.... поле свое власное ...»

Булюбашемъ грунтахъ живучіе—33 дв., 35 х., 39 с. Своб. дв.—11. Б. Кр. Булюбаша 41 дв., 51 х., 9 бд. х.

О поселеніи другихъ хуторовъ и слободъ около Шушваловки, козаки Чигриндубровскіе и Шушваловскіе, претендовавшіе на эти земли, въ 1767 г., при составленіи генеральной описи, рассказывали слѣдующее: «абшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булюбашъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими нашими козачьими грунтами завладѣлъ и съ оныхъ витискъ, чрезъ единиыя грабительства и побои, чинить, а самъ неналежно корыстуется, а именно: отъ рѣчки Полной—всѣми кутами по Лебеховку и къ тѣмъ кутамъ пахотною землею, по Мамичивъ бродъ да по Хилькову гребельку, въ длину верстъ 4, а въ ширину верстъ 3, по Михнову могилу, тако же по могилу Мандридину, подъ самое село Шушваловку, а отъ Свѣтайловой могилы до Стоббовахи, а отъ Стоббовахи по Лебедишину могилу, въ длину 6, а въ ширину 4 версты, помежно съ козаками Жовнинскими, и на той нашей козачьей землѣ построилъ слободки: Стоббоваху, Крынину и Марченкову, надъ Мамичевымъ бродомъ и сагою, называемою Лебеховкою, на которой только для перѣзда зъ хутора отецъ его Булюбаша, Иванъ Булюбашъ, на вольныхъ козачихъ берегахъ гребелку устроилъ, а потомъ и мелницу; а во времени, при той же гребелки и слободку въ будущое время населилъ, и въ той сазѣ Лебеховки намъ—для согреванія домовъ нашихъ—очерету косить возбраняетъ и къ водопойлу скота до воды наповать не допускаеть; а за укошненія очерету, скотъ забираеть, а прочихъ беть и немалой искупъ чернimi смушкамъ береть, а въ кого оныхъ нѣть, то обовязуетъ копенъ по 25, отъ едной, хаты ему, Булюбашу, безденежно съна скосить и въ тѣ поры свободно велить очереть косить; да въ той же сазѣ, какъ издревле было волно, рыбу ловить не допускаеть....» Такимъ образомъ около Шушваловки, возникло нѣсколько слободъ и хуторовъ. Здѣсь отмѣчаємъ наиболѣе крупныя изъ нихъ.

именно кутъ, възвіши отъ гребелки Бугаевой по Малкунскіе облоги да облоги въ подметомъ, якъ Стасихи Бугайки на зворотахъ загороди на томъ же обловѣ въ другіхъ зворотахъ, въ концѣ колодезъ Хильковскій да облоговъ два и къ Жовнинскому полю якъ Стасевская могилка, по надъ великимъ химанцемъ ... уступилемъ его мл. п. Ив. Булюб., сотниковъ Чигр-дубр. за десять золотихъ...

С. Столбоваха, уроч. Мамичевъ Бродъ, поселена въ перв. пол. XVIII в. Иваномъ Булюбашемъ и сыномъ его Демьяномъ на землѣ, которую Шушваловскіе козаки называли своею, но которая передъ тѣмъ пустовала. А. Кз. нѣтъ. Кр. Пдс. Ив. Булюбаша 10 дв., 13 х., 13 с. Б. Кз. нѣтъ. Кр. Булюбаша 15 дв., 26 х.

Сл. Слюзовна, (иначе Крынки), уроч. Крынки, поселена Ив. Булюбашемъ на мѣстѣ козачьяго хутора, который Булюбашъ, будучи сотниковъ, «отобралъ у козачки Татьяны Брусихи за нѣкое прегрѣщеніе». Несомнѣнно, что прегрѣшеніе заключалось въ «блудодѣяніи», когда мелкая старшина очень пользовалась и извлекала изъ него хорошия выгоды. Отнятый у Брусихи хуторъ Булюбашъ подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ къ этому хутору было присоединено, какъ жаловались Шушваловскіе козаки, земли въ длину на пять, а въ ширину—на четыре версты». А. Кз. нѣтъ. Кр. полков. Луб. есаула Семена Слюза 12 дв., 12 х., 12 с. Б. непоказана.

Сл. Крынки, уроч. Крынки, поселены Демьяномъ Булюбашемъ, причемъ по ревизіи 1740 г. она еще не значится. Б. Кр. суды полк. Булюбаша 8 дв., 21 х.

Сл. Святоловка значится по вѣдомости 1781 г., съ козачьимъ населениемъ: 104 дв., 165 х., 37 бд. х. и пдс.—59 бд. х.

Д. Кривая Руда, уроч. того же имени, возникла изъ хутора, устроеннаго въ к. XVIII в. охочекомоннымъ полковникомъ Рубаномъ (см. стр. 195), который постригшись въ монахи, передалъ этотъ хуторъ сестрѣ своей Евдокіи «Тюпчихѣ», а Тюпчиха, умирая въ 1714 г., завѣщала хуторъ «Лялинскому монастырю», какъ сказано въ завѣщаніи.¹⁾ Лялинского м-ря не было, но такъ какъ Лялинцы принад-

¹⁾ Завѣщаніе это приводимъ здѣсь полностью. «Я раба Божія Евдокія Салинововна Михайліха, жителка Чигриндуровской, будучи отъ Бога тажкою хоробою зита, а видячи себе ближше ко смерти, нежели ко животу, душу мою вручаю въ руцѣ Богу, а тѣло мое грѣшное по закону христіанскому землѣ отдано мѣсть бути, отъ нея же взято бысть. Чиню вѣдомо симъ моимъ остатной волѣ тестаментомъ, иже за душу легкую преосвященному архиерею Переяславскому, а монастырю Лялинскому, футоръ на Кривой Рудѣ и до него въ луками належачими и на Волинскомъ мѣсте футорное, во всемъ нивемъ, а се якъ за мою душу, такъ и за небожника Іосифа Рубана, блаженной памяти полковника бывшаго охочекомонного, понеже онимъ небожникомъ сие вижемененіе грунта и набитис. Для лучшаго теди увѣренія, легкуючи сле грунта вижепоманутому монастырю варуючи тое, абы дѣти мои, ближкіе и да-лекіе кревине не вахились у оне мененіе грунта интересу имѣти, понеже у вѣчность легкую, въ доброй волѣ моей и при бытности рожной дочери моей Оринѣ Ми-

лежали Переяславскому м-рю и въ селѣ этомъ жилъ особій «городничій»—монахъ, то Лялинская церковь и слыла въ народѣ—монастыремъ.—Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., Переяславскіе монахи, желая распространить хуторскія поля, стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ Криворудскими. Чигриндубровскіе и Шушваловскіе козаки стали спорить съ монахами; возникъ судебный процессъ, для веденія котораго козаки выбрали повѣренными своихъ козаковъ Дмитрія Салогуба и Якова Самуся. Повѣренные предпочли кончить дѣло миромъ и въ 1747 г. согласились отдать монахамъ часть Криворудской степи, а монахи, въ свою очередь, признали за истцами право на тѣ козачьи хутора, которые были поселены до спора—по ложбинѣ Кривой Руды. Значительнейшими хуторами въ это время здѣсь были Торяники и Самусевка. Послѣдій хуторъ былъ заведенъ матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, Чигриндубровскіе Шушваловскіе козаки впослѣдствіи разсказывали, что отъ такого окончанія дѣла выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый захватилъ прилегавшую къ Торяникамъ полосу земли длиною въ четыре, а шириной въ полторы версты, и сталъ селить тутъ слободу, сохранившую название Торяниковъ. Самусь къ хутору матери прихватилъ землѣ еще больше: круглый участокъ—длиною и шириной по 3 версты. И здѣсь изъ хутора выросла слобода Самусевка.—Монахи, съ своей стороны, изъ хутора образовали большую слободу съ именемъ Кривой Руды, которая сохраняя память о монашескомъ владѣніи, называется и Чернетчиною. Населеніе въ Кривой Рудѣ и Самусевкѣ по ревизії 1740 г. показано слѣдующее: въ *Кривой Рудѣ*, пдс. Переясловскаго м-ря, 6 дв., 6 х., 6 с. и своб. дв. 5 и въ *Самусевкѣ*, пдс. значк. тов. Якова Самуся, 8 дв., 8 х., 8 с. и своб. дв. 4.—Торяники по ревизії 1740г. не значатся.—По вѣдомости 1781 г. *Кривая Руда* значится уже селомъ, а въ немъ—только крестьяне Переяславск. м-ря—

халдовѣ Зарудной. А при семъ данномъ тестаментѣ были люди, устроенные въ домѣ панѣ Евдокії задне подпись имень. Именно: честного господина отца Марка Зынкевича, пресвитеру Чигриндубровскому Святославскому, и Павлу Торянику и Васку Шушвалу, и многихъ згодившихся на той часъ. Дѣялось въ Чигриндубровѣ, року 1714, ноемврія 26 дня. И повторе потверждаючи, варую симъ тестаментомъ, ежели быть дѣтей моихъ албо кревнихъ, близкихъ и далекихъ, кто бы мѣль касовати сей тестаментъ, таковій проклять да буде, анафема, и съ 318 отецъ, иже во Никеи. Каленикъ Дубовикъ, писарь Чигриндубровскій рукою». (*Изъ Румъніи. Описи*).

100 дв., 102 х. и 16 бд. х. ¹⁾) Торяники значатся слободою, въ неї: кн. 10 дв., 16 х. и пдс. 24 дв., 33 х. и 20 бд. х. Въ слободѣ Самусловъ только подсосѣдки, безъ показанія чыи,—22 дв., 34 х. и 26 бд. х. Южнѣе Кривой Руды и Торяниковъ—находится ложбина, изстари носявшая название *Кагамлыка*. Это урошище привлекло къ себѣ населеніе, повидимому, уже съ к. XVII в., какъ видно изъ слѣдующаго «листа» полковника Савича: «Вамъ, панамъ старшинѣ городовой Чигириндуровской, при узиченю доброго здоровья, ознаймуемъ, иже яко за бывшаго полковника (Зеленскаго) подлегліе заставили поселѧне Кагамличане п. Ивану Булюбашу, бывшому сотнику вашему, и тѣперь мы, респектуючи на заслуги п. Б-ша, вшмст. приказуемъ, абысте тихъ поселянъ до города въ жаднихъ дѣлехъ не чепали, варуемъ! А тому села Кагамлыка войту, зо всѣми посполитими тамошними жителми, грозимъ и приказуемъ, жебы п. Б-шу по прежней обыкности, а барэй разоренному дому ²⁾), о чемъ прислушатиметь потреба, всякое послушенство отдавали, такъ мѣти хочемъ». (22 июля, 1709 г.) Указываемое здѣсь село Кагамлыкъ было общимъ названіемъ трехъ хуторовъ, которые поселиль здѣсь, повидимому, тотъ же Ив. Булюбашъ и на которые выпросилъ онъ «листь» у полковника Зеленскаго въ 1707 г., что видно изъ послѣдующей исторіи Кагамлыка, когда послѣдній перешелъ было отъ Булюбаша къ его премику по уряду.—Бутовскій выпросилъ себѣ Кагамлыкъ въ 1738 г., въ Петербургъ (въ иностранной коллегії?), съ помощью представительства фельдмаршала Ласси, на томъ основаніи, что это поселеніе принадлежало на рангъ Чигириндуровскихъ сотниковъ. На это распоряженіе Булюбашъ пожаловался въ сенатъ, по распоряженію котораго сдѣлано было разслѣдованіе, при чемъ оказалось, что еще въ 1707 г. отданы были Булюбашу полковникомъ Зеленскимъ—три хутора, называемые *Горбы*, *Сидоры* и *Гриники* и что въ этихъ хуторахъ, и на прикупленныхъ къ нимъ земляхъ, Б-шъ носелилъ вольныхъ людей и тѣхъ хутора назвалъ селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ рѣшилъ, что Кагамлыкъ отданъ Бутовскому неправильно и въ 1742 г. возвратилъ его Б-шу. Съ увеличенiemъ населенія въ Кагамлыцкихъ хуторахъ, послѣдние

¹⁾ По вѣдом. 1781 г. значится еще и слобода *Криворусская*, принадлежавшая Гадагану, а въ неї—19 бд. х.

²⁾ Указываемое разореніе вѣроятно имѣло связь съ нашествіемъ шведовъ.

обратились въ значительные поселенія, въ которыхъ наряду съ крестьянами явились и козаки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ Кагамлыцкихъ хуторахъ были земли и непринадлежавшія Булюбашу. Населеніе въ нихъ указано слѣдующее:

Д. Горбы, А. Кз. 13 дв., 18 дв., 21 х. Кр. сотника Бутовскаго 24 дв., 27 х., 35 с. Б. Кз. 30 дв., 79 х. Кр. Булюбаша 24 дв. 60 х.

Д. Сидоры А. Кз. 6 дв., 9 х. 11 с. Кр. сотника Бутовскаго 13 дв., 16 х., 14 с. Б. Кз. 23 дв., 46 х. Кр. Булюбаша 8 дв., 29 х.

Д. Гринки. А. Кз. 10 дв., 16 х., 19 с. Кр. сотн. Бутовскаго 13 дв., 16 х., 17 с. Б. Кз. 31 дв., 48 х. Кр. Булюбаша 32 дв., 41 х., 12 бд. х. Пдс. 2 бд. х.

Кромѣ перечисленныхъ поселеній, по вѣдомости 1781 г. въ Чигриндубровской сотнѣ показаны еще д. Митлашевка и с. Великій Узвозь (иначе Промозовна). Первая находится около с. Гусинаго и въ ней значатся (1781 г.) только крестьяне Пуст.-Никол. м-ря, (13 дв.. 13 х. и 6 бд. х.), изъ чего слѣдуетъ заключить, что Митлашевка и поселена этимъ монастыремъ.—Великій Узвозь, недалеко отъ Мозолѣвки и при той же ложбинѣ, поселень Чигр.-дубровскими козаками во втор. пол. XVIII в., при чмъ Александръ Бутовскій посадилъ здѣсь и своихъ подсосѣдковъ. По описи 1781 г. здѣсь Кз. 41 дв., 98 х. Пдс. (Бутовскаго?) 14 дв., 24 х. и 20 бд. х.

Хуторовъ въ сотняхъ Чигриндубровской и Жовнинской, по вѣдомости 1781 г., значится всѣхъ—120, а въ нихъ: 6 дв. съ 20 х. и 484 бд. х. Отдельно: въ Чигр.-дубр. сотнѣ—69 хуторовъ, въ нихъ 3 дв., 12 х. и 391 бд. х. и въ Жовнинской¹⁾ 41 хуторъ, въ нихъ 3 дв., 8 х. и 93 бд. х.

— — — — —

---

¹⁾ По вѣдомости 1781 г. Жовнинскую сотню составляли слѣдующія поселенія: Жовнинъ, Гусиное, Лалинцы, Клищинцы, Матвѣевка, Липовое, Галицкая, Сватиловка, Кривая Руда, Гринки, Горбы, Сидоры, Крынки, Столбовая и Лебеховка.